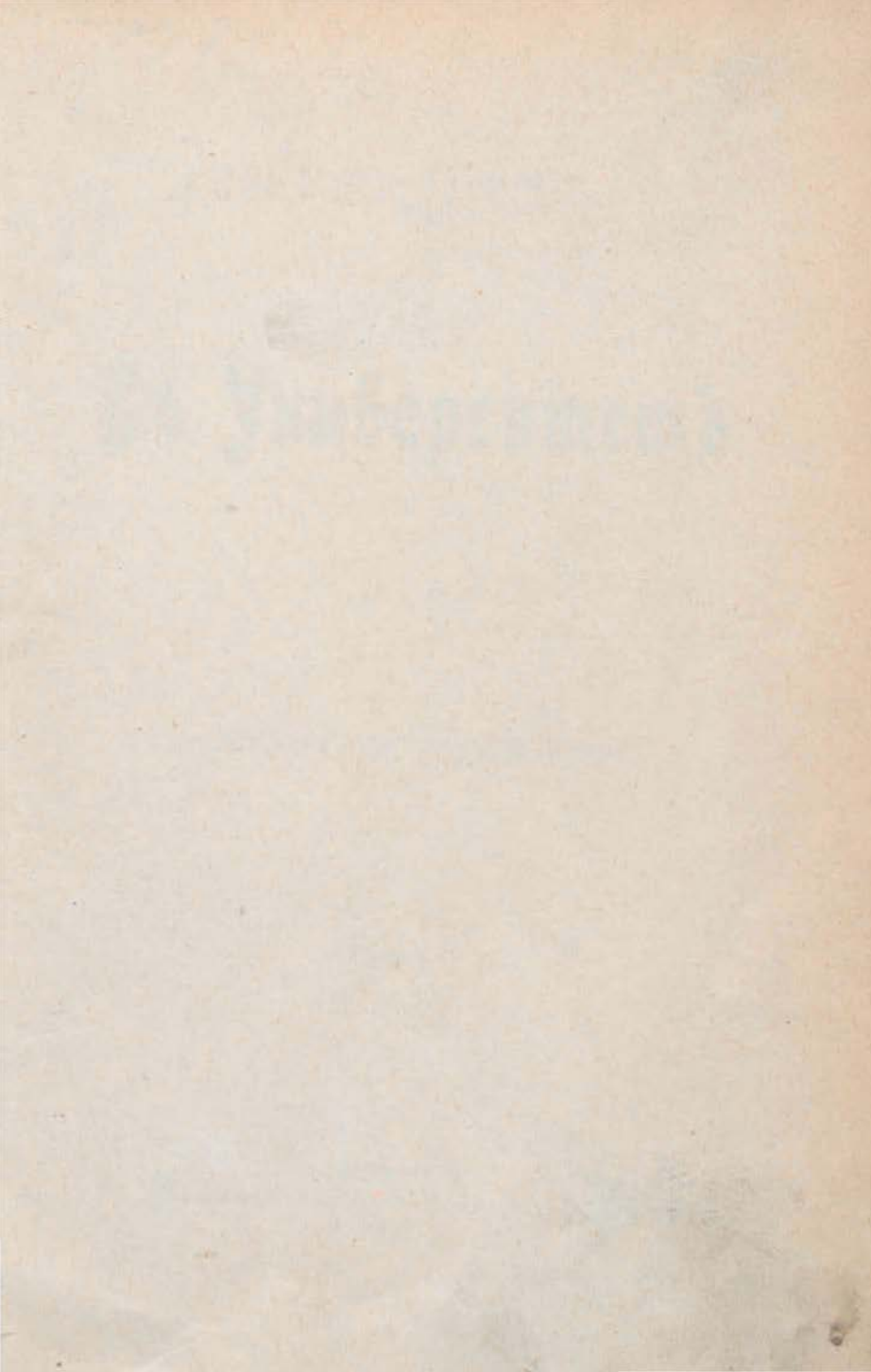

Q 65
126
17P

J $\frac{65}{126}$

965
126

801-86
15015-9

Борисъ Гегидзе

Въ Университетѣ

НАБРОСКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

1903

25

2010513987

ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Наброски студенческой жизни.

I.

Вернувшись домой поздно ночью послѣ веселой попойки, которую мы, только что окончившая гимназію молодежь, устроили въ честь полученія аттестатовъ зрѣлости и въ которой говорилось много восторженнаго и розоваго вздору, я еще долгое время не могъ заснуть отъ настойчиваго прилива неопредѣленно радостныхъ, волновавшихъ мнѣ душу сладкимъ трепетомъ мыслей.

Преодолывая усталость и сонъ, навязчиво проплывали передо мною сладостныя картинки сегодняшняго дня и все лѣзло мнѣ въ голову, какъ мы на пирушкѣ въ припадкѣ веселья танцовали другъ съ другомъ, цѣловались и, въ знакъ поруганія гимназіи сваливши въ одну огромную кучу словари Вейсмана и Шульца и

другія ненавистныя гимназическія книги, устроили имъ великолѣпное, торжественное ауто-да-фе.

Въ ушахъ моихъ стоялъ до сихъ поръ еще полупьяный говоръ голосовъ, громкіе крики и величественный мощный напѣвъ такъ сладко волновавшаго наши молодые сердца «Gaudeamus». Иногда вдругъ, проскальзывая среди этихъ радостныхъ, милыхъ сердцу картинъ, выплывали, поднимаясь со дна прошлаго, другія тяжелыя, непріятныя сценки недавняго гимназическаго житья, и я точно на яву видѣлъ зеленый экзаменаціонный столъ, сухія лица учителей и директора, и вспоминались мнѣ всѣ тревоги и перипетіи экзаменовъ и послѣдняго времени въ 8-мъ классѣ.

Онѣ носились, порхая и кружась передо мною, какъ бабочки, всѣ эти безчисленныя картинки униженія, муки и оскорбленія, которыя всѣ мы перенесли за эти безконечно долгихъ, ужасныхъ 8 лѣтъ ученья, и на мигъ мнѣ становилось невольно, при мысли о нихъ, даже теперь какъ-то невѣдомо и страшно, и больно и жутко. Но онѣ убѣгали и, смѣняя ихъ, развертывались предъ моимъ взоромъ уже иныя чудныя, безконечныя перспективы будущаго студенческаго житья, и при мысли о нихъ такъ становилось хорошо и сладостно, что слезы какого-то неизъяснимаго и неопредѣленнаго, но трепещущаго счастья наворачивались мнѣ на глаза.

Эти образы, ощущенія, то тяжелые, то сладкіе, но одинаково волнующіе, кипѣли, плыли и бурлили въ моей душѣ и, сопровождаемые ни на одинъ мигъ немолчающимъ сладкимъ сознаніемъ, что кончены наконецъ ненавистныя гимназическіе годы, сливались въ

одно широкое, радостное чувство жизни, притокъ силъ, какой-то сумасшедшей огромной радости и, возбуждая нервы, мѣшали мнѣ спать.

Провалившись въ постели часа два, я почувствовалъ, что мнѣ сегодня не заснуть; я вскочилъ съ постели и, чувствуя прямо потребность сбросить кому-нибудь часть своей радости и излить свою душу, сѣлъ въ одной рубашкѣ за столъ и написалъ при слабомъ колеблющемся свѣтѣ свѣчи длинное письмо къ своему лучшему другу, молодому врачу Александру Болговскому. Писать мнѣ было легко и радостно. Мысли бѣжали сами собой и рука едва поспѣвала за ними.

«Дорогой Александръ»—писалъ я—«поздравь меня съ самымъ лучшимъ днемъ моей жизни. Сегодня я кончилъ гимназію и совершенно наконецъ-то свободень.. Ура!»

Что-то возбуждающее и хорошее подступило къ моему горлу и сжало его. Слезы счастья и волненія брызнули изъ глазъ и заиграли при свѣтѣ свѣчки брилліантками на рѣсницахъ. Я улыбнулся невольно этимъ слезамъ, и мнѣ стало и стыдно той слабости, и странно, и молодечески хорошо. «Глупо», сказалъ я себѣ. «Что глупо? слезы глупо? Нѣтъ, хорошо». Я сладко зажмурился, словно окунаясь въ ароматичную ванну, и продолжалъ:

«Пройдены наконецъ эти безконечные ненавистные, опротивившіе мнѣ до тошноты годы гимназіи съ глупыми учителями, карцерами, латинской грамматикой и всякой дребеденью. Я вступаю теперь въ тотъ періодъ жизни, который всѣми считается самымъ свѣт-

лымъ и счастливымъ, идеалы котораго чтутся всю жизнь и о которомъ люди, даже наиболѣе погрязшіе въ сѣрой жизни, вспоминаютъ всю жизнь со слезами и умиленіемъ. Я вхожу теперь въ двери того зданія, которое называется «храмомъ науки» и которому присвоено самое благоговѣйное и святое для человѣка имя «благодатной матери». Какъ оно подходитъ и какъ оно чудесно выражаетъ сущность университета!

«Какое радостное и великолѣпное будущее открывается мнѣ отнынѣ. Не о немъ ли мы всѣ грезили въ послѣднихъ классахъ, какъ о какомъ-то свѣтломъ и прекрасномъ раѣ, и я вполне увѣренъ, что университетъ не обманетъ нашихъ ожиданій. Быть студентомъ, приобретаая знанія для того, чтобы потомъ быть полезнымъ людямъ, бороться за возвышенныя идеи — что можетъ быть выше и благороднѣе этого положенія? Что теперь есть въ Россіи болѣе интеллигентнаго, чѣмъ они, и высшаго въ смыслѣ образованности и стремленія къ добру и морали? Я вступаю членомъ въ самый лучшій и тѣсный на свѣтѣ союзъ студентовъ и профессоровъ, называемый такъ хорошо и глубоко-вѣрно университетской семьей.

«Въ тѣ минуты, когда я думаю о будущемъ, я такъ себѣ представляю свою предстоящую студенческую жизнь. Днемъ я буду аккуратно ходить на лекціи, свои и общеобразовательныя. Мнѣ совершенно непонятны тѣ заявленія, которыя такъ часто, къ сожалѣнію, приходится слышать отъ нѣкоторыхъ (вѣроятно, наиболѣе слабыхъ) студентовъ о томъ, что они находятъ излишнимъ посѣщеніе лекцій.

«Мнѣ странно это... Какъ?.. Неужели часы свободной духовной бесѣды съ людьми, жаждущими безграничнаго знанія (я думаю не я одинъ таковъ, а большинство), неужели эти часы обмѣна мыслей съ просвѣщеннымъ, стремящимся вести насъ, слушателей, къ добру наставникомъ-профессоромъ... неужели эти часы не являются той драгоценностью, къ которой нужно жадно стремиться, а скучнымъ, безконечнымъ времяпрепровожденіемъ... Нѣтъ, я не вѣрю этому и твердо рѣшилъ посѣщать и слушать какъ можно больше лекцій. Послѣ обѣда по нѣсколько часовъ я буду заниматься. Ты, быть можетъ, улыбнешься, Александръ, зная, какимъ я былъ всегда лѣнтяемъ. Но вѣдь изучать изъ-подъ палки гимназическую дребедень и заниматься высокими истинами свободной науки, кругъ предметовъ которой я самъ избираю—не одно и то же.

«Я постараюсь непременно, сверхъ того, войти въ нѣсколько научныхъ и самообразовательныхъ кружковъ, которые, говорятъ, теперь очень распространены и которые, по-моему, имѣютъ большое воспитательное значеніе. Я завяжу съ наиболѣе симпатичными профессорами сношенія, которыя тоже, по отзывамъ стариковъ, весьма процвѣтаютъ. Отъ нихъ, какъ отъ старшихъ и просвѣщенныхъ нашихъ друзей, я надѣюсь, многому хорошему можно будетъ понаучиться.

«Я увѣренъ, мой другъ, что за всѣми этими занятіями, сознавая себя полезнымъ членомъ общества и работая съ наслажденіемъ, и не замѣчу, какъ промелькнетъ время, и та скука и безпричинная, происходящая отъ бездѣлья

тоска, которая меня часто грызетъ теперь, исчезнетъ какъ дымъ невозвратно.

«Мнѣ жаль только одного, что этотъ полезный, прекрасный, почти идеальный періодъ жизни пролетитъ такъ скоро и я не имѣю средствъ, чтобы, окончивъ одинъ факультетъ, перейти на другой, а то бы я, кажется, не шутя способенъ бы былъ проучиться поль- жизни.

«Прощай, прощай, дорогой Александръ. Тебѣ, вѣрно, смѣшны эти мои розовые восторги. Но вспомни, что ты и самъ переживалъ это время и что это бываетъ въ жизни только одинъ разъ, и порадуйся за своего безконечно счастливаго, влюбленнаго въ жизнь

«В о л о д ю».

Долго еще, написавъ это письмо, я не могъ заснуть. Слишкомъ ужъ мнѣ было радостно. Я открылъ окно и, опершись локтями на подоконникъ, сталъ смотрѣть въ неясную пепельную темноту іюньской теплой ночи. Было тихо, таинственно и какъ-то мистически чудно, и все: и деревья расположеннаго напротивъ пышнаго и тѣнистаго, теперь ночью какъ-то особенно манившаго къ себѣ городского сада, и дома и улицы—все это сгустилось въ одно что-то темное, черное и страшное и казалось полнымъ высокой гармоніи, надежды на счастье и любви. Тайна и радость были и въ саду, и въ сосѣд- немъ, маленькомъ, обвитомъ плющемъ, деревянномъ домѣ въ широкой улицѣ, длившейся внизъ, въ далекомъ городѣ, утопавшемъ во снѣ. Теперь онъ закутался въ мракъ и только кое-гдѣ свѣтились тусклые фонари и

слабо мигали, зажигаясь и потухая, далекіе золотые огоньки въ лачугахъ. Дома купались въ морѣ темноты и мирно дремали подъ мягкою ласкою ночи.

Я смотрѣлъ на садъ, на далеко мерцавшіе огоньки пригорода, на высокое, чудное, прозрачное сѣрое небо, на далекія, тихо трепещущія, то сбившіяся въ кучу, то разбросанныя отдѣльно, зеленовато-серебряныя звѣзды и вслушивался въ ночную кроткую металлическую тишь. Проходилъ по улицѣ какой-нибудь запоздалый гость, долеталъ слабый, казавшійся издали мелодичнымъ лай собакъ, раздавались трещетки ночныхъ сторожей или далекій протяжный свистокъ паровоза и все это, сплетаясь вмѣстѣ, и ночные звуки, и небо, и звѣзды, и темнота, и лѣтніе запахи, все казалось мнѣ исполненнымъ какого-то неизъяснимаго предчувствія огромнаго свѣтлаго счастья и неопредѣленной надежды на что-то. И все мнѣ чудилось, что вотъ-вотъ кто-то придетъ, кто-то огромный, невѣдомый, спугнетъ эту тишину, нарушитъ безмятежное очарованье и откроетъ эту неизъяснимую, невѣдомую тайну. Но время шло и была та же ночь, и та же неясность, и тѣ же мигающія звѣзды и вѣтерокъ, тѣ же сладкіе запахи ночи, сухой земли и листьевъ и неопредѣленные звуки, кроткіе и тихіе, и то же полное ожиданія настроеніе.

«Господи... Господи!» шептала я, глядя на глубокое безконечное небо и самъ не зная, что означали эти слова и чего мнѣ хотѣлось.

Но вотъ темнота стала рѣдѣть и исчезла. Воздухъ поблѣднѣлъ и сталъ сѣро-прозрачнымъ. Небо сдѣлалось чище, холоднѣе и поглубѣло. Звѣзды одна за другой по-

тонули въ небесномъ просторѣ. Потянуло вѣтеркомъ и стало по-утреннему холодно. Востокъ, сначала блѣдный и безцвѣтный, сталъ наливаясь свѣтомъ и золотиться.

Стояла особая предразсвѣтная легкость, чистота и тишь. Каждый звукъ, каждое движеніе были слышны далеко-далеко. Деревья слабо шелестили листьями и медленно качали вѣтвями. Что-то просыпалось, сбрасывая ночной сонъ, и, казалось, вотъ-вотъ все оживится, задвигется и оживетъ, и наполнится шумомъ и веселіемъ, и дастъ природѣ жизнь и счастье. Въ саду слабо чирикнула какая-та птичка и за ней другая. Она сѣла, трепеща хвостикомъ, на тонкую вѣтку и вѣтка дрожала и колыхалась въ воздухѣ. Совсѣмъ уже по-утреннему закричалъ бодро и громко пѣтухъ и откуда-то далеко отозвался ему другой, слабо и протяжно. Солнце всходило еще не видное мнѣ, но уже золотило верхушки домовъ и деревьевъ.

Пожимаясь отъ утренняго холода, я смотрѣлъ на это пробужденіе природы, на чистое, чудесное нѣжно-сиреневое небо, на далекій, горѣвшій золотомъ крестъ высокой церкви, и будущая студенческая жизнь представлялась мнѣ такой же свѣтлой и прекрасной, какъ все ярче и ярче, чище и чище разгоравшееся золотистое сіяніе востока.

II.

Было уже довольно свѣтлое утро петербургскаго октябрскаго дня и стрѣлка на стоявшемъ на ночномъ столикѣ около постели будильникѣ показывала безъ пяти десять, когда я, студентъ-юристъ III курса, проснулся въ своей небольшой и недурно меблированной комнатѣ на Вознесенскомъ проспектѣ. Вчера я въ компаніи засидѣлся въ Акваріумѣ до трехъ часовъ и потому сегодня нѣсколько заспался и чувствовалъ себя не совсѣмъ свѣжимъ.

Опустивъ по привычѣ руку на ночной столикъ, чтобы взять газету, которую я люблю читать еще въ постели, я нашелъ при ней два письма: одно, открытое, заключающее въ себѣ извѣщеніе о томъ, чтобы пожаловать сегодня къ N N на чашку чаю (это было сим-волизированное приглашеніе на земляческое собраніе), и другое, закрытое, отъ моего однокурсника и товарища по факультету Николая Доброва о предметѣ нѣсколько иномъ и болѣе веселомъ, но которое заставило меня немного задуматься.

Недѣли двѣ тому назадъ въ залѣ Фонъ-Дервиза, на одномъ изъ тѣхъ музыкально-танцевальныхъ вечеровъ, гдѣ можно недурно провести время и гдѣ бываетъ довольно много полуприличныхъ и пикантныхъ особъ, я познакомился съ одной миловидной и, главное, совсѣмъ еще свѣженькой модисткой. Я отвезъ ее въ гостиницу и былъ у нея потомъ нѣсколько разъ.

Какъ-то разъ я имѣлъ неосторожность проболтаться

о ней Николаю и обѣщаль познакомить его съ ней. Теперь, въ письмѣ, онъ напоминалъ мнѣ объ этомъ обѣщаньи и просилъ зайти сегодня въ университетъ, чтобы условиться насчетъ поѣздки къ ней.

«Сегодня я получилъ деньги изъ дому и къ тому же давно не былъ у женщинъ. Нужно освѣжить тѣло, чтобъ сдѣлать здоровымъ мозгъ», писалъ онъ веселымъ и шутливымъ тономъ о ней, какъ о такомъ пикантномъ и легкомъ предметѣ, къ которому вполне подходило такое игривое настроеніе.

Я поморщился и отложилъ письмо въ сторону.

Письмо это было мнѣ непріятно. Мнѣ не хотѣлось теперь исполнять своего обѣщанія и жалко было, что я проболтался обо всемъ этомъ. Теперь я раскаивался, что сказалъ о ней Николаю (она была настолько недурна, что жаль было отдавать ее кому-нибудь другому). «Да вотъ и наказанъ», подумалъ я такъ, какъ будто это сознаніе доставляло мнѣ удовольствіе. «Глупо, очень глупо и совсѣмъ ужъ наивно...» сказалъ я себѣ, относя это къ тому, что я проговорился, и придумывая, какъ бы это сдѣлать, чтобы не исполнить своего обѣщанія. «Да теперь развѣ выдумать что-нибудь такое. Да вотъ что... скажу, что я сегодня приглашенъ въ гости.. Что она уѣхала куда-нибудь... Да, что-нибудь наболтаю... да, а ему не стоитъ», сказалъ я рѣшительно мысленно себѣ, перевертываясь на другой бокъ и съ облегченнымъ сердцемъ отъ принятаго рѣшенія завертываясь въ одѣяло.

И тотчасъ же, покончивъ съ этимъ вопросомъ, моя мысль легко и прямо перешла къ тому, что служило предметомъ этихъ мыслей, и остановилась радостно

на ней самой. «Да, а какъ она сама мила», подумалъ я, вспоминая о ней, ея синее простенькое платье, фигуру, лицо съ большими карими глазами и то, какъ она въ гостиницѣ полупритворно (а можетъ и серьезно... нѣтъ, едва ли) боролась со мной и какъ дрожали ея руки, когда она снимала съ себя платье.

Моя мысль обѣжала все это съ легкимъ тщеславнымъ чувствомъ удовлетворенной побѣды. «Да... ахъ, оставьте пожалуйста», вспомнилъ я невольно тѣ слова, которыя она мнѣ все время твердила. «Оставьте пожалуйста... ишь ты что захотѣла», сказалъ я самъ себѣ, слегка улыбаясь «Да, очень, очень мила, и еще къ ней бы можно... когда?... да въ четвергъ развѣ.. Кажется, она говорила. Да, а ему не стоитъ», сказалъ я окончательно, думая о Николаѣ, и, отбросивъ въ сторону всѣ эти мысли о томъ, что было, легко и свободно взялся за книгу.

Я всегда въ постели читаю часъ-два что-нибудь изъ предметовъ своего курса и благодаря этому легко все przygotowляю къ экзаменамъ и отлично перехожу съ курса на курсъ, тогда какъ большинство моихъ товарищей ничего не дѣлаютъ круглый годъ и начинаютъ заниматься до экзаменовъ за какой-нибудь мѣсяцъ. Читать разсужденіе о налогѣ на соль или о власти епархіальныхъ архіереевъ не доставляетъ мнѣ, правда, того особеннаго захватывающаго интереса, съ которымъ я бывало проглатывалъ въ шестомъ классѣ сочиненія Писарева. Но предметы даются мнѣ легко; я знаю, что ихъ нужно учить, и читаю хоть и безъ восторга, но и безъ скуки.

Горничная Маша, бѣлокурая дѣвушка съ зачесанными назадъ мочалочнаго цвѣта волосами, чистая и свѣжая, какъ всегда, въ своемъ бѣломъ съ кружевными прошивками передникѣ, вошла въ комнату, неся шипѣвшій шумный самоваръ, и прервала мое чтеніе. Я взглянулъ на часы: было безъ четверти одиннадцать. Я вскочилъ, наскоро напился чаю и пошелъ на Васильевскій островъ обдумывая по пути свое рѣшеніе. Когда я подошелъ къ университету, туда уже со всѣхъ сторонъ подѣзжали и шли студенты, безпрестанно хлопая дверьми. Стояло нѣсколько извозчиковъ. Какой-то высокій, полный мужчина, въ синемъ пальто и калошахъ на сапогахъ, разложилъ на каменномъ фундаментѣ рѣшетки старыя книги и кричалъ свѣжимъ сочнымъ голосомъ, зазывая покупателей.

«Юридическія разныя книги Авенаріуса. Человѣческое міропониманіе. Полное собраніе законовъ подъ редакціей Боровиковскаго... Градовскаго государственное право... два съ полтиной...»

Какой-то типъ въ рыжемъ рваномъ пальто и стоптанныхъ башмакахъ подходилъ ко всѣмъ шедшимъ студентамъ и, снимая шапку и дѣлая просящее лицо, говорилъ тихимъ виноватымъ голосомъ:

«Пожертвуйте что-нибудь, ваша милость. Явите божескую милость. Три дня не ѣлъ. Ей-Богу!»

Прежде, когда я въ первый разъ увидалъ университетъ, я испыталъ радостное и восторженное чувство осуществленія давнишней и свѣтлой мечты и вступленія въ чудную новую жизнь. Какъ сильно, до вѣрчиво и сладко билось мое сердце, когда я впер-

вые отворялъ дверь того зданія, которое я считалъ своей Alma mater.

Теперь, всякій разъ, когда я подхожу къ этому длинному розовому, растянувшемуся, какъ ящерица, Петровскому зданію — а это бываетъ, правда, не особенно часто — я не только не испытываю и слабой тѣни того радостнаго волнующаго трепета, но никакъ не могу подавить въ себѣ тѣ чувства безпричиннаго раздраженія, омерзѣнія и тупого отвращенія, которыя мною овладѣваютъ всегда при видѣ этихъ до тошноты прѣвшихся розовыхъ стѣнъ съ садикомъ впереди, защищеннымъ желѣзною рѣшеткой.

Мнѣ всегда кажется, когда я отворяю эту тяжелую дверь, что то, что я тамъ внутри увижу и услышу, будетъ такъ же пошло, скучно и сѣро, какъ видъ этого длиннаго некрасиваго, словно придавленнаго зданія.

III.

Какъ всегда, здѣсь, въ серединѣ Университета, было шумно, людно и подвижно.

Высокій, въ синей ливреѣ, съ сѣдой бородой и строгимъ лицомъ швейцаръ снялъ мнѣ шапку, какъ это онъ дѣлаетъ тысячи разъ въ день всѣмъ студентамъ, и это сразу меня раздражило. Я пошелъ прямо въ раздѣвальню. Около двери, за круглымъ столомъ, на которомъ разложена была афиша, сидѣли нѣсколько толстыхъ, горбоносыхъ, съ влажными большими глазами студентовъ и продавали билеты на студенческій вечеръ. Они

уже три недѣли сидѣли здѣсь и, очевидно, больше думали о билетахъ, чѣмъ о посѣщеніи лекцій. Одинъ изъ нихъ, смѣясь и обнажая бѣлые зубы, говорилъ что-то другому и тотъ одобрительно кивалъ ему головой. Отъ ихъ смуглыхъ, полныхъ лицъ, небрежной позы, сюртуковъ изъ царскаго сукна вѣяло тѣмъ милымъ самодовольствомъ и безпечной жизнерадостностью, которые бываютъ у здоровыхъ, беззаботныхъ, увѣренныхъ въ себѣ молодыхъ людей.

Изъ раздѣвальной въ переднюю лилась живая, медленная рѣка человѣческихъ тѣлъ и, подвигаясь вверхъ по лѣстницѣ, въ дверяхъ сталкивалась съ другой, шедшей напротивъ, и оттого въ проходѣ получалась толкотня и такая давка, что трудно было пробиться. Стоялъ гамъ и говоръ, шумъ и крики и все это вмѣстѣ, слившись въ одну нестройную гамму отдѣльныхъ возгласовъ, перепархивавшихъ отъ одного къ другому словъ, топота сотенъ ногъ и взрывовъ радостнаго громкаго смѣха, все это давало такое ощущеніе, какъ будто откуда-то на полъ сыпали гороху, и, сплетаясь въ одно шумливое, кричащее и говорливое цѣлое, наполняло своды зданія крикомъ и жизнью.

Около прилавка сошлась толпа и пила чай, ѣла, звенѣла стаканами, смѣясь и болтая. Прислуживало нѣсколько студентовъ съ помощью сухой дѣвицы въ пенснэ и нѣсколькихъ мальчишекъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, поспѣшно бѣгавшихъ туда и сюда. Студенты были одни и тѣ же весь годъ, мало видимо думавшіе о занятіяхъ. Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ лысый, со старческимъ выраженіемъ лица, завсегда-

тай и руководитель буфета, постоянно говорившій на сходкахъ, но никогда не попадавшійся по непонятнымъ причинамъ, что-то кричалъ, размахивая рукой, другому извѣстному мнѣ студенту Семенову, черноволосому плотному малому въ синей рубашкѣ подъ тулужуркой, бывавшему постоянно у Доминика и пользовавшемуся почему-то даровыми обѣдами столовой.

Мнѣ всегда было непріятно это студенческое стадо уже по одному тому, что оно одѣто въ одну и ту же сѣро-синюю безвкусную форму сюртуковъ и тулужурокъ. Одежда это душа человѣческаго тѣла. Она лучше всего выражаетъ внутреннее существо каждаго человѣка, его манеру смотрѣть на вещи, мыслить. Сюртукъ, визитка, простая рубашка, манера носить ихъ, такъ или иначе повязанный галстукъ, даже воткнутая булавка на немъ объясняютъ человѣка лучше, чѣмъ продолжительное знакомство съ нимъ. Одежда—это символъ ума, вкуса и индивидуальности человѣка. Форма съ несчастьемъ уничтожила это отличіе, и теперь всѣ студенты похожи другъ на друга, какъ рота солдатъ. Я не люблю этой шаблонной формы, но еще больше не люблю тѣхъ, кто ее носитъ.

Остановите каждаго изъ этихъ милыхъ молодыхъ людей и загляните на его лицо, изучая его выраженіе; какъ всѣ эти лица тупы, пошлы и лишены ума и отпечатка яркаго духа! Поговорите съ каждымъ изъ нихъ полчаса, загляните въ его внутренній міръ. Чѣмъ онъ живетъ, о чемъ онъ думаетъ, къ чему онъ стремится? Души ихъ такъ же пошлы, мелки и эгоистичны. Умы ихъ недоразвиты и лишены стремленія къ правдѣ.

О какъ ничтожны всѣ эти двуногіе тараканы, лишенные, какъ домашнія птицы большихъ крыльевъ, мощнаго духа, и, какъ всѣ ограниченные люди, какъ они влюблены въ себя и увѣрены въ своемъ высокомъ студенческомъ назначеніи, увѣрены потому, что не могутъ прозрѣть правды о себѣ, о своей жизни.

О, толпа,—узкая духомъ, непостоянная, какъ дымъ, освишывающая тѣхъ, кто ея выше, и сильная только крѣпкими лбами, ты можешь вызывать къ себѣ только презрѣніе! Ты кричишь громко и шумно только потому, чтобы обмануть себя о томъ, какъ ты ничтожна! Ты способна на мигъ сдѣлать подвигъ, но чрезъ день ты измѣнишь себѣ забывши все то, о чемъ раньше кричала, и спокойно будешь служить тому, что называла прежде произволомъ!

Я пробирался съ этимъ чувствомъ сквозь толпу. Величественный педелъ съ медалью на шеѣ, съ жирнымъ и развращеннымъ лицомъ, который кланяется мнѣ, когда я бываю въ сюртукѣ, и не кланяется, когда въ тужуркѣ, теперь почтительно поклонился мнѣ и крикнулъ повелительнымъ голосомъ: «Тимофеевъ!»

Тимофеевъ, невысокій бородатый деревенскій мужикъ, еще совершенно необтесанный, несмотря на свое долготнѣе пребываніе въ столицѣ, съ испуганнымъ и виноватымъ выраженіемъ лица кинулся ко мнѣ, обчищая свой длинный поношенный сюртукъ съ бѣлыми пуговицами.

Прежде мнѣ было очень неловко, что этотъ сорокалѣтній мужчина бѣжитъ и снимаетъ пальто съ меня, который по лѣтамъ годится ему въ сыновья. Я ста-

рался сперва избѣгать его, но, увидавъ, что здѣсь это такъ принято и это дѣлали всѣ, я потерялъ это хорошее чувство стыда и спокойно скидываю шинель на его руки и небрежно головою киваю на его поклонъ.

Проходя мимо стойки, какъ разъ столкнулся съ Николаемъ. Онъ разговаривалъ съ небольшого роста плѣшивымъ студентомъ въ очкахъ и, жуя влажными сочными губами пирожокъ, кивалъ головою на его слова. Отъ его полной, статной фигуры, массы бѣлокурыхъ курчавыхъ волосъ, темно-зеленаго сюртука отъ Норденштрема вѣяло сытымъ безпечнымъ студенческимъ счастьемъ. Плѣшивый студентъ былъ мнѣ нѣсколько знакомъ. Онъ былъ уже десять лѣтъ студентомъ, сначала естественникомъ, потомъ юристомъ. Его никогда не видали на экзаменахъ и никто не зналъ, на какомъ онъ курсѣ и какъ хорошо на такомъ факультетѣ. Онъ бывалъ въ университетѣ тогда, когда бывало тихо, во время же безпорядковъ сидѣлъ дома и, лавируя такъ между Сциллой и Харибдой, онъ спокойно сидѣлъ въ университетѣ и никогда не былъ ни уволенъ, ни помѣченъ ни разу во всѣ послѣдніе тревожные годы.

«А!» закричалъ Николай, завидя меня и кивая мнѣ издали головою и улыбкой обнажая рядъ бѣлыхъ крѣпкихъ зубовъ, «что, получилъ? Такъ когда же ѣдемъ? Сегодня что ли?» сказалъ онъ, ударяя рукой о прилавокъ.

«Нѣтъ, мой другъ, я не поѣду», сказалъ я, пожимая его крѣпкую сильную руку и здороваясь съ плѣшивымъ студентомъ.

На плоскомъ красивомъ лицѣ Николая появилось выраженіе удивленнаго недоумѣнія.

«Но отчего же?» сказалъ онъ удивленно.

«Я далъ слово сегодня быть у N», сказалъ я и сталъ говорить то, что придумалъ утромъ. Николай, выслушавъ, безпечно тряхнулъ кудрями.

«Ну что сдѣлать!» сказалъ онъ со спокойной улыбкой человѣка, которому все равно, когда провести пріятно время и, закуривъ папиросу, онъ сталъ рассказывать о томъ, какъ вчера на Семеновскомъ плацу выигралъ не фаворитъ, а другая лошадь. Я не сталъ слушать и пошелъ по коридору.

«Сегодня будешь у Доминика? Приходи!» крикнулъ онъ мнѣ издали, когда я шелъ навстрѣчу.

На лѣстницѣ, на площадкѣ и въ коридорѣ была та же толпа и тотъ же шумъ голосовъ. Лекціи только что кончились и изъ аудиторій выходили профессора. Фигуры ихъ въ свѣжихъ черныхъ сюртукахъ и форменныхъ вицмундирахъ были величественны и исполнены сознанія собственной учености и важности своего профессорскаго назначенія. Сторожа раболѣпно кланялись имъ.

Изъ 9-ой, ближайшей къ выходу, аудиторіи вышелъ молодой европейски-извѣстный геніальный профессоръ, на котораго было жаль смотрѣть, до такой степени онъ былъ изсушенъ наукой. Это былъ не живой, гармонично-чувственный и способный къ наслажденіямъ жизни, любви, женщинами, нормальный человѣкъ. Это былъ высохшій отъ кабинетной работы, движущійся трупъ. Профессоръ шелъ быстро, сѣменя но-

гамп. Изъ 7-ой и 6-ой вышли два филолога—одинъ, читавшій литовскую діалектологию, другой—пѣтику Аристотеля, съ такими выраженіями лицъ, которыя говорили, что они считаютъ эту діалектологию и пѣтику Аристотеля очень нужными для счастья и движенія впередъ человѣчества и эта увѣренность проявилась въ ихъ движеніяхъ. Выходя изъ 3-ей, съ ними столкнулся профессоръ математики Матвѣевъ, извѣстный ученый, маленькій человѣкъ, волочившій на ходу ногу и извѣстный еще тѣмъ, то во время безпорядковъ онъ читалъ два часа въ совершенно пустой аудиторіи. Профессора пожали другъ другу руки.

«Ну чтожъ, когда та дама... какъ ее, что изъ заграницы прѣхала... защищать свою диссертацию будетъ?» спросилъ, обращаясь къ Матвѣеву, профессоръ литовской діалектологии съ насмѣшливой и веселой улыбкой.

Профессоръ зналъ, что Матвѣевъ былъ ярый анти-феминистъ и не могъ допустить, чтобы женщина защищала диссертацию въ его университетѣ. Профессоръ, напротивъ, былъ либераль и сторонникъ женскаго движенія и хотѣлъ посмѣяться надъ Матвѣевымъ въ присутствіи товарищей.

«Вы знаете, что я женщинъ не пропускаю никогда. Пускай идетъ, куда ей угодно... хоть въ Томскъ... а здѣсь она ничего не получитъ. Я это имъ такъ и объявлю», сказалъ мрачно и сердито Матвѣевъ, не подавая иллюзіямъ о способности женщинъ къ образованію и, очевидно, подъ ними подразумѣвая тѣхъ наивныхъ и либеральныхъ людей, которые могли разрѣшить женщинѣ защищать докторскую диссертацию.

Около 5-й аудиторіи образовалась толпа и меня задержали. Два молодых студента, очевидно первокурсники, что-то рассказывали одинъ другому.

«Вы что слушали?» спросилъ одинъ, снимая пенснэ и протирая стекла платкомъ.

«Политическую экономію. Дурень ужасный. Маркса ругалъ и какую-то новую теорію общественности придумалъ. Богъ знаетъ, что за гиль. Вѣнскій вальсъ въ наукѣ», сказалъ смѣясь другой студентъ съ неглухимъ выраженіемъ лица.

«Такъ ты Ольгу видалъ?» крикнулъ какой-то высокій студентъ въ шюртукѣ, приготовляясь идти.

«Да... а что?»

«Кланяйся ей отъ меня. Скажи, чтобы въ субботу къ нашимъ приходила».

Дверь 5-ой аудиторіи отворилась и изъ нея вышелъ тотъ самый профессоръ, котораго ругали студенты. Это былъ профессоръ Юрьевскій, извѣстный тѣмъ, что совѣтовалъ рабочимъ воздерживаться отъ дѣторожденія, и сваливавшій на ихъ плодовитость все бѣдствія ихъ существованія. (Самъ профессоръ имѣлъ каменный домъ въ Петербургѣ и дачу въ Царскомъ Селѣ). Отъ всего его чистаго вицмундира, съ золотыми контрпогонами, отъ самоувѣреннаго лица, въ синеватыхъ очкахъ, отъ его мелкой походки вѣяло самомиѣніемъ и той особенной сытой тупостью, которая бываетъ у ученыхъ и глупыхъ отъ природы людей. Профессоръ плылъ по коридору, какъ индюкъ, нахохливъ грудь и растопыривъ крылья, строго и важно глядя впередъ себя и отвѣчая милостиво на подобострастные поклоны

вахтеровъ и сторожей. «Я сытъ, ученъ и чистъ и въ правѣ принимать отъ людей всякія выраженія почтенія», говорило это лицо.

Я прошелся по коридору нѣсколько разъ, встрѣчаясь со знакомыми и здороваясь. Въ огромномъ, бесконечно уходящемъ вдаль коридорѣ съ паркетнымъ блестящимъ поломъ была та же толпа сюртуковъ и тузурокъ и такъ же, какъ въ раздѣвальнѣ, пошелся потокъ разговоровъ и словъ и получалось неясное ощущеніе, какъ будто вдали жужжать пчелы... Студенты шли по-двое, по-трое, весело смѣясь и болтая и всѣ имѣли такой видъ, какъ будто очень торопятся идти куда-то за дѣломъ и если опоздають на минуту, то все погибло. Такъ же прошелъ плѣшивый студентъ, разговаривавшій въ буфетѣ съ Николаемъ... Такъ же пробѣжалъ быстро, кивая на ходу головой одинъ изъ братьевъ Кованько, такъ же прошелъ, высоко держа голову на ходу, красавецъ Охтольскій, такъ же шли, будто бѣжали по паркету, всѣ, кто попался навстрѣчу, и у всѣхъ былъ одинъ общій видъ поспѣшности и дѣла.

Но мнѣ теперь отлично извѣстно, что этотъ видъ одинъ только обманъ и большинство ходятъ здѣсь такъ же безцѣльно, какъ и я. Мнѣ отлично извѣстно, что большинство приходитъ сюда потому, что дома нечего дѣлать и они привыкли бывать здѣсь иногда, какъ старые члены въ клубѣ, по привычкѣ. Одна часть, бродя по Петербургу, забѣгаетъ сюда позавтракать, поболтать и какъ-нибудь убить время. Часть приходитъ сюда потому, что здѣсь скорѣе всего най-

детъ знакомыхъ. Часть попадаетъ сюда, сама не зная зачѣмъ. Такъ что тѣ, кто дѣйствительно приходятъ послушать лекціи, составляютъ меньшинство и къ тому же почему-то, я замѣтилъ, меньшинство наиболѣе глупое и тупое!

Я шелъ по коридору, здороваясь со знакомыми и смотря на выходившія въ коридоръ небольшія двери аудиторій, когда на мои плечи легла чья-то рука и веселый, сочный знакомый голосъ произнесъ позади меня: «Здорово».

Я обернулся, догадываясь уже по голосу, кого я увижу, и точно увидалъ его, Василия Евгеніева, или попросту Ваську, моего товарища по Доминику, Альказару и другимъ пріятнымъ увеселеніямъ. Васька былъ средняго роста, коренастый здоровый малый, съ веселымъ русскимъ лицомъ, сильно вздернутымъ носомъ и большими свѣтлыми, сіявшими одушевленіемъ глазами. Студенческая жизнь, билліарды, и сто рублей въ мѣсяцъ, которые онъ получалъ изъ дому, видимо шли ему на пользу и онъ былъ здоровъ и свѣжъ, какъ хорошо откормленный поросенокъ. Глаза Васьки теперь сіяли игривымъ свѣтомъ и цвѣли радостною безпечною улыбкой.

«Какъ я радъ, что наконецъ-то поймалъ тебя. Понимаешь, заходилъ вчера три раза и просидѣлъ дожидаясь битыхъ 2 часа и все не могъ застать. Ты гдѣ былъ? въ Альказарѣ... Не отпирайся, каналья, не повѣрю», сказалъ онъ съ веселою улыбкой, подмигивая мнѣ однимъ глазомъ, хотя я и не думалъ вовсе отпираться.

«А у меня вотъ къ тебѣ одно дѣльце, другъ мой»,—сказалъ онъ, беря меня за руку. «Сегодня я, братъ, долженъ былъ провожать однихъ дамочекъ въ театръ, да на грѣхъ оказалось (чтобъ ихъ чортъ побралъ!) теткинны именины. Неловко, надо идти. Такъ ты вотъ что», сказалъ онъ, хлопая меня по плечу, какъ бы уничтожая этимъ возможность отказа, «ты поѣзжай съ ними вмѣсто меня... Чудесныя дѣвицы или дамы (шутъ ихъ разберетъ?)... Такъ идетъ, что ли?»—спросилъ онъ нетерпѣливо. Я хотѣлъ отказаться. Но онъ быстро перебилъ меня.

«Я тебѣ расскажу, какъ я съ ними познакомился. Пикантная вещичка», сказалъ онъ, беря меня подъ руку и смѣясь одними глазами при воспоминаніи о чемъ-то и начиная рассказывать мнѣ, какъ онъ познакомился съ ними. Я перебилъ его.

«Я не поѣду», сказалъ я коротко.

«Но почему?» спросилъ онъ удивленно.

«Не хочется».

«Ну, какъ знаешь... Только ты свинья, братецъ... Не хочешь мнѣ товарищеской услуги оказать... Другой разъ никогда не поѣду для тебя къ Эммѣ», сказалъ онъ, напуская на себя обидчивость, хотя я не помнилъ никакой Эммы... «Ну, чортъ съ тобой! Ты куда теперъ? Пойдемъ Грузди слушать. Я къ нему на лекцію. Веселый, братъ, малый и все словами иностранными сыпетъ... Признаться, я ничего не понимаю... Да надо ходить, чтобъ фізіономію запомнить... Пойдемъ... Онъ сегодня теорію Г. разбираетъ... Ты-жъ Г. интересуешься... Пойдемъ, душка, послушаемъ».

«Ты не врешь?» спросилъ я.

«Ей-Богу... Чего мнѣ врать», сказалъ Васька обидчиво.

«Ну пойдемъ», сказалъ я подумавъ. Меня интересовала новая теорія Г. (геніальнаго профессора) и хотѣлось послушать о ней отзывы такихъ господъ, какъ Груздинскій.

Мы стали съ Васькой около IV аудиторіи, болтая. Васька, смѣясь, рассказалъ мнѣ еще какое-то свое похождение.

IV.

Лекціи начинались. Толпа стала рѣдѣть и расходиться по аудиторіямъ. Шумъ умолкалъ. Профессора, выходя изъ профессорской, проходили на лекціи.

Первымъ прошелъ профессоръ римскаго права, лысый, увѣренный молодой еще мужчина съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ читалъ догму римскаго права съ какимъ-то особымъ вдохновеніемъ, и разъ, я слышалъ, цѣлый часъ говорилъ о томъ, какъ необходимо нужно отличать *culpa lata, levis, levissima* (вину грубую, тонкую и самую тонкую). Профессоръ много потрудился надъ составленіемъ текста 12 таблицъ у несуществующаго теперь народа и считалъ себя, очевидно, дѣлающимъ нужное людямъ дѣло. Прошелъ священникъ шурша рясой. Прошелъ китаецъ съ косою, въ національномъ костюмѣ, и профессоръ уголовнаго права, полный молодой человѣкъ съ одутловатыми круглыми щеками, увѣрявшій съ кафедры студентовъ о томъ, что онъ не

женать на дочери знаменитаго криминалиста (иначе нельзя себѣ было объяснить, какъ онъ получилъ такую важную каѳедру въ лучшемъ университетѣ въ Россіи). Прошли быстро профессора естественники, читавшіе не науки, а отдѣлы частей отдѣловъ науки, и филологи, читавшіе также какіе-то тоже необыкновенно мелкіе отдѣлы.

Профессора все были преимущественно чистые, изящные молодые люди, очевидно, вполне увѣренные въ важности своего назначенія и полезности своей работы. Они шли разговаривая другъ съ другомъ и входили въ аудиторіи. Такъ же подобострастно, какъ и раньше, кланялись имъ сторожа и получали милостивыя киванья. Такъ же они, какъ и раньше, либерально здоровались за руку со студентами, показывая этимъ очевидно, что въ университетѣ, какъ въ храмъ науки, нѣтъ ни начальства, ни подчиненныхъ, а есть только старшіе и младшіе братья общей научной семьи. Вдали показался профессоръ Груздинскій. Мы вошли съ Васькой въ аудиторію.

Въ аудиторіи на поднимающихся одна надъ другою партахъ сидѣли человѣкъ сорокъ студентовъ. Нѣкоторые читали газету, другіе вяло разговаривали между собой, и на лицахъ было написано то чувство скуки и нетерпѣнія, которое бываетъ при всякомъ ожиданіи.

Но вотъ послышались быстрые шаги и вошелъ, скользя ногами и кланяясь на ходу, профессоръ, и нѣкоторые встали, другіе же продолжали сидѣть какъ ни въ чемъ не бывало съ такимъ видомъ, что ворвались

въ аудиторію что-нибудь необыкновенное — и то они не встанутъ.

Профессоръ былъ полный и видимо здоровый, еще молодой мужчина съ рыжеватой небольшой бородкой и съ умными карими глазами въ пенснэ. Положивъ на столъ черный кожаный небольшой портфель, онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ аудиторію, какъ бы подсчитывая число своихъ слушателей, откашлялся и началъ.

«Я долженъ сказать, милостивые государи, что я сегодня совершенно не могу читать: охрипъ и боюсь проиграть свою лекцію, такъ сказать, какъ Наполеонъ изъ-за насморка проигралъ Бородинскую битву», сказалъ онъ звучнымъ баритональнымъ голосомъ, слегка пришепечивая и улыбаясь пріятно своему остроумію. «Ну-съ... итакъ мы остановились вчера на изложеніи органической теоріи государства, той теоріи, на которой съ интенсивнымъ вниманіемъ сосредоточивались одно время самые лучшіе умы человѣчества».

И, откидывая веселое выраженіе лица, когда онъ говорилъ о насморкѣ Наполеона, профессоръ дѣлаетъ серьезное лицо, какъ бы этимъ показывая, что шутки въ сторону и пора приступить къ настоящему умственному дѣлу.

Профессоръ получилъ кафедру лѣтъ 5 тому назадъ и представляетъ собою одного изъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ такъ много развелось за послѣднее грустное университетское время и которые получаютъ кафедру не изъ-за научныхъ достоинствъ, а по какимъ-либо инымъ основаніямъ. Профессоръ, кромѣ

своего прямого назначенія, еще юрисконсультъ и гдѣ-то служить, однимъ словомъ на всѣ руки мастеръ.

Въ первое время, когда его положеніе было не твердо, онъ билъ на популярность среди студентовъ, говорилъ пышныя фразы о пользѣ науки, о положительномъ мышленіи и, разсыпая на экзаменахъ пятерками легко, какъ горохомъ, привлекалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто, ничего не зная, желалъ перейти съ курса на курсъ легко и спокойно съ наивысшимъ балломъ. Но потомъ, обосновавшись ужъ прочно въ университетѣ и какимъ-то образомъ ухитрившись получить степень доктора, профессоръ измѣнилъ свою политику, какъ ненужную, и сталъ на экзаменахъ строгъ и безпощаденъ. Научнаго значенія у этого человѣка совершенно нѣтъ и онъ служитъ предметомъ насмѣшекъ и шутокъ всѣхъ мало-мальски разумныхъ студентовъ, которые зовутъ его презрительно «груздемъ» и говорятъ о немъ всегда съ улыбкой.

«И, господа», продолжаетъ профессоръ, хлопая полной рукой по столу и оглядываясь назадъ, «такимъ образомъ вполне ясно, что центръ тяжести лежитъ не въ органичности и идеесообразности общественнаго тѣла, а такъ сказать въ его психичности и идео...» онъ останавливается на минуту, какъ бы спрашивая у слушателей, каково будетъ окончаніе, и, не выжидая, оканчиваетъ: «логіи, логіи...»

И пышныя фразы льются, какъ волны, одна за другою изъ его устъ. Въ его рѣчи есть все, что угодно: и Спенсеръ, и Тардъ, и матеріалистическое пониманіе исторіи, и упреки идеалистической метафизикѣ, сти-

хотворенія Лермонтова и анекдотъ о дамѣ, записавшей расходъ въ 25 и 15 копѣекъ на извозчика и приписавшей: а 25 рублей неизвѣстно куда. Но въ нихъ нѣтъ одного только: смысла. Какъ я ни хочу, какъ я ни силюсь понять, что же хочетъ сказать профессоръ всѣмъ этимъ наборомъ фразъ, я не вижу ничего, кромѣ безсвязныхъ скачковъ мысли... Получается впечатлѣніе массы камней, но не видно цѣлаго зданія.

«Это мнѣ напоминаетъ анекдотъ о двухъ игрокахъ, одномъ извѣстномъ писателѣ... одинъ разгорячился и говоритъ: «Я къ вамъ, милостивый государь, больше ни ногой, коль скоро вы играть не умѣете». А писатель ему и говоритъ: «А убирайтесь къ чорту!»

Всѣ смѣются. Профессоръ доволенъ острою и улыбается и, снова сдѣлавъ серьезное лицо, переходитъ къ дѣлу и снова льются безъ конца цвѣтистыя фразы. Я смотрю на его умное лицо, на смѣшливые глаза и мнѣ начинаетъ казаться, что онъ прямо смѣется надъ нами и говоритъ: «Вотъ я вамъ, господа, болтаю всякій вздоръ, а вы слушаете и думаете, что это очень умно. Дураки вы. А впрочемъ мнѣ тѣмъ лучше. Думайте, что вамъ угодно. А я получаю гонораръ за эти фразы».

Я смотрю на него, и мнѣ кажется, что онъ понимаетъ мои мысли, и мнѣ становится неловко и я стараюсь не смотрѣть на его быстрые подвижные взоры. Я оглядываюсь на студентовъ. Одни слушаютъ какъ-то вяло, хлопая глазами и силясь понять что-нибудь. Другіе слушаютъ прилежно и что-то записываютъ. Мнѣ становится смѣшно, что они воображаютъ, будто

слышать какую-то мудрость, и немного стыдно за ихъ глупость.

Но вотъ звонокъ, сначала отдаленный... а вотъ все звучнѣе. Профессоръ, складывая бумаги, отпускаетъ какую-то остроту и встаетъ. Ему хлопаютъ и онъ, потягиваясь, выходитъ въ коридоръ и за нимъ всѣ мы. Опять изъ аудиторій вливается кричащая жизне-радостная толпа и начинается хожденіе изъ угла въ уголъ, разговоры, анекдоты, завтраканье. Я встрѣчаюсь со знакомыми, жму руки и думаю, какъ бы мнѣ еще убить время до обѣда, пойти еще на какую-нибудь лекцію. Я могу такъ ходить изъ одного конца коридора въ другой до безконечности, пока опять не опустѣютъ коридоры и не начнутся лекціи, но сегодня у меня есть одно дѣло къ ректору. Я долженъ, назвавшись фамиліей одного товарища, просить ректора ходатайствовать передъ начальствомъ о его переводѣ безъ экзамена на слѣдующій курсъ. Товарищъ этотъ былъ весной сильно боленъ, пролежалъ въ клиникѣ, и для него потерять годъ большое горе.

«Неужели они могутъ отказать ему даже въ этомъ, когда есть на лицо очевидныя доказательства его болѣзни. Нѣтъ, это было бы слишкомъ по-чиновнически и не человѣчно», сказалъ я самъ себѣ, спускаясь внизъ по профессорской лѣстницѣ и стараясь разными доводами уничтожить тотъ невыгодный для меня выводъ, который я невольно предчувствовалъ, и затушевать свое общее дурное мнѣніе о нашемъ начальствѣ.

«Да... едва ли... но попытаюсь», подумалъ я, под-ходя къ приемной.

V.

Передъ дверьми ректорской пріемной, къ счастью, было совсѣмъ мало народу. Въ канцеляріи, откуда былъ ходъ къ ректору, сидѣли нѣсколько писцовъ и съ сердитымъ видомъ что-то быстро строчили. Извѣстный всему университету и знавшій чуть не половину всѣхъ студентовъ въ лицо, давнишній секретарь Владиміръ Исаичъ, полный, съ брюшкомъ и живыми черными глазами небольшой мужчина, что-то объяснялъ какому-то высокому студенту, хлопая руками по столу.

Передъ дверьми пріемной стояли: горнякъ, двое универсантовъ и молодой человѣкъ въ сюртукѣ съ блѣднымъ еврейскимъ веснучатымъ лицомъ и рыжими волосами. Еврейчикъ видимо волновался, безпрестанно сморкался и спрашивалъ у студентовъ, будетъ ли исполнена его просьба.

Ректоръ принималъ по-двое сразу. Я вошелъ вмѣстѣ съ этимъ евреемъ. Во время ожиданія онъ, волнуясь и путаясь, рассказалъ мнѣ, что онъ уже два года какъ кончилъ гимназію, но вслѣдствіе процентнаго ограниченія не можетъ никуда попасть. У него были уроки и на эти деньги онъ содержалъ себя, мать и больную сестру.

Въ просторной и свѣтлой комнатѣ съ паркетнымъ поломъ, портретомъ государя въ золоченой рамѣ, съ стоячими часами въ углу, сидѣлъ на кожаномъ креслѣ за большимъ зеленымъ, заваленнымъ бумагами и книгами столомъ полный, нѣсколько плѣши-

вый мужчина въ синемъ вицъ-мундирѣ. Онъ небрежно и милостиво поклонился намъ и устремилъ на еврейчика непріятный взглядъ своихъ сѣрыхъ на выкатѣ лягушечьихъ глазъ.

Безпрестанно краснѣя, путаясь и видимо робѣя, но въ то же время желая показать, что онъ нисколько не смущается, еврейчикъ сталъ объяснять тѣмъ особымъ высокопарнымъ языкомъ, на которомъ обыкновенно говорятъ аптекарскіе ученики изъ евреевъ, что онъ два года какъ кончилъ гимназію и что въ этомъ году господинъ попечитель по просьбѣ одного высокопоставленнаго лица объявилъ ему, что онъ ничего не имѣетъ противъ его приѣма, если только господинъ ректоръ приметъ его выше нормы процента. Теперь онъ пришелъ сюда просить, чтобы его превосходительство сдѣлали ему эту... еврейчикъ замаялся и хотѣлъ, вѣроятно, сказать милость...но почему-то нашелъ удобнымъ сказать «честь».

Онъ смолкъ и покраснѣлъ. Онъ такъ былъ смущенъ, что его длинные, необыкновенно бѣлые пальцы дрожали и то хватались за бортъ сюртука, то вынимали платокъ и снова поспѣшно клали его обратно. Было что то двойственное въ его манерахъ, тонѣ голоса и вообще въ томъ общемъ впечатлѣніи, которое онъ производилъ. Одно такое робкое, униженное до послѣдней степени и боящееся всего, другое развязное и даже нахальное... какъ будто этотъ человѣкъ говорилъ, что онъ вовсе еще не такъ приниженъ и чувствуетъ себя еще человѣкомъ.

Большіе лягушечьи глаза ректора неподвижно уста-

вились на просителѣ и нельзя было по безжизненному взгляду этихъ глазъ узнать о томъ, что онъ думаетъ.

«У насъ нѣтъ больше вакансій», сказалъ спокойный деревянный голосъ съ той особой отчетливостью и холодной отчужденностью, которая бываетъ у начальственныхъ, привыкшихъ къ постояннымъ просьбамъ лицъ. Пальцы еврея еще больше задрожали и забѣгали по сюртуку, теребя его. На лицѣ его вспыхнули и загорѣлись красныя пятна.

«Но ежели господинъ попечитель не находятъ ничего противъ моего поступленія, неужли что-нибудь значитъ одна вакансія», сказалъ онъ опять съ тѣмъ же двойственнымъ выраженіемъ робости и неловкаго нахальства. «Тѣмъ болѣе, что у меня большая способность къ математикѣ».

«Это все равно», сказалъ ректоръ, улыбувшись.

«У меня сестра больная и мать... Мнѣ нужно ихъ содержать», сказалъ вдругъ еврей совершенно несоответствующимъ его развязности тихимъ, слабымъ голосомъ. Крючковатый носъ его сталъ подергиваться, углы губъ задрожали и въ глазахъ его появилось то выраженіе страдальческаго недоумѣнія, какъ будто онъ сейчасъ заплачетъ.

«Вакансій нѣтъ, я не могу нарушить правила для васъ», сказалъ ректоръ.

Онъ опустилъ слегка голову, какъ бы въ знакъ особаго уваженія и благоговѣнія передъ этими правилами. «Если вы не можете понять все величіе моего преклоненія предъ ними, то это хуже для васъ, а не для меня», говорило его лицо.

«Но ежели-бъ я первый годъ...», сказалъ, поблѣднѣвъ, еврей, все еще пытаюсь спорить и думая, какъ всѣ неопытные въ житейскихъ дѣлахъ люди, что словами убѣжденія можно поколебать чиновныхъ высокаго ранга людей, «и зачѣмъ же я тогда кончилъ гимназію?» Ректоръ слушалъ его молча, сиди спокойно на креслѣ. Что-то хорошее, человѣческое промелькнуло на его лицѣ. Онъ закрылъ глаза и, тряхнувъ плечами, какъ бы отгоняя отъ себя эту слабость человѣчности, снова принялъ выраженіе исполняющаго свой долгъ чиновника.

«Простите... нѣтъ, ничего не могу сдѣлать. Сегодня я приму васъ, завтра другого. Тогда у меня будетъ евреевъ не 2, а 22⁰/₀—а за это не похвалять... До свиданья»...

Онъ кивнулъ головой, какъ бы показывая, что аудіенція кончена и дальнѣйшіе разговоры излишни.

«Вамъ что?» обратился онъ ко мнѣ, окинувъ меня бѣгло глазами.

Еврейчикъ хотѣлъ что-то сказать, но губы его только зашевелились, не издавши ни звука. Онъ густо покраснѣлъ, пожалъ плечами, неловко поклонился и вышелъ. Я назвалъ фамилію своего товарища и объяснилъ въ чемъ дѣло.

«Мы не имѣемъ права переводить», сказалъ ректоръ холодно и спокойно, какъ бы показывая этимъ холоднымъ тономъ, что дальнѣйшій разговоръ уже исчерпанъ.

«Я прошу только ходатайствовать передъ начальствомъ. Я дѣйствительно былъ боленъ. Я могу пред-

ставить свидѣтельство не частныхъ врачей, которымъ вы могли бы не повѣрить, а официальной клиники».

«Это безразлично», сказалъ ректоръ, переставляя одну чернильницу на мѣсто другой и этимъ какъ бы показывая все безразличіе положенія вещей. «Я вамъ исполнѣ вѣрю. Но факультетъ не станетъ ходатайствовать о васъ, потому что тогда бы ему пришлось хлопотать за многихъ. А это ему неудобно. Вы заболѣли—ваше несчастье. Чтожъ дѣлать? Бываетъ похуже». Онъ улыбнулся слегка, какъ бы утѣшая меня въ томъ, что бывають на землѣ несчастія. Я понялъ, что просить дальше бесполезно, поклонился и вышелъ. Въ коридорчикѣ передъ дверьми пріемной нѣсколько человѣкъ студентовъ столпились около рыжаго еврейчика, который что-то съ жаромъ имъ говорилъ, размахивая руками. Я подошелъ къ нимъ.

«И это у васъ называется университетъ... Это называются люди науки», говорилъ еврейчикъ плаксивымъ голосомъ, обращаясь въ особенности къ одному бородатому мрачному студенту съ массой книгъ подъ мышкой. «Развѣ для людей науки можетъ имѣть хоть самомалѣйшее значеніе національность. Что-о?...» протянулъ онъ вопросительно, какъ бы приглашая подтвердить его слова.

«Предразсудки», сказалъ бородатый студентъ.

«Я думаю», сказалъ безапелляціонно еврейчикъ, «если и есть предписанія администраціи, то въ университетѣ должны стирать это всѣми силами, а не увеличивать... Профессора должны бороться за интернациональность, а не быть юдофобами».

«Эка хватили!» сказалъ высокій студентъ съ курчавыми волосами, въ синей рубашкѣ. «Плохо вы видно знаете нашихъ профессоровъ»...

«Вы думаете здѣсь человѣческаго отношенія добиться», сказалъ бородатый студентъ съ спокойной и презрительной улыбкой надъ тѣми, о комъ онъ говорилъ. «Нѣтъ, вы скорѣе въ тюрьмѣ его найдете, но никакъ уже не здѣсь. Роболѣнство зашло», прибавилъ онъ мрачно, какъ бы выражая въ этой фразѣ всю сущность своего мнѣнія.

«А со мной былъ такой случай», сказалъ молодой студентъ въ пенснѣ. «У меня мать умирала въ Москвѣ... Дали телеграмму... А дѣло было предъ экзаменами... послѣдній экзаменъ... Я къ профессору: проэкзаменуйте, говорю, пожалуйста... такъ какъ дѣла... показываю телеграмму... Думая изъ Москвы не приѣзжать... не до экзаменовъ тогда-то послѣ смерти... Нѣтъ, говорить, не могу... Принесите записочку отъ ректора, а то мнѣ безъ нея можетъ нагоняй быть... Ну, скажите, не сволочь ли? сказалъ онъ съ горечью, у меня мать умираетъ, а онъ «нагоняй»... Ректоръ, понятно, разрѣшенія не далъ... Такъ и уѣхалъ, не держа... на второй годъ остался».

«Чинуши... формалисты», сказалъ бородатый студентъ, перекладывая книги съ одной руки въ другую.

«Не знаю, что и дѣлать теперь. Хоть плачь», сказалъ жалобно еврейчикъ.

Я пошелъ къ себѣ... Я немного опоздалъ на лекцію. Профессоръ уже читалъ ее.

Профессоръ, извѣстный ученый, старикъ съ ху-

дымъ, изможденнымъ лицомъ, читалъ лекцію такъ, какъ старые попы читають проповѣдь, нараспѣвъ... Онъ часто останавливался и кашлялъ. Читалъ онъ разумно и дѣльно, но видимо все это ему было знакомо-перезнакомо, надоѣло и даже было странно, какъ это могутъ быть такіе люди, которымъ нужно объяснять всѣ эти извѣстныя-переизвѣстныя вещи. Время тянулось медленно и вяло.

Я ушелъ домой послѣ этой лекціи.

VI.

Какъ-то разъ, годъ тому назадъ, у меня болѣли глаза и я не могъ ни читать, ни заниматься. Сидѣть дома безъ дѣла было скучно и я задумалъ прослужать лекціи по всѣмъ факультетамъ, чтобъ составить общее понятіе о профессорахъ и университетской наукѣ.

На первой лекціи кристаллографіи, куда я попалъ, сидѣло въ просторной аудиторіи человѣкъ сто народа. Профессоръ, молодой сангвиничный человѣкъ, съ головой въ видѣ рѣдки, съ небольшими закрученными усами, бросая любовные взгляды на разложенные передъ нимъ прозрачные кристаллы, сочнымъ голосомъ говорилъ о томъ, что кристаллографія важная и точная наука... Я вошелъ въ аудиторію какъ разъ въ это время.

«Кристаллъ, милостивые государи», сказалъ громко профессоръ, поднимъ высоко лѣвую руку съ длиннымъ ногтемъ и съ пріятнымъ наслажденіемъ очевидно говоря о такой высокой наукѣ: «кристаллъ есть

однородное анизотропное твердое тѣло съ правильной молекулярной структурой. И кристаллографію иначе можно было бы назвать наукой о твердомъ состояніи вообще».

Профессоръ съ наслажденіемъ произнесъ эти слова и строго взглянулъ на аудиторію, не имѣетъ ли кто-нибудь возразить, по этому поводу... Но никто не возразилъ, и профессоръ, довольно оглянувши насъ, какъ полководецъ дисциплинированное войско, пустился дальше въ область науки о матеріи вообще. Сквозь массу словъ съ учеными названіями, какъ кексокость, тетраэдръ, скаленоэдръ и другія, можно было уловить, что она дѣлится на три науки: математическую, физическую и химическую кристаллографію и всѣ онѣ имѣютъ для насъ большое значеніе... Но особенно большое значеніе имѣютъ для насъ два основныхъ закона кристаллографіи: законъ зонъ и законъ раціональности параметровъ и индексовъ.

Прозвонилъ звонокъ. Студенты стали волноваться и посматривать на часы.

«Одну секунду», сказалъ профессоръ, «я только формулирую законъ зонъ».

«Математическое изслѣдованіе показало, что только тѣ плоскости образуютъ зону, которыхъ индексы выражаются цѣлыми раціональными числами», сказалъ съ восторгомъ профессоръ о такомъ открытіи, встряхивая рукою и съ высоты такого открытія прощая тѣмъ студентамъ, которые выходили въ то время изъ аудиторіи.

Онъ поклонился и вышелъ. Лекція кончилась.

Я вышелъ въ коридоръ и въ душѣ моей было странное ощущеніе чего-то ненужнаго, лишняго, которое я чувствовалъ, но доказать словами не могъ бы. Я спросилъ себя: «Къ чему все это, что я слышалъ?» Нужно ли дѣйствительно это жизни? но осудилъ себя тотчасъ, сказавъ себѣ, что я профанъ и невѣжа, и если наука читается, значитъ она полезна. И мнѣ было стыдно своего вопроса, какъ будто бы предъ женщинами я очутился нагимъ.

На второй лекціи, по введенію въ славяновѣдѣніе, я оказался одинъ. Вошелъ профессоръ и, увидавъ, что всетаки есть кто-то, кому можно почитать (на предыдущей лекціи, по словамъ сторожа, не было никого), съ довольнымъ видомъ сѣлъ на стулъ и обратился ко мнѣ по привычкѣ съ шаблонными словами:

«Милостивые государи».

Я чуть не разсмѣялся. Профессоръ, полный, сѣдоватый, съ черными усами господинъ говорилъ цѣлый часъ о томъ, какіе рѣки, монастыри, озера въ Болгаріи и такъ подробно, точно будто бы онъ описывалъ имѣніе, которое я хочу купить и стремлюсь узнать его лучше. Послѣ лекціи опять я задалъ себѣ вопросъ: «А это къ чему?» и на этотъ разъ мнѣ показалось, что виновато уже не одно мое невѣжество профана, а и самъ профессоръ со своими монастырями.

На слѣдующій день повторилось то же. Опять на одной лекціи не оказалось слушателей, но я уже не имѣлъ мужества остаться. На второй лекціи сидѣли за длиннымъ столомъ студенты, человѣкъ 10, и читали папирусы (это было «чтеніе папирусовъ»). Было скучно.

На послѣдней по восточному факультету пожилой тоненькій профессоръ вялымъ голосомъ читалъ о томъ, какъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ какая царствовала династія въ Китаѣ, какія были сраженія, какіе полководцы.

«Боже мой... Боже мой...»—думалъ я, шагая домой по набережной. «Какая ерунда и мелочь. Неужели нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе полезнаго, нужнаго людямъ, чѣмъ эта китайская исторія или грузинская нумизматика и морскіе водоросли, росписаніе лекцій, о которыхъ я сегодня видѣлъ на картѣ». И опять неотвязчивый вопросъ «къ чему?» всталъ предо мной еще сильнѣе. И мнѣ показалось, что въ немъ есть много правды.

Съ той поры я ходилъ на различныя лекціи почти мѣсяцъ. Много я тогда прослушалъ профессоровъ. Многое, что было для меня раньше однимъ, стало совсѣмъ другимъ и получило иное освѣщеніе... Мѣнялось стекло моего умственного фонаря и картины на полотнѣ жизни получались иного цвѣта и значенія. На восточный факультетъ я ходилъ почти около недѣли сряду и убѣдился, что тамъ совершенно не было никакой науки. Изучались скучные, одурачивающіе языки для того только, чтобы потомъ дѣлать дипломатическую карьеру.

На филологическомъ была масса такихъ предметовъ, которыхъ для нормальнаго человѣка совсѣмъ не нужно было знать, какъ санскритъ и различныя мало-извѣстныя древнія поэмы. Но естественный факультетъ за-

ставилъ меня больше всего думать и мучиться и колебаться: «нужно ли это?» Я сомнѣвался и много думалъ. Я думалъ о томъ, что если отбросить всякія мелочныя изученія и прекратить безконечно идущую спеціализацію наукъ, то не пострадаютъ ли отъ этого другія, нужныя для человѣчества науки. Но на это поднимался другой вопросъ: «до какихъ же предѣловъ можетъ идти та ужасная дробимость и мелочность знанія. Наука при желаніи, конечно, можетъ быть безпредѣльна—думалъ я. Но важно выдѣлить изъ этого необъятнаго знанія только ту маленькую часть, которая нужна для счастья человѣчества». И я колебался между этими сомнѣніями и не зналъ что думать объ этомъ.

Прошла зима. Наступила ранняя весна. Я не посѣщалъ уже лекцій естественнаго факультета. Вопросы мои были рѣшены и съ каждымъ днемъ я убѣждался въ правильности своихъ мнѣній больше и больше; многое передо мной предстало въ иномъ свѣтѣ. Вопросъ: «къ чему?» и сомнѣніе въ томъ: «не ошибаюсь ли я?» смѣнились увѣренностью, что многое въ университетѣ «не то», и мнѣ было только жалко, что другіе не понимаютъ того, что я думаю.

Какъ-то разъ на одной изъ лекцій я затащилъ съ собою Долгова. Была лекція о Варронѣ. За длиннымъ желтымъ столомъ сидѣли человѣкъ шесть студентовъ и смотрѣли на лежащіе передъ ними длинные листы съ гектографированными на нихъ синими чернилами фрагментами Августина Иппонскаго и римскихъ писателей о Варронѣ.

Профессоръ, какъ и большинство узкихъ специали-

стовъ, оживленный, энергичный молодой человѣкъ, похожій на купчика, жестикулируя лѣвою съ обручальнымъ кольцомъ на пальцѣ рукою, объяснялъ, откуда Варронъ въ сочиненіи «De gente populi Romani» ведетъ происхожденіе римскихъ царей и какой потопъ былъ кромѣ извѣстнаго потопа Девкальона.

«Да, вотъ она наука, преподаваемая въ университетѣ», сказалъ я Долгову, когда мы вышли изъ аудиторіи. «Ну къ чему это? Къ чему это изученіе никому ненужныхъ и неизвѣстныхъ Варроновъ, Плавтовъ и пѣитикъ Аристотеля. Неужели можно здоровому, любящему жизнь, наслажденія существу заниматься такими сушеными листьями?»

«Да, вы правы отчасти», сказалъ мнѣ Долговъ. Узки духомъ и ничтожны тѣ, кто могутъ посвящать свою жизнь изученію какого-нибудь Плавта или водорослей, но намъ-то съ вами хорошо, что они дѣлаютъ это. Человѣчеству необходимы всевозможныя знанія и кристаллографія приносить свою пользу...»

«Нѣтъ... не то», сказалъ я горячо. «Пусть всѣ эти науки о пальцахъ лягушки имѣютъ свое значеніе и связаны съ другими и отъ незнанія ихъ могутъ пострадать другія науки. Пусть такъ, но мнѣ кажется, что теперь не время ими заниматься и что есть другіе болѣе важные вопросы, которые нужно изучить скорѣе. Большинство человѣчества грубо, невѣжественно и голодно, какъ звѣри. Вся человѣческая мысль должна заниматься тѣмъ, чтобы вывести ихъ изъ этого звѣрскаго положенія и чтобы они хоть не голодали и не работали непосильно, какъ машины. Уничтожьте это

звѣрство и станутъ ненужными многія науки. Люди занимаются медициной и лѣчатъ людей. Но вѣдь большинство болѣзней происходитъ отъ голода, отсутствія гигіены и ненормальной жизни. А люди обрекаютъ другихъ людей на это и не видятъ этого противорѣчія науки и жизни. Одной рукой толкаютъ въ болѣзни, а другой поддерживаютъ. Нечего сказать: славно!

«Вы говорите о Варронѣ...» началъ Долговъ.

«А Варронъ и занятіе всѣми этими общими языковѣдніями и древними авторами и римскими правами, какъ они сами по себѣ ни почтенны, есть ненужная теперь вещь, роскошь, прихоть интеллигенціи...

«Нѣтъ не возражайте!» сказалъ я горячо, «это вѣрно. Знаете, въ родѣ того, какъ поевангельски голодному дали бы красивую змѣю вмѣсто рыбы... Вотъ когда мы всѣ будемъ сыты и обуты, тогда съ успѣхомъ можно заниматься звѣздной космографіей и тому подобными интересными теоретическими вещами. Понимаете ли, что я хочу сказать всѣми этими словами?»

Долговъ ничего мнѣ не отвѣчалъ на это. Вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ, и мы много съ нимъ говорили на эту тему.

VII.

Это было, впрочемъ, одинъ только разъ, годъ тому назадъ. Въ настоящее же время въ университетъ я хожу очень рѣдко, а обыкновенно до двухъ часовъ

занимаюсь дома юридическими науками. Въ два же часа хожу обѣдать къ Зинаидѣ Ивановнѣ.

Зинаида Ивановна высокая, полная дама съ жирнымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами. Она носитъ постоянно черное короткое пальто, что видны ея ноги, платье и увѣряетъ, что ничто такъ не краситъ женщину, какъ черный цвѣтъ. На плечахъ у нея всегда вязаный платокъ, на головѣ черная косынка.

Зинаида Ивановна—вдова. По ея словамъ, она была замужемъ за эзекуторомъ университета, хотя Колтовцевъ увѣряетъ, что она была только его дамой сердца. Какъ бы то ни было, она имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ университету и съ большой любовью относится къ нашему брату студентамъ и курсисткамъ. Она всегда бываетъ на всѣхъ студенческихъ вечеринкахъ, во время безпорядковъ волнуется еще больше, чѣмъ мы, ненавидитъ полицію всей душой и собираетъ энергично пожертвованія въ пользу бѣдныхъ студентовъ. У нея особая страсть собирать бюллетени, она не прочь почитать нелегальныя книжки и, мнѣ думается, даетъ намъ вкусныя обѣды не изъ расчета, а изъ симпатіи къ студентамъ.

Меня свелъ къ ней одинъ знакомый студентъ и тогда у нея обѣдало много курсистокъ и студентовъ. Это было, впрочемъ, два года тому назадъ. Теперь она увѣряетъ, что она устала, и держитъ только четырехъ нахлѣбниковъ: меня, Колтовцева, Маевского и Сливенко.

Первое блюдо проходитъ въ молчаніи, но во время второго начинаются разговоры.

«Да», говорит Колтовцевъ, красивый упитанный юристъ III курса, закусывая сочный бифштексъ необыкновенно бѣлыми зубами, «читалъ я сегодня исторію философіи права. Какая ерундистика! Пишутъ такъ, что ничего понять невозможно. Какіе-то трансцендентальныя идеальности и абсолюты. И на кой чортъ учить всѣхъ этихъ Гегелей, Кантовъ, Спинозъ».

«Я всегда готовлю по конспекту», говоритъ Маевскій, бѣлокурый съ большими усами солидный студентъ. «Отзубришь 50 страницъ и баста. А то охота вамъ курсъ читать».

«Пойду къ Груздю экзаменоваться», рѣшаетъ Колтовцевъ.

«А я вчера на вечерѣ у горняковъ съ одной хорошенькой балериной познакомился», говоритъ Боба Сливенко, недалекій, но добрый и изящный мальчикъ.

«Хорошенькая такая», говоритъ онъ, улыбаясь отъ воспоминаній, «нужно за ней приударить. Приглашала заходить».

«Не люблю, по правдѣ говоря, я этихъ балеринъ», заявляетъ Колтовцевъ, «у нихъ ноги толстыя».

«Полнота въ женщинѣ самый цимусъ», говоритъ спокойно съ видомъ знатока Маевскій, который вообще считаетъ себя большимъ знаткомъ прекраснаго пола. Начинается споръ.

Мы разсуждаемъ о ножкахъ и другихъ «статяхъ» женщинъ, о томъ, гдѣ лучше всего можно познакомиться съ ними. Въ серединѣ разговора приходитъ Зинаида Ивановна, распространяя запахъ кухни, и садится на диванъ.

Она перебиваетъ споръ и рассказываетъ, какъ вчера за ней на Невскомъ приволокнулся студентикъ.

«Глупенькій такой», говоритъ Зинаида Ивановна, складывая на животѣ «ангельчикомъ» руки. «Идетъ этакъ около меня все бочкомъ. Я думаю все: что ему надо отъ меня, не знакомый ли какой? Шелъ это онъ, шелъ, да какъ разъ на углу Троицкой у Филиппова подходить ко мнѣ.. «Позвольте васъ, говорить, проводить, сударыня», и предлагаетъ мнѣ руку. Я какъ взгляну на него, и такъ мнѣ стало смѣшно отъ этихъ самыхъ словъ, что взяла да расхохоталась ему прямо въ глаза. Сконфузился страшно онъ, покраснѣлъ. Послѣ всю дорогу смѣялась, какъ шальная».

Зинаида Ивановна довольна своимъ рассказомъ и смѣется такъ, что на глазахъ у нея появляются слезы.

«А я бы вотъ не сконфузился», говоритъ Колтовцевъ, обнимая слегка сзади горничную Сашу, которая держитъ въ рукахъ подносъ со сладкимъ, «я бы вотъ такъ васъ... къ себѣ».

Саша краснѣетъ, и мы всѣ посматриваемъ на нее и задаемъ ей вопросы, отъ которыхъ она убѣгаетъ.

«Нда», говоритъ Маевскій, отпивая черный кофе и закусывая пирожнымъ. «Я вотъ хочу сшить себѣ сюртукъ изъ царскаго сукна, да не знаю у кого... Какъ вы мнѣ посоветуете, господа?»

Опять начинается споръ о томъ, у кого лучше сшить сюртукъ: у Норденштрема или у Краута?.. Въ такомъ духѣ нашъ разговоръ продолжается все время обѣда. Все это повторяется изо дня въ день, съ одними и тѣми же

самыми темами о женщинахъ, вечерахъ, съ тѣми же пошлыми шутками. Все это надоѣло мнѣ страшно. Мнѣ опротивѣли почти до тошноты сытые лица товарищей, ихъ тупость и самодовольство. Я едва могу досидѣть до конца, чтобы не крикнуть громко, что они противны, пошлы и я ихъ ненавижу.

Спустившись на улицу, я долго еще хожу передъ тѣмъ, какъ войти къ себѣ въ домъ и подняться въ квартиру. При одной мысли о томъ, что мнѣ предстоитъ тамъ, ноги мои сами собой идутъ какъ-то медленнѣй и останавливаются передъ каждымъ магазиномъ. Но вотъ онъ, мой желтый пяти-этажный съ маленькими окнами, какъ въ темницѣ, высокій домъ. Вотъ мощный булыжникомъ и заваленный дровами грязный дворъ.

Я взбираюсь по узенькой лѣстницѣ, на которой пахнеть кухонными парами... Каждый шагъ я дѣлаю такъ, какъ будто у меня къ ногамъ привязаны пудовыя гири... Вотъ и дверь № 37... маленькая дверь, какъ въ могилу... Нѣсколько секундъ я стою какъ бы въ раздумьи, словно не имѣя силъ войти. Какъ будто подъ неизъяснимымъ тяжелымъ предчувствіемъ, у меня начинаетъ сильно биться сердце... Потомъ, рѣшившись, я отпираю дверь и вхожу въ длинный темный коридорчикъ...

Вотъ и она, моя комната. Я бросаюсь на постель, отдаваясь тяжелому ощущенію усталости.

VIII.

Какая глубокая тишина!

Я лежу и смотрю на потолокъ широко открытыми глазами. Въ комнатѣ темно, ни одного звука, ни шума. Словно все вымерло. Кромѣ меня у хозяйки нѣтъ жильцовъ... Изрѣдка только долетитъ изъ кухни слабый стукъ тарелокъ... Вотъ гдѣ-то, должно быть наверху, заиграли гаммы та... та... та... такъ монотонно и однообразно, словно вытягиваютъ душу. Но вотъ мало-по-малу неясныя сумерки начинаютъ сгущаться въ тьму. Очертанія предметовъ стушевываются. Темнота наливается въ углахъ... Сквозь нее мелькають бѣлыя точки. Гдѣ-то жалобно прохрипѣли часы и смолкли.

Я лежу, и мою душу охватываетъ какое-то неясное мучительное ощущеніе. Сначала слабое, какъ отдаленное предчувствіе тоски, оно растетъ и растягивается какъ нитка. Мнѣ становится тяжело, нудно и безпричинно грустно. Чтобы избавиться отъ него, я поворачиваюсь съ боку на бокъ, свищу, смотрю во тьму открытыми глазами... зарываюсь въ подушки, чтобы забыться и ничего не ощущать... но напрасно. Меня постепенно охватываетъ глубокая, мучительная тоска. Мнѣ тягостна и эта комната, и безпроглядная темнота, и эта мертвая тишь. Я неясно хочу чего-то иного... противоположнаго... чего-то жизненнѣе, радостнѣе, прекраснѣе... Я начинаю смутно грезить о томъ, что могло бы нарушить все это... о невѣдомой сладостной ласкѣ... объ

очарованьи милаго существа... о любовномъ безумномъ порывѣ, которому я могъ бы всецѣло отдаться... И мало-по-малу мнѣ начинаетъ казаться, что уже оно обвиваетъ меня, слетая ко мнѣ... оно... что-то, прекрасное... таинственное... невѣдомая чудная женщина.

Я мечтаю о ней... красавицѣ-женщинѣ... съ нѣжными ручками, сладкими объятіями, пышною грудью и дивнымъ молодымъ тѣломъ... Мнѣ такъ хочется этого присутствія, что мои желанія становятся почти дѣйствительностью и я ужъ не могу различить ихъ. Вотъ она сидитъ уже около меня... я чувствую ея дыханіе. Губы мои ищутъ ея поцѣлуевъ, руки раскрываются, чтобъ обнять ее... Я почти ощущаю бѣненіе ея страстнаго тѣла, я люблю ее и она принадлежитъ мнѣ... И на одинъ мигъ я какъ будто вполне счастливъ сотканнымъ изъ фантазіи образомъ и бѣгутъ минуты очарованья...

Но одинъ мигъ... стукъ... ничтожный шорохъ, и все пропало... Она блѣднѣетъ... таетъ во тьмѣ... Ее ужъ нѣтъ и напрасно я силюсь воскресить ее вновь въ воображеньи. Я ворочаюсь, думаю о ней... но теперь уже мнѣ начинаетъ казаться все: и она со своими объятіями и жаромъ поцѣлуевъ, и ея и моя любовь, и жажда чего-то совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ это казалось мгновеніемъ раньше... Она теряетъ для меня свое значеніе. И мнѣ ясно, что она совсѣмъ далеко «не то» и не можетъ быть «тѣмъ», чего ищу я... Мои желанія становятся чище и чище и несутся все выше и выше... Мнѣ хочется какого-то невѣдомаго свѣтлаго идеала... какой-

то духовной высокой любви... чего-то еще одухотворен-
нѣе, но чего?

«Чего тебѣ надо?» спрашиваю я. «Чего?.. жить...
Я жить хочу... ищу дѣятельности... хочу страдать,
бороться, жертвовать собою... Хочу откликаться на
жизнь всѣмъ своимъ существомъ... Хочу извѣдать
всѣя наслажденія... Я хочу ненавидѣть и любить
людей... Жить свободно, ярко и пышно».

«Жить?» говорю я себѣ черезъ нѣсколько мгно-
веній, поворачиваясь на постели. «Но какъ жить?..
Развѣ я не живу сейчасъ, учась?.. развѣ я не работаю
для другихъ?.. не приношу другимъ пользы? Я дѣ-
лаю то, что дѣлають другіе. Я необходимое звено
въ одной общей цѣпи. Николай ухаживаетъ за жен-
щинами, переходитъ съ курса на курсъ и считаетъ,
что онъ полезенъ. Антонъ и Рысь пьютъ пиво и играютъ
на биллиардѣ и увѣрены въ томъ же... Студентовъ
учится, какъ и я, десятки тысячъ и всѣ они знаютъ,
что они полезны людямъ... Профессора читають имъ
лекціи и думаютъ то же...»

«Но что же?» думается мнѣ—«Что изъ того, что
десятки тысячъ людей не понимаютъ своего поло-
женія, а сотни учатъ ихъ ненужнымъ вещамъ и полу-
чаютъ за это деньги. Развѣ это то, что должно? Развѣ
это человѣческая жизнь и въ томъ счастье... Развѣ
отъ того, что другіе не видятъ, я тоже долженъ не
видѣть ужаса нашей жизни?»

И я представляю себѣ воображеніемъ, какъ всѣ эти
десятки тысячъ людей, какъ червяки, коношатся, хо-
дятъ на лекціи, зубрятъ курсы, скучаютъ и раз-
въ университетъ.

вратничаютъ, какъ и я. Вся ихъ жизнь развертывается передо мною унылая, бѣдная, однообразная, какъ шоссеиная дорога.

«Нѣтъ, не то», говорю я вздрагивая, какъ въ кошмарѣ. «Нѣтъ, нельзя такъ. Надо прожить какъ-нибудь иначе... ярко, сильно и свѣтло... не испытывая той скуки...»

Воображеніе мое улетаетъ далеко отъ этой комнаты и темнота со всѣхъ предметовъ и отъ моего «я». Я мечтаю о томъ, что гдѣ-то, на благодатномъ Югѣ, на берегу лазурно-голубого моря, гдѣ растутъ пальмы подъ горячимъ лучомъ солнца, я совершаю какое-то великое, свѣтлое, захватывающее меня дѣло.

Но быютъ протяжно часы и грезы улетаютъ, и я опять на своей постели и опять та же тусклая темнота и тишь... Опять то же ощущеніе безысходной, томительной тоски.

Я ворочаюсь на постели и думаю о сегодняшнемъ днѣ, о себѣ, о своемъ прожитомъ, о своей будущей жизни. Я вижу, забѣгая напередъ своимъ умственнымъ взоромъ, какъ медленно тянется она... холодная, скучная и сѣрая... Какъ я служу, кончивъ университетъ, гдѣ-нибудь въ уѣздѣ, развѣзжаю на слѣдствіе, заваленный неинтересными мнѣ дѣлами, какъ я хожу изо дня въ день въ какой-нибудь департаментъ, переписывать бумаги и завѣдывать столами. Я вижу, какъ я получаю повышенія, ордена, женюсь, и вотъ у меня дѣти и они растутъ, они—это второе я.—И тянется жизнь съ обѣдами, именинами, мелкими ссорами, гостями—со всѣми своими обыденными радо-

стями и заботами, — сѣрая жизнь одного изъ безчисленныхъ, какъ тараканы, чиновниковъ... И вотъ она прожита, я уже старикъ... И смерть готова... Прощай, жизнь!

И отъ созерцанія этихъ скучныхъ годовъ мнѣ становится страшно. «Неужели это моя, единственно данная мнѣ жизнь?.. Неужели этотъ мелкій, ничтожный, какъ и всѣ, человѣкъ — это я, тотъ самый я, что сегодня такъ мучается, волнуется, страдает?.. Неужели мнѣ не суждено выдѣлиться изъ толпы другихъ и засіять яркой свѣтлой звѣздой и прожить жизнь не безцѣльно и сѣро, а хорошо и высоко?..

«Но чтожъ дѣлать?» мелькаетъ въ моей головѣ. «Чѣмъ же заняться? Наука... прочесть развѣ сотни книгъ и выдолбить какую-нибудь кристаллографію или догму римскаго права... и тянуть на лекціяхъ это студентомъ... Къ чему? зачѣмъ? Я хочу жить, а не закопаться въ книги, какъ кротъ, и стоять внѣ жизни... Еслибъ даже я и сталъ великимъ ученымъ, думается мнѣ, я все равно изъ-за груды книгъ не видалъ бы настоящей жизни. Нѣтъ, это не человѣческая жизнь, къ какой я стремлюсь, а скука и пародія жизни.

«Можетъ быть, заняться общественной дѣятельностью... какъ дѣлаютъ другіе... Пойти въ земство... просвѣщать народъ, бороться съ произволомъ». Мысль моя начинаетъ неясно рисовать картины того, какъ я учу въ школахъ, подымаю благосостояніе мужика и дѣлаю еще что-то неопредѣленное другимъ на пользу.

«Просвѣщать народъ», думаю я. «Но если не вилять, а идти прямо къ цѣли, то вѣдь меня быстро

прогонять со службы», думаю я. «Бороться съ произволомъ... а за это тюрьма и Сибирь... съ нечистотой, съ клопами, съ грязными арестантами... Холодно. А я привыкъ къ комфорту, къ чистому бѣлью... къ удобствамъ, къ домашнимъ привычкамъ... Нѣтъ, не могу... больно это»... «И точно ли я такъ люблю народъ, чтобы жертвовать для него своимъ счастьемъ... Народъ—это грубые, грязные, какіе-нибудь Сидоръ или Марья... какой-нибудь пьяный, противный фабричный... Отдавать счастье для блага грубой, грязной невѣдомой Марьи?.. Не одинъ ли это пышный фразы?

«Жить для цѣлей прогресса... Для этого отречься отъ своего счастья? Но неужели смыслъ моей жизни въ томъ, чтобъ быть пѣшкой и орудіемъ для счастья другихъ лицъ. Что мнѣ изъ того, что черезъ сотни тысячъ лѣтъ какіе-то невѣдомые, чуждые мнѣ люди будутъ блаженствовать, пользуясь плодами моей жертвы? Развѣ моя личность имѣетъ меньшее право на счастье, чѣмъ люди какого-нибудь миллионнаго вѣка?»

Моя мысль обѣгаетъ всевозможные исходы и ни на чемъ не можетъ остановиться. Я устаю думать объ этомъ и мнѣ хочется забыться.

«Смыслъ жизни?.. Если бы его найти? Повѣрить бы въ истинное благо и служить ему, и жить въ немъ. Гдѣ оно?»

Я ворочаюсь на постели изъ стороны въ сторону, точно ища забыться отъ моихъ мыслей. Среди этой кристальной тишины мнѣ начинаетъ казаться, что я слышу звукъ, такой странный, тонкій и жалобный, будто плачетъ и жалуется что-то внутри меня, самое

существо моей души. Этотъ звукъ растеть все сильнѣе и дрожитъ, какъ натянутая струна, и мнѣ кажется, что онъ наполняетъ все своимъ крикомъ.

Я начинаю прислушиваться... Гдѣ-то далеко играютъ на рояли. Я угадываю мелодію. Это «Chanson Russe»... Но какіе грустные, отчаянные, за душу хватающіе звуки! Это вопль души, томящейся пошлостью жизни. Это плачь по идеалу... и трогательная жалоба на то, какъ все скучно и ничтожно на свѣтѣ... Это доведенная до отчаянія грусть отъ сознанія невозможности достигъ счастья.

Я слушаю эти минорные, жалобные звуки, и меня охватываетъ такая глубокая, безысходная тоска, что я не могу сдержаться и тихо плачу, какъ обиженный, несчастный ребенокъ. Я плачу о томъ, что такъ тихо, что жизнь моя скучна и сѣра, что у меня нѣтъ никакого великаго, захватывающаго дѣла, въ которомъ я могъ бы забыться, я плачу о томъ, что безъ свѣта и счастья идутъ лучшіе годы моей жизни, что я никого такъ страстно не люблю, чтобы страдать за него и бороться. Я плачу о томъ, что жизнь моя въ будущемъ будетъ чѣмъ дальше, тѣмъ сѣрѣе и хуже, что въ жизни нѣтъ смысла и нѣтъ блага, въ которое я могъ бы повѣрить. Мнѣ жаль себя и своего несчастья.

Когда такое состояніе дѣлается невыносимымъ, я вскакиваю и поскорѣ бѣгу куда-нибудь, все равно куда, лишь бы не оставаться одному съ этой страшной безысходной тоскою.

Обыкновенно я забѣгаю къ Долгову.

IX.

Я нахожу его обыкновенно лежащимъ на постели, безъ тужурки, въ одной красной рубашкѣ. Онъ смотритъ на потолокъ и медленно курить, слѣдя, какъ кружатся колечки дыма. Не вставая, онъ протягиваетъ мнѣ руку и говоритъ одно и то же всякій разъ:

«Здравствуйте... Садитесь пожалуйста. Ну, какъ поживаете?»

Долговъ мой товарищъ еще по гимназiи. Это высокій, полный и лѣнивый по виду брюнетъ съ большими черными, выразительными глазами. Я съ нимъ друженъ больше, чѣмъ съ другими потому, что онъ не пьянствуетъ, не играетъ въ карты и любитъ читать. У меня съ нимъ общіе взгляды, а ничто такъ по-моему не сближаетъ людей какъ привычка одинаковымъ образомъ смотрѣть на вещи. У меня съ нимъ странныя отношенія. Когда я его не вижу дня два, то мнѣ безъ него скучно. Но достаточно мнѣ съ нимъ пожить въ одной комнатѣ хоть недѣлю, какъ мы надоѣдаемъ другъ другу до отвращенія и начинаемъ говорить одинъ другому дерзости. Мнѣ кажется, что я просто къ нему привыкъ, какъ привыкають къ дому, къ мѣстности, къ какой-нибудь вещи.

«Вы что занимались, кажется? Я вамъ помѣшалъ?» говорю я ему стереотипную фразу.

«Нѣтъ, нисколько... очень радъ васъ видѣть».

Это онъ говоритъ искренно. Такъ какъ онъ часто

заходить ко мнѣ, то мнѣ кажется, что и онъ испытываетъ то же чувство тоски, которое гонитъ меня къ нему.

«Вы сегодня были въ университетѣ?» говорю я.

«Нѣтъ, не былъ».

«Давно?»

«Да, давно... да что тамъ дѣлать?»

Я соглашаюсь. Воцаряется молчаніе. Только слышенъ однообразный бѣгъ вентилятора... Чтобы нарушить молчаніе, я задаю первый попавшійся вопросъ.

«Кажется, скоро Маня Кобыцкая пріѣзжаетъ... Вы пойдете къ ней?»

«Да... надо будетъ зайти».

«Хорошенькая дѣвочка», говорю я. «Милая такая... живая...»

«Да, ничего себѣ... Она, кажется, пикантная, съ ней не заснешь».

Онъ зѣваетъ и потягивается, чтобы скрыть то выраженіе удовольствія, которое появляется у него при мысли о Манѣ.

«Фи... какія пошлости вы говорите...» говорю я полу-шутя.

«Ладно... нечего вамъ тѣнь наводить... Сами небось сто рублей дали, чтобъ этотъ фруктъ съѣсть... наизвратнѣйшій вы юноша...»

«Только вотъ что мнѣ въ ней не нравится», говорю я, «что она такъ кокетничаетъ страшно».

Мы начинаемъ говорить о Манѣ, перебираемъ всѣ ея статьи, точно скаковую лошадь... потомъ переходимъ къ другимъ знакомымъ, разбираемъ ихъ по косточ-

камъ и, въ концѣ концовъ, высмѣиваемъ ихъ, останавливаемся на сплетняхъ и злословіи... Тутъ мы неистощимы, и у каждаго находимъ его смѣшную сторону, такъ что, если бы наши знакомые знали, какъ мы о нихъ отзываемся, то половина изъ нихъ перестала бы, я увѣренъ, намъ кланяться. Хуже всего, что все это ужасно мелко, переговорено много разъ и страшно скучно. Въ концѣ концовъ разговоръ останавливается на университетѣ и мы вмѣстѣ начинаемъ ругать университетъ, профессоровъ и студентовъ.

«Вотъ говорятъ», говоритъ Долговъ, рассказывая медленно по комнатѣ, — «будто у насъ съ профессорами есть какое-то общеніе. Сегодня я даже съ одной дамой, пріѣхавшей изъ провинціи, объ этомъ говорилъ. А между тѣмъ какой это нелѣпый вздоръ. Не понимаютъ, что у насъ ровно ничего общаго нѣтъ. Мы живемъ, какъ два лагеря... Не только нѣтъ общенія, но даже взаимное непониманіе и прежнее... по крайней мѣрѣ съ нашей стороны. Вы читали письмо нашихъ студентовъ, выпущенное въ прошломъ году?» говоритъ онъ, садясь на кресло и вынимая изъ кармана какую-то бумажку.

«Читалъ... а что?»

«Вотъ тутъ одни слова очень характерны для характеристики нашихъ отношеній къ профессорамъ. Слушайте...

«Не смѣйте позорить насъ своей дружбой», говоритъ Долговъ, читая слегка дрожащимъ голосомъ. «Вы наши враги. Не слушаться, не идти съ вами, а презирать васъ нашъ долгъ».

«Да... здорово продернули», говорю я.

«А вотъ еще послушайте такой же московскій отвѣтъ», продолжаетъ Долговъ, вынимая и читая другую бумажку.

«Мы, слушатели высшихъ курсовъ, чуждые вамъ по духу и стремленіямъ, и такъ далѣе»,—говоритъ онъ переверачивая бумажку, «а вотъ еще характерное мѣстечко: «Поймите, что ни ваши знанія, ни вашъ опытъ, ни ваши годы не могутъ заставить насъ прислушиваться къ словамъ вашимъ, такъ какъ въ нихъ сквозитъ такое фарисейское отношеніе къ духовнымъ запросамъ жизни человѣка, такія фальшивыя ноты, такая грубая неискренность, что намъ хотѣлось бы, чтобы вы насъ лучше ненавидѣли, чѣмъ любили».

«Хорошо сказано!» говорю я.

«Послушайте дальше».

«Вашъ путь есть путь лжи. Всѣ эти заигрыванья съ истиной совершаютъ люди, которые должны были бы имѣть тѣсную связь съ нами. Всѣ строки вашего воззванія куплены дорогой цѣной позорнаго отреченія отъ духовнаго сродства съ нами». И такъ далѣе, говоритъ Долговъ, складывая бумагу. Да, сущая правда. Можно подписаться. И то же самое въ обращеніи кіевлянъ. Вездѣ одно и то же».

«Да, говорю я, по-моему профессура у насъ гораздо хуже инспекціи. Тѣ такіе милые, что могутъ, то сдѣлаютъ... Не знаю, почему это студенты такъ хотятъ имѣть инспектора изъ профессоровъ».

«Ерунда вся эта автономія... Будутъ ли ректора выборные или по назначенію, курсовыя сходы или

нѣтъ... не въ этомъ дѣло. Полную безконтрольную свободу если бы намъ дали... свободу развиваться духовно да сходитьсѣ вмѣстѣ не боясь ничего и читать какія угодно книги. Тогда навѣрно мы сами были бы и разумнѣе, и терпимѣе ко многому. Боятся почему-то намъ довѣрить, а выходитъ Богъ знаетъ что», говорилъ онъ. «Вѣдь все запрещенное или деморализуетъ или озлобляетъ. А то вѣдь теперь чортъ знаетъ что такое... Не университетъ, а какая-то клоака».

«Что это вы такъ злобно настроены?»

«Не злобно», говоритъ онъ вставая, «а правду говорю. Университетъ деморализованъ до крайности. Студенты это какая-то банда тупицъ и невѣждъ. А главное, какая самоувѣренность. Воображаютъ, что они нужны обществу... Самое дармоѣдское племя».

«Что-жъ дѣлать? Мы съ вами тоже съ того же поля ягоды», говорю я вздыхая.

«Да, но я, по крайней мѣрѣ, имѣю мужество въ этомъ сознаться—я гиль и прямо говорю, если кто меня спроситъ. А попробуйте сказать это имъ публично... Боже мой, какая обида! Воображаю, если всѣмъ во всеуслышаніе кто-нибудь имѣлъ бы мужество и честность крикнуть, что мы живемъ Богъ знаетъ какъ, что мы развратники, играемъ въ карты... вмѣсто того чтобы заниматься... Воображаю, какое негодованіе поднялось бы... Вся эта толпа закричала бы, что это ложь, ретроградство. Такого господина, я думаю, живого бы съѣли наши либеральные мужчины и дамы...» говоритъ онъ иронически. «А не понимаютъ одно, что

все это одна истина и что нужно и должно объ этомъ кричать на всѣхъ перекресткахъ».

Долговъ взволнованъ и ходитъ нервно взадъ и впередъ.

«Удивительно, куда только ни пойдешь въ публичный домъ... вездѣ: въ Акваріумѣ, Альказарѣ и тому подобныхъ мѣстахъ, свирѣпствуютъ студенты. Я не говорю, что всѣ таковы, но большинство, общая масса... А одна десятая зудитъ и сидитъ согнувъ спину. И тоже по-моему неестественно для человѣка... Куда ни ткнись, вездѣ плохо...

Онъ долго еще ходитъ и ругаетъ студентовъ. Потомъ вспоминаетъ, что сегодня земляческое собраніе.

«Поѣдемте», говорю я, «сегодня будетъ читаться проектъ новаго устава».

Мы одѣваемъ пальто и, уходя, Долговъ кричитъ:

«Мама, затворите за нами двери!»

X.

Во время дороги Долговъ сообщилъ мнѣ, что сегодня недавно поступившій въ землячество первокурсникъ Рыбаковъ вноситъ новый уставъ, который долженъ совершенно реорганизовать и улучшить землячество, и потому ожидается сильное противодействие со стороны партіи, противной реформѣ.

«Я думаю, что проектъ едва ли пройдетъ... провалить вѣрно доминиканцы, о жаль, давно бы очистить эту клоаку нужно было... а то чортъ знаетъ что такое...

прямо стыдно, куда идутъ деньги», сказалъ Долговъ, когда мы подходили къ дому.

«А помните, какъ мы съ вами хотѣли внести въ него умственные интересы и самообразование?» сказалъ я, припоминая воспоминанія изъ давнишняго пережитаго.

«Да, здорово прогорѣли... такъ что отбило охоту дальше стараться», сказалъ Долговъ, натянуто улыбаясь и берясь за звонокъ двери.

Земляческое собраніе, видимо, было сегодня многолюдно. Небольшая передняя, куда мы вошли, была вся сплошь завалена лежащими на сундукѣ, подоконникѣ и даже прямо на полу шубами и пальто. Сквозь полуотворенную дверь было видно множество лицъ и раздавались громкіе разговоры и смѣхъ. Хозяинъ, Логовичъ, красивый, полный студентъ, въ новой входившей только что въ обыкновеніе черной тужуркѣ, вышелъ къ намъ и, дружески улыбаясь, отворилъ намъ двери.

«Что ужъ пора?» спросилъ я.

«Да... скоро начинается».

Въ большой, сильно накуреной комнатѣ сидѣло въ различныхъ позахъ, на столѣ, стульяхъ и подоконникѣ человекъ тридцать студентовъ, большинство универсантовъ, и двѣ барышни-курсистки, которыхъ я зналъ: одна была по фамиліи Ольцовщина, медичка, некрасивая, синій чулокъ, съ короткими разсыпанными по плечамъ мочалочнаго цвѣта волосами и съ большими умными, славными глазами. На ней была красная кофточка и кожаный поясъ, но все сидѣло неизящно и не по-женски, лишенное той незамѣтной

для посторонняго глаза, но искусной и привычной работы, которая знакома всѣмъ женщинамъ, хотящимъ нравиться мужчинамъ. Увидавъ меня, она закивала мнѣ какъ старому знакомому головой и ея некрасивое, незначительное лицо освѣтилось простою, ласковою улыбкой.

Другая курсистка-бестужевка, Гриневская, хорошенькая съ большими черными, какъ сливы, глазами и длинной въ три пальца толщины косою, была курсистка новаго типа, которыхъ такъ много появилось въ послѣднее время. По одному ея элегантному туалету, — хотя она по курсистскому обычаю тоже была въ кофть — по тѣмъ незамѣтнымъ бантикамъ, кружевнымъ воротникамъ, складкамъ плиссэ, золотой цѣпочкѣ часовъ и сидѣвшимъ какъ бабочки на цвѣткѣ другимъ украшеніямъ было видно, что она и есть, и будетъ при всѣхъ обстоятельствахъ въ высшей степени женщиной. Ея молодое хорошенькое лицо отражало въ себѣ сложное чувство любопытства, радостнаго волненія и искренней наивной серьезности. Она была въ первый разъ на «запрещенномъ» собраніи. «Вы не думайте, что я какъ женщина, и такая молоденькая, не могу ничего понять на вашихъ мужскихъ серьезныхъ собраніяхъ. Я понимаю всю важность, и это интересно, и я такъ радъ всему этому», говорило ея нѣжное хорошенькое лицо и порхавшая по розовымъ губамъ и садившаяся ямками на щеки радостная улыбка.

«Вы сегодня въ первый разъ?» сказалъ я ей, пробравшись между стульями и ногами, тѣмъ особымъ покровительственнымъ тономъ, какимъ говорятъ старые

опытные студенты съ новичками. Я пододвинулъ стулъ къ ней и пожалъ ея маленькую, хорошенькую руку.

«Да... да... Какъ это хорошо... Миѣ это очень правится... а полиція насъ не арестуетъ?..»—спросила она, сіяя радостной, привѣтливой улыбкой, развертывая лепестки своихъ розовыхъ губъ и съ веселой дѣтской тревогой смотря на меня прелестными темными глазами.

«Нѣтъ... нѣтъ. Будьте спокойны», сказалъ я улыбаясь.

Выраженіе милой радости мгновенно потухло на ея лицѣ. Розовыя губки надулись.

«Ахъ, какъ жаль!» сказала она недовольно. «А это такъ страшно интересно... Я бы желала понасться въ политическомъ».

«Вонъ посмотрите», сказалъ миѣ Долговъ, трогая меня за кофѣю. «Партіи уже раздѣлились».

Я осмотрѣлся и миѣ дѣйствительно стало ясно, что партіи раздѣлились.

Одна, противная реформѣ, та, которую Долговъ звалъ «доминиканцами», сидѣла съ лѣвой стороны у окна и сосредоточилась около своего лидера, медика Попова, здороваго, солиднаго мужчины, съ мрачнымъ выраженіемъ лица и краснымъ отъ непрерывнаго вышиванія носомъ. Попова иначе называли «машинка гуль-гуль» или нѣтъ больше полныхъ бутылокъ», такъ какъ Поповъ утверждалъ, что не терпитъ, когда видитъ полныя бутылки съ водкой, всегда ихъ очищаетъ. Доминиканцы вели разсѣянную, веселую жизнь, пьянствовали, играли на билліардѣ у Доминика и не занимались. Каждый годъ они набирали изъ земляче-

скихъ суммъ деньги, благодаря большинству и силѣ, и растрачивали ихъ. Долговъ они не отдавали и стояли за прежній уставъ, при которомъ они могли дѣлать это. Теперь они курили, смѣялись и со скучающимъ видомъ ждали начала преній.

Въ другомъ концѣ комнаты сплотилась партія реформъ. Ихъ было немного. Большинство изъ нихъ были первокурсники съ молодыми, оживленными, вѣрящими въ университетъ лицами. Тутъ же былъ и Рыбаковъ. Это былъ высокій, плечистый студентъ, съ густой шапкой кудрявыхъ волосъ. Его рябое лицо дышало увѣренностью и задоромъ. Онъ, покуривая папироску и быстро, не затягиваясь, выпуская дымъ, что-то оживленно говорилъ своимъ. Большинство студентовъ, не принадлежащихъ ни къ той, ни къ другой партіи, лѣнливо говорили и относились безразлично къ тому, что выйдетъ изъ всего этого. Было всего. Кто-то разсказывалъ какую-то послѣднюю новость. Курившіе выходили въ коридоръ и возвращались.

Раздался звонокъ и водворилось на мигъ молчаніе.

Предсѣдатель, — студентъ Осокинъ, рослый брюнетъ, съ лошадинымъ оваломъ лица, принадлежавшій къ числу безразличныхъ, — лѣнливымъ, тягучимъ голосомъ сказалъ, что засѣданіе открыто и что есть нѣсколько очередныхъ вопросовъ, которые нужно разрѣшить.

«Я ставлю эти вопросы по порядку и попрошу записываться ораторовъ, но не кричать, перебивая другъ друга», сказалъ Осокинъ, раскладывая на столѣ какія-то бумаги. «Итакъ къ дѣлу. Silence... я начинаю».

Онъ сталъ читать эти вопросы. Они были слѣдующіе: о пріемѣ двухъ студентовъ въ землячество, объ устройствѣ обычнаго концерта, объ уплатѣ долговъ частнымъ лицамъ, которымъ землячество должно было еще съ прошлаго года, и нѣкоторые другіе. Предсѣдатель просилъ высказаться тѣхъ, кто имѣетъ что-либо сказать о вышеизложенныхъ вопросахъ и для этого не кричать, не перебивать другъ друга и записываться на листкѣ по очереди.

«Времени дается каждому 5 минутъ говорить... время достаточное», сказалъ предсѣдатель улыбаясь и окидывая всѣхъ лѣнивымъ взглядомъ.

Первое время на мгновеніе воцарилась тишина. Потомъ кто-то сказалъ, что есть еще заявленіе о пособіи обществу К. К. и просилъ записать это... Кто-то крикнулъ: «лишнее», и всѣ заговорили. Поднялся шумъ, крики... стало оживленно.

Предсѣдатель позвонилъ. Его не слушали. Онъ сталъ звонить еще сильнѣе, и мало-по-малу опять стало тихо. Предсѣдатель открылъ пренія и началъ говорить о концертѣ... Послѣ него говорили другіе о другихъ пунктахъ... Было шумно, приходилось много разъ звонить. Иногда во время тишины кто-нибудь выкрикивалъ одно слово и начинался галдежъ. Въ одно время всѣ стали такъ спорить и кричать, что собраніе походило больше на базаръ или ярмарку. «Тише.. тише.. тише!» кричалъ предсѣдатель и отчаянно звонилъ колокольчикомъ, но его никто не слушалъ. Предсѣдатель бросилъ звонокъ и, схватившись за голову, ушелъ изъ комнаты, потомъ снова при-

шелъ и звонилъ до тѣхъ поръ, пока водворилось молчаніе.

Послѣ трехчасового галдѣнья, шума и крика среди страшной жары въ концѣ концовъ пункты были рѣшены, студентовъ приняли и концертъ рѣшили устроить. Въ вопросѣ о ссудахъ обществу К. К. разошлись. Одни горячо стояли за и говорили, что стыдно студентамъ не помогать въ этомъ... Другіе, преимущественно доминиканцы, кричали, что деньги уходятъ неизвѣстно куда и это не относится къ студенческимъ нуждамъ. Молодой первокурсникъ Вороновъ, краснѣя, заявилъ, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ жертвовать обществу, когда оно пользуется оффиціальной помощью... Это вызвало всеобщій смѣхъ.

«Садитесь... слабо...»—закричалъ кто-то.

Воронова посадили и разъяснили, въ чемъ дѣло. Вопросъ поставили на баллотировку и большинствомъ отвергли. Было жарко и накурено. Нѣкоторые стали уходить понемногу. Стоялъ шумъ и говоръ. Предсѣдатель позвонилъ и сказалъ, что остается одинъ вопросъ, который, онъ надѣется, займетъ немного.

«Слово принадлежитъ коллегѣ Рыбакову», сказалъ онъ лѣниво и нѣсколько насмѣшливо взглянувъ на него своими сѣрыми красивыми глазами. «Я знаю, что это все ерунда, что вы хотите внести... Но какъ предсѣдатель я обязанъ соблюдать безпристрастность... А впрочемъ дѣлайте, какъ хотите. Меня это мало интересуетъ», говорило его полное лошадиное лицо.

«Я долженъ попросить, господа, нѣсколько времени усиленнаго вниманія, такъ какъ то, что я предлагаю...

что я хочу предложить, очень важно», сказалъ Рыбаковъ, поднявшись, слегка дрожащимъ неувереннымъ голосомъ.

Онъ говорилъ сначала тихо и путаясь, потомъ разошелся. Всѣ слушали его со вниманіемъ. Доминиканцы иногда улыбались и перешептывались. Сначала въ краткихъ чертахъ Рыбаковъ разсказалъ, что, по его мнѣнію, наше землячество находится теперь въ полномъ разложеніи...

«Собираемся мы, господа», сказалъ онъ, держа въ рукахъ какую-то тетрадку и не смотря ни на кого, точно ему это было неловко. Вообще онъ очень волновался. «Собираемся мы только разъ-два въ годъ... Кромѣ матеріальной въ землячествѣ нѣтъ никакой иной цѣли саморазвитія или другой дѣятельности.

«Это нехорошо», сказалъ кто-то изъ доминиканцевъ съ улыбкой.

«Но и матеріальная, если ея поближе коснуться», сказалъ Рыбаковъ громко съ горькой улыбкой, какъ бы смѣясь надъ печальной истиной, «такова, что о ней лучше не говорить. Сборовъ ни отъ кого не поступаетъ, а долговъ никто не отдаетъ. «Я попрошу кассира прочесть, сколько кто долженъ», сказалъ онъ, останавливаясь на минуту.

Кассиръ Черневскій, маленькій, черненькій студентъ, «галка», какъ его звали, вскочилъ и досталъ изъ кармана какую-то тетрадочку, прочелъ заикаясь, что къ настоящему времени за членами числится долговъ 3,535 руб. 75 коп. и за все время существованія землячества поступило денегъ по долгамъ только на сумму 13 руб. 80 копѣекъ.

«Итакъ, видите, господа, что положеніе наше таково, что стыдно признаться», сказалъ Рыбаковъ вставая... Деньги отъ концерта раздаются Богъ знаетъ какъ... Всегда большей частью лица, ихъ получающія, растрачиваютъ ихъ на билліардахъ и въ Альказарѣ... Прямо стыдно устраивать концертъ для такихъ цѣлей...»

«Это слова одни!..» закричалъ кто-то.

«Къ дѣлу!..» раздалось съ другой стороны.

«Господа... не кричите!»

Поднялся шумъ и гамъ. Одни кричали одно, другіе другое. Предсѣдатель изо всей силы звонилъ. Поповъ, красный, бросалъ мрачные взгляды въ сторону Рыбакова, что-то говорилъ своей партіи. «Молчите. Тише... къ дѣлу... Господа, оставьте...» раздавалось отовсюду и все вмѣстѣ увеличивало шумъ. Иногда на минуту успокаивались, но кто-нибудь выкрикивалъ одно слово и опять начиналось волненіе. Наконецъ мало-по-малу возстановилось спокойствіе, предсѣдатель предложилъ Рыбакову прочесть проектъ. Рыбаковъ всталъ и началъ читать, отбѣняя одни мѣста и скрадывая другія. Всѣ предлагаемыя имъ мѣры клонились къ тому, чтобы прекратить растрату денегъ и образовать фондъ. За неуплату назначались сильныя наказанія. Чѣмъ дальше онъ читалъ, тѣмъ сильнѣе краснѣлъ и волновался Поповъ и шепталъ что-то своей партіи и тѣмъ труднѣе было сдерживать молчаніе.

«Довольно читать... ставьте на баллотировку!» крикнулъ кто-то изъ противной партіи.

«На баллотировку... мысли автора выяснились!»

«Нѣтъ... еще читать!..» закричали другіе.

Поднялся шумъ. Рыбаковъ, красный, громко заявилъ, что въ виду важности проекта, онъ полагалъ бы, чтобы высказались всѣ объ немъ и чтобы для разсмотрѣнія положенія землячества образована была специальная комиссія.

«Лишнее», сказалъ басомъ Поповъ.

«О чемъ разговоръ?.. на баллотировку. Мы не хотимъ больше тратить время на это», сказалъ Лаговичъ.

Предсѣдатель сталъ звонить и, когда утихло, обвелъ глазами всѣхъ и съ улыбкой, стараясь соблюсти виѣшнюю безпристрастность, сказалъ, что такъ какъ большинство повидимому за то, чтобы проекта дальше не читать, то онъ ставитъ это на баллотировку. Кто за это, пусть подыметъ руку. — Вмигъ десятки рукъ поднялись вверхъ. «Разъ, два, три!» началъ считать предсѣдатель, махая рукою. Доминиканцы побѣдоносно улыбались, посматривая на противниковъ... Рыбаковъ покраснѣлъ и, нахмурившись, пожалъ плечами.

«Погибъ...» шепнулъ мнѣ Долговъ.

«Четыре... нѣтъ, шесть», продолжалъ предсѣдатель. «Господа, кажется, большинство противъ дальнѣйшихъ обсужденій, сказалъ онъ съ нескрываемой спокойной радостью, посмотрѣвъ на Рыбакова и какъ бы говоря: «Вотъ видишь, ни къ чему не привели всѣ ваши мальчишескія бредни... А впрочемъ мнѣ безразлично и я былъ безпристрастенъ.

«Господа... Теперь остается выяснить, сказалъ онъ, принимаемъ ли мы проектъ, или часть его, или отвергаемъ. Кто принимаетъ, пусть встанетъ».

Рыбаковъ поднялся. Встали еще три человѣка.

Всталъ я, Долговъ и двѣ курсистки. Десятки про-
ническихъ глазъ устремились на насъ.

«Разъ... два...» началъ опять считать председатель.

«Finita la comedia», сказалъ, наклоняясь ко мнѣ,
Долговъ.

«Господа, большинство не поднялось!» провозгласилъ
предсѣдатель съ еле-скрываеваемой радостью. «Итакъ,
проектъ отвергнуть».

«Ура!» закричалъ кто-то.

Поднялся шумъ, разговоры... Поповъ смѣялся, го-
воря что-то... Рыбаковъ стоялъ мрачный. Я подошелъ
къ Долгову.

«Пойдемте... больше нечего дѣлать», сказалъ онъ.

«Куда?» спросилъ я.

«Ну хоть въ коллегію».

Мы вышли.

XI.

Давнишній, извѣстный почти всѣмъ студентамъ
коллегіантскій швейцаръ Григорій, высокій, полный
мужчина съ необыкновенно бѣлымъ, пухлымъ, какъ у
протоіереевъ, лицомъ отворилъ намъ дверь и на вопросъ:
дома ли Буравцевъ, сказалъ тонкимъ, какъ у дѣвочки,
такъ не шедшимъ къ его фигурѣ голосомъ:

«Господинъ Буравцевъ?... дома... пожалуйста».

Въ коридорахъ было пустынно. Горѣли, бросая
яркій зеленоватый свѣтъ, газовыя горѣлки. Со всѣхъ
сторонъ были двери въ отдѣльные номера и на нѣко-
торыхъ были прибиты визитныя карточки. Изъ одного

номера дверь отворилась и вышелъ студентъ, въ бѣлой сорочкѣ, въ туфляхъ, съ полотенцемъ въ рукѣ. Въ другомъ дверь была полуоткрыта и видны были два студента въ мундирахъ и при шпагѣ. У нихъ были схожія безбородыя лица и почти одинъ и тотъ же ростъ.

↳ Это были два брата Кованько, изъ числа гвардействующихъ студентовъ, патентованные ослы, какъ ихъ называлъ Долговъ. Они всегда ходили въ такомъ нарядѣ по Морской отъ 5 до 7 и теперь, очевидно, только что вернулись и приготовлялись идти на какой-нибудь вечеръ. Въ другомъ номерѣ стояли два студента въ черныхъ тужуркахъ и громко спорили, прерывая другъ друга. Одинъ—я зналъ его, какъ почти всѣхъ въ коллегіи—Ежовъ, высокій, худой черноволосый мужчина, держа въ рукѣ какую-то бумажку, чертилъ быстро по ней что-то карандашомъ.

↳ «Да ты пойми только», говорилъ онъ оживленно другому, махая карандашомъ въ воздухѣ. «Вѣдь теперь непременно долженъ Рыцарь выиграть... Не выиграетъ никогда фаворитъ. Посмотри, какъ я разсчиталъ...»

«Посмотримъ», говорилъ спокойно другой, разсматривая солидно бумажку...

Высокій студентъ былъ большой любитель конскихъ бѣговъ. Онъ игралъ сильно на тотализаторѣ на Семеновскомъ плацу и изобрѣлъ какую-то свою, по его мнѣнію, безиронгритиную теорію, которою онъ надѣдалъ теперь всѣмъ.

«Здравствуйте», крикнулъ онъ мнѣ, кивая изъ комнаты пріятливо головою.

Изъ № 25 насъ окликнулъ по фамиліямъ чей-то голосъ. Очень маленькій съ небольшою головкой и дѣтскимъ выраженіемъ безусаго лица студентъ отворилъ настежь дверь и крикнулъ, кивая головой, чтобы мы вошли къ нему на минутку. Это былъ студентъ Карпичъ. Ему было почти тридцать лѣтъ, но на видъ онъ высматривалъ ребенкомъ. Онъ былъ въ университетѣ уже десять лѣтъ и едва перешелъ на второй курсъ и то не самъ, а упросилъ, чтобы за него выдержали. Теперь онъ страшно боялся экзамена у свирѣпаго профессора по русскому праву и третій годъ уже сидѣлъ, не экзаменуясь, на второмъ курсѣ. Онъ былъ такъ неразвитъ, что если-бъ даже и желалъ, не могъ бы понять ни одной серьезной книги, но зато, несмотря на свой миниатюрный ростъ, былъ большой любитель женщинъ и получилъ отъ товарищей прозвание «павіанчика».

«Вы кюдэ?» спросилъ онъ насъ, подавая намъ руку и смотря своими сѣрыми небольшими глазами. Онъ усвоилъ себѣ манеру говорить сквозь зубы и коверкая слова, какъ онъ думалъ говорить аристократы, и потому онъ говорилъ не такъ, а «тэкъ», не послушайте, а «песлюште», все по-своему.

«Къ Буравцеву... ну, а вы?» сказалъ Долговъ, осматривая его небольшую фигуру съ еле скрываемою улыбкой.

«Въ Variété... вы знаете, на углу... Тамъ такой классическій танцуютъ канканъ, батенька, что я вамъ доложу... слюньки текутъ»,—сказалъ онъ, подымая обѣ руки кверху и натягивая на себя сюртукъ. «Третьяго

дня тамъ одна недурненькая». Онъ улыбнулся и сталъ рассказывать, наливая себѣ духи подъ мышки. Но мы объявили, что спѣшимъ, и вышли.

«Вотъ фруктъ», сказалъ мнѣ Долговъ, подмигивая и презрительно сплевывая на полъ. «А вѣдь сколько развилось такихъ въ наше время.

«Войдите!» крикнули намъ, когда мы постучали въ 29-й номеръ къ Буравцеву.

«А... это вы... здравствуйте», сказалъ, подымая голову и не вставая, самъ Буравцевъ, бѣлокурый малый съ лихими гусарскими усами и горбатымъ носомъ. Онъ игралъ въ карты и теперь былъ занятъ какимъ-то ходомъ. За столомъ, уставленнымъ ветчиной, консервами и бутылками пива, сидѣли еще три студента и играли. Двое другихъ въ сюртукахъ на распашку стояли и смотрѣли играющимъ въ карты. Было накурено и немного жарко. Кто-то опрокинулъ очевидно бутылку и на полу стояла большая лужа пива.

«Садитесь», сказалъ толстый, смуглый студентъ Лобяцкій, придвигая мнѣ стулъ и пуская дымъ на воздухъ. «Авось хоть вы мнѣ счастье принесете».

Онъ бросилъ на столъ деньги, которыя покатались ребромъ и, столкнувшись, бессильно упали и крикнулъ:

«Всѣ дамы по двадцати!»

Играли въ девятый валъ. Держалъ незнакомый мнѣ студентъ, въ пенснэ и съ большими сѣрыми близорукими глазами и добродушно растеряннымъ выраженіемъ лица. Стасовывая карты большими съ грязными потями и напухшими синими жилами ру-

ками, онъ торопливо какъ-то ихъ дергалъ и раскладывалъ въ ряды неловкимъ движеніемъ. На лицѣ его смѣнялись два душевныхъ движенія—боязливаго ожиданія передъ неизвѣстностью исхода и безтолковой радости, когда онъ выигрывалъ. Буравцевъ хладнокровно курилъ и игралъ такъ, какъ будто для него это было самое привычное обыденное дѣло. Было жарко и душно, безпрестанно летали слова:

«Бита!»

«Семь по пятидесяти... даешь?»

«Мой валъ».

«Нѣтъ, не везетъ!» сказалъ мнѣ небольшой, похожій лицомъ на герцога Гиза, студентъ съ небольшой черненькой клиномъ бородкой и живыми такими же черными глазами. «Не понимаю ихъ... чего это публика играетъ. Сегодня у одного деньги, послѣ проигрыша переходятъ къ другому, завтра тотъ проиграетъ—деньги возвращаются. И такъ кругомъ *perpetuum mobile*... А денегъ въ общемъ ни у кого нѣтъ. Только я сегодня двадцать рублей проигралъ. Надо будетъ изъ землячества одолжить», сказалъ онъ улыбаясь бѣлыми зубами.

Въ это время дверь отворилась, и въ комнату вошелъ стройный, красивый студентъ съ курчавой головой, какъ у греческаго бога. Онъ окинулъ взглядомъ всѣхъ и весело воскликнулъ:

«А... сраженіе въ разгарѣ!..»

Это былъ студентъ Яновскій. Несмотря на свою элегантную наружность и свѣтло-зеленый отъ Киселева скюртукъ, онъ былъ очень бѣденъ, а тѣмъ не

менѣе прогуливалъ въ мѣсяцъ сотни рублей. Секретъ этого искусства заключался въ томъ, что онъ былъ студентомъ только по формѣ, а все время проводилъ у Доминика и Вина за билліардомъ. Онъ игралъ артистически и уходилъ часто домой съ десятками рублей въ карманѣ.

«Давайте играть въ банкъ!» сказалъ онъ, здороваясь со всѣми и присаживаясь. «Я буду держать».

Его окружили и стали вынимать деньги. Закипѣла игра. Изъ-подъ стола показались новыя бутылки съ пивомъ. Мнѣ играть не хотѣлось, и я ушелъ домой.

Я ложусь въ постель и читаю часа два какую-то книгу по беллетристикѣ. Когда я тушу лампу, чтобы лечь спать, мною овладѣваетъ ощущеніе какъ-то глупо прожитаго дня. Я перебираю въ памяти весь сегоднешній день и всѣ дни этого мѣсяца, и то, что можетъ быть дальше, и жизнь моя начинается мнѣ казаться какой-то длинной, медленно тянущейся куда-то ниткой.

«Ахъ, ты Боже мой... Боже мой!» шепчу я, зарываясь въ одѣяло и полузасыпая.

А на завтра начинается обычная канитель: чтеніе лекцій, хожденіе въ опротивѣвшій университетъ, обѣды у Зинаиды Ивановны и пошлые разговоры Маевского и Колтовцева, вечеромъ ужасное мучительное настроеніе и бѣгство къ кому-нибудь, чтобы убить время, и такъ день и два, и мѣсяцъ—въ прошломъ четыре года и въ будущемъ неизвѣстно сколько... Безцѣльное, скучное, по инерціи существованіе и все время, какъ основное настроеніе, тяжелое чувство того, что

моя жизнь уходитъ безцѣльно и что она никому не пужна и все возрастающій страхъ передъ сѣростью хорошо извѣстнаго будущаго и постоянно унылая гнетущая скука...

Какая тоска!

ХП.

Въ томъ же домѣ, гдѣ живу и я, только этажемъ пониже и съ другого подъѣзда, живутъ трое моихъ товарищей еще по гимназіи: Рысь, Орловъ и Антонъ Гусевъ.

Антонъ худъ, небольшого роста, бѣлокуръ и, не смотря на свои 24 года, началъ уже сильно плѣшивѣть... Онъ всегда, даже на первомъ курсѣ, имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ одинъ изъ самыхъ старыхъ студентовъ. Онъ очень медлителенъ, важенъ и умѣетъ держать себя съ молодыми студентами съ большимъ апломбомъ. У него страсть говорить такія вещи, которыя идутъ наперекоръ всѣмъ установившимся мнѣніямъ. У него своя алгебра, философія и даже своя манера пить водку не холодною, а подогрѣтой. Онъ ходитъ постоянно въ сапогахъ, красной рубашкѣ и куритъ трубку. Къ женщинамъ онъ относится свысока и утверждаетъ, что изъ нихъ нѣтъ ни одной, которая бы не поддавалась ему, если бы онъ захотѣлъ... Только лѣнь добиваться!

Орловъ—малый въ другомъ духѣ. Онъ высокъ ростомъ, смуглъ и похожъ на итальянца... Одѣвается онъ всегда элегантно, въ сюртукѣ, но все имѣетъ на немъ такой видъ, какъ будто оно очень старо. Онъ

получилъ недавно отъ отца наслѣдство и сильно, точно съ какимъ-то упорствомъ кутить. На всемъ его существѣ лежитъ какой-то минорный скучный отпечатокъ. Онъ думаетъ про себя въ душѣ, что онъ глубокая талантливая натура, но что его никто понять не можетъ на свѣтѣ. Какъ-то разъ онъ проговорился мнѣ, что у него въ душѣ особая мистическая тайна, какое-то великое неизъяснимое страданіе. По его мнѣнію, разумный человѣкъ бываетъ нормаленъ только тогда, когда выпьетъ. Въ обществѣ онъ скученъ, молчаливъ и способенъ просидѣть нѣсколько часовъ не проронивъ ни слова.

Рысь—это было его прозвище, звали его собственно Рысаковъ—былъ самымъ молодымъ изъ этой компаніи. Онъ высокъ ростомъ, толстъ, съ кудрявыми рыжими волосами. У него бездна добродушія и жизненнаго здоровья. Онъ, какъ и другіе, ничего кромѣ газетъ и курсовъ не читаетъ, но отъ природы далеко не глухой малый. Онъ большой любитель картъ и пильзенскаго пива. Я прожилъ съ этой компаніей какъ-то разъ цѣлый мѣсяцъ и потому отлично знаю ихъ жизнь и нравы.

Вставали они всегда очень поздно, и когда горничная приносила самоваръ, то Рысь принималъ при этомъ какую-нибудь неприличную позу и говорилъ:

«Анна... посмотрите!...»

Всѣ смѣялись.

Потомъ поднимался споръ, кому заваривать чай. Это не было никому трудно, но спорили потому, что никому не хотѣлось, чтобы это дѣлалъ онъ. Когда

пили чай, одинъ читалъ газету, а другіе комментировали событія.

«Молодцы англичане, сегодня побѣдили!»

Или:

«Какую хорошую статейку Д. написал!»

Гусевъ высказывалъ какое-нибудь необычайное мнѣніе, и всѣ нападали на него и безконечно начинали спорить до хрипоты, до тошноты и въ концѣ-концовъ упрекали другъ друга въ невѣжествѣ. Потомъ шли всѣ вмѣстѣ гулять. Во время гулянья останавливались передъ витринами, заходили въ Пассажъ и любовались брилліантами. Гуляли большей частью по Большой Морской и Невскому тамъ, гдѣ было много народу. Во время прогулки опять спорили о встрѣчавшихся женщинахъ, о вещахъ въ магазинахъ, обо всемъ, что могло быть предметомъ разговора. Въ концѣ концовъ начинали браниться. Иногда заходили въ университетъ и слушали какую-нибудь лекцію пріѣзжей знаменитости.

Они надоѣли другъ другу страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ привыкли одинъ къ другому, что врозь имъ было скучно. Каждый разъ въ концѣ года они переругивались между собой и давали слово не жить другъ съ другомъ, но съ начала года неодолимая, почти животная живая сила привычки влекла ихъ одинъ къ другому и заставляла забывать свое слово. Занимались они только передъ самыми экзаменами и переходили съ курса на курсъ еле-еле.

Послѣ обѣда, если было пасмурно и дождливо, сидѣли дома, лежа на постеляхъ во тьмѣ, и опять спо-

рили или бранились. Тутъ посылали обыкновенно за водкой съ закусками и дюжиной пива. Пили методично, солидно, точно отбывали обязанность. Антонъ по обыкновенію грѣлъ водку и всё надъ нимъ смѣялись. Въ это время приходили къ нимъ знакомые и начиналось общее выпиванье. Пили много, но никто никогда не напивался. Часовъ въ семь, если не было особенно дождливо, ѣхали въ тотъ ресторанъ, на Казанской, который называется Казанскимъ университетомъ... Тамъ играли на билліардѣ...

По вечерамъ, если бывали у кого-нибудь деньги, ѣхали въ Альказаръ, Акваріумъ или на какой-нибудь вечеръ, гдѣ можно было найти женщинъ. Иногда, если бывало по пути — заѣзжали за мной... Изрѣдка, когда я бываю особенно не въ духѣ, я отказываюсь ѣхать, но чаще всего соглашаюсь, и мы всё вчетверомъ ѣдемъ сперва на Невскій.

Невскій въ это время уже полонъ народа, главнымъ образомъ дѣвицъ и студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній... По широкимъ тротуарамъ, освѣщеннымъ великолѣпными витринами и электричествомъ фонарей, плыветъ шумливая, праздная, развращенная толпа, пригнанная сюда однимъ общимъ инстинктомъ. Мужчины засматриваютъ въ лица проходящихъ женщинъ и, опредѣляя ихъ профессію, поворачиваютъ и мчатся за ними... Вездѣ идутъ пары подъ ручку... Дѣвицы идутъ быстро, какъ будто за дѣломъ, и обглядываютъ мужчинъ... Вездѣ кричація разноцвѣтныя перья на шляпкахъ, яркія юбки... Тамъ и сямъ раздаются разговоры и смѣхъ... Иногда вылетаютъ ци-

ничныя слова... Подъ сѣнью ночи, при неестественномъ, возбуждающемъ нервы свѣтѣ, носится атмосфера чувственныхъ желаній и торговли собою. Никто не стѣсняется, какъ будто бы общее чувство порвало всѣ условности, и то, что тщательно прячется днемъ, теперь вырвалось и разлилось во всю ширь. Одни только дворники и величественные городовые стоятъ на улицахъ и безучастно смотрятъ привычнымъ глазомъ, какъ идутъ мужчины и пробѣгаютъ дѣвицы, шурша канаусовыми юбками.

Впрочемъ, то было прежде... Теперь же, въ послѣдній годъ, дѣвицы завели новую моду... Онѣ почти не ходятъ по улицамъ пѣшкомъ, а ѣздятъ на извозчикахъ и оттуда зазываютъ мужчинъ...

Странная мода!

ХІІІ.

Мы шли быстро въ этой густой толпѣ, также какъ и другіе, засматривая на женщинъ и лавируя между прохожими. На углу Конюшенной какая-то дѣвица въ шляпѣ съ красными цвѣтами и нижней желтой юбкѣ, проходя мимо, громко закричала намъ:

«А, Коля, здравствуй!.. чего отвертываешься?»

«Проваливай», вскричалъ ей, не оборачиваясь, Антонъ, «не узнала!»

«Ну, не больно-то форси!» сказала дѣвица обидчиво.

Хотя она по обычной манерѣ назвала насъ по имени наугадъ—она не разсердилась на невѣжливое

обращеніе и нѣсколько времени стояла на одномъ мѣстѣ и что-то крикнула намъ издали. Такихъ дѣвицъ попало намъ довольно много и одна угадала имя Антона. Дѣвицы безпрестанно подходили и хватали насъ за руки или сталкивались грудью, засматривая въ лицо и дѣлая предложенія. Но всѣхъ ихъ мы гнали отъ себя. У Литейнаго ко мнѣ подошла другая дѣвочка, маленькая, жирная, съ сильно накрашеннымъ лицомъ, съ бѣлымъ боа на шеѣ и, загоротивъ дорогу, запѣла протяжно:

«Коллега, идемъ ко мнѣ!..»

«Зачѣмъ?» сказалъ я, пытаюсь уйти отъ нея.

«Зачѣмъ... будто не знаешь?» сказала она съ досаднымъ недоумѣніемъ, какъ человѣкъ, которому некогда терять время на пустяки. — «Будемъ...» — и она добавила циничное слово.

«Не хочу...» сказалъ я, идя впереди.

«Три рубля возьму, только... Ей-Богу. Поѣдемъ», сказала она такъ, какъ будто дѣлала мнѣ одолженіе, противъ котораго я не могу возразить.

«Денегъ нѣтъ».

«Врешь!» сказала она недовѣрчиво, заглядывая мнѣ въ глаза. «А нѣтъ, такъ чего ходишь. Только людей сбиваешь напрасно!» крикнула она мнѣ издали. Но тутъ прошли два путейца, и она кинулась къ нимъ.

Гуляющіе приходили и уходили на Литейный, на Морскую или брали дѣвицъ и заходили въ рестораны. Подъѣзжали извозчики и спускали дѣвицъ на тротуаръ. Около Пассажа столпилась масса вокругъ кого-то. Слышны были отдѣльныя слова. Двѣ дѣвицы сѣпи-

лись и ругались одна съ другой, а другіе смотрѣли на это, какъ на представленіе.

«Дрянъ... паршивая!» кричала высокая дѣвица съ зеленымъ перомъ, наступая на другую.

«Ну... ну, сунься только! Я-те морду побью!» говорила другая, пѣтушась, съ грознымъ видомъ смотря на высокую дѣвицу...

«Сама сунься... я тебя размалюю!.. будешь кавалеровъ отбивать...»

«Фря... какая... испугалась тебя очень.

Онѣ наступали одна на другую... Мужчины розняли ихъ. Высокую дѣвицу взялъ подъ руку какой-то медикъ и посадилъ на извозчика. Они поѣхали. Толпа стала расходиться.

«Тоже женскій полъ называются», сказалъ презрительно городовому сѣдой представительный швейцаръ въ синей ливреѣ, очевидно сошедшій съ подѣзда посмотреть на зрѣлище. «Деликатности въ обращеніи нѣтъ и на грошъ».

«Да, извѣстно...» сказалъ развязно городской, присоединивъ крѣпкое слово.

Мы пошли дальше. Но едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ намчалась цѣлая толпа дѣвицъ. Онѣ были испуганы, галдѣли и бѣжали отъ кого-то... Нѣкоторые хватали мужчинъ, прося о чемъ-то. Молоденькая, еще совсѣмъ свѣженькая дѣвица, въ черной кофтѣ и шляпкѣ съ единственными только блестящими серьгами, подошла ко мнѣ и попросила жалобно:

«Коллега... голубчикъ... проводи меня...»

«А что?» сказалъ я, беря ее подъ руку.

«Полиція идетъ».

Я провелъ ее въ карету вмѣстѣ съ Антономъ, Рысью и другими студентами, у большинства которыхъ тоже очутились дѣвицы. Около самой Знаменской она выдернула свою руку и сказала мнѣ нерѣшительно:

«Можетъ... зайдешь ко мнѣ?.. Я тутъ близко живу...»

Ея темные, небольшіе, еще неподведенные глаза остановились на мнѣ съ благодарностью за помощь и съ робкою просьбой. Сквозь напускную развязность публичной женщины въ нихъ выглянуло неиспорченное, скромное душой существо. Я посмотрѣлъ на ея милое молоденькое лицо, на застѣнчивую улыбку, на скромную кофточку и такъ рѣзко нарушавшіе эту гармонію простоты большія, фальшивыя, блестящія серьги и мнѣ стало жалко обидѣть ее отказомъ; я взялъ ея адресъ и обѣщался зайти къ ней.

«Такъ смотри не забудь!» крикнула она мнѣ переходя улицу.

Два медика остановились и, взглянувъ на нее, помчались за нею смѣясь. Мнѣ стало почему-то обидно за нее...

«Пойдемъ къ Андрееву!» сказалъ Рысь...

Народу стало уже меньше. Многія дѣвицы уже уѣхали и были разогнаны полиціей. Тѣ, кто остались, такъ же быстро бѣжали и кричали намъ что-нибудь и просили взять съ собою. Опять шли подъ ручку пары, мужчины въ цилиндрахъ, студенты, военные и даже два высокихъ гимназиста. Раздавались тѣ же циничныя слова, смѣхъ и носилась та же противная атмосфера. Я шелъ, но какъ всегда здѣсь на Невскомъ безъ вся-

каго скрытаго поползновенія... Чѣмъ больше проходило времени и больше являлось этихъ нарумяненныхъ, подведенныхъ, въ кричащихъ платяхъ циничныхъ женщинъ и чѣмъ развязнѣе предлагали онѣ себя, тѣмъ все менѣе оставалось у меня въ душѣ чувства восхищенія передъ женщиной, какъ таинственнымъ, прелестнымъ своей недоступностью и чистотою существомъ, и росли только одна тупая вялость и омерзѣніе. Около самаго Андреева, на углу Мойки, вдругъ раздался громкій отчаянный женскій крикъ, точно кого-то рѣзали или мучили ужасно... Всѣ шедшіе кинулись на крикъ.

«Что это?» раздавалось въ толпѣ.

«Бьютъ, что-ль, кого?» сказалъ какой-то мѣщанинъ въ картузѣ.

«Должно, утопъ кто», сказалъ какой-то мужикъ съ сѣдой бородой, очевидно изъ деревни.

Мы протискались сквозь толпу впередъ. Около тротуара стоялъ извозчикъ. Двое здоровыхъ городскихъ сажали въ экипажъ какую-то дѣвицу, которая отчаянно сопротивлялась и кричала. Тутъ же стоялъ околоточный и отдавалъ начальственнымъ голосомъ приказанія. Всѣ столпились, смотрѣли молча на эту картину. Было тяжело, неловко и больно за человѣка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ чувствовали, что вступить безполезно. На лицахъ было выраженіе недоумѣнія, растерянности и тупого ожиданія.

«А за што ее берутъ, любезные?» сказалъ старикъ съ сѣдой бородой.

«Не велѣно ходить», сказалъ строго городской, «проститутка».

«Эка... кричить-то!.. Ужаси какъ жалко», сказалъ молодой парень въ поддѣвкѣ, съ кудрями.

«Поди... теперь не скоро выпустятъ, дядинька», сказалъ мальчикъ-подмастерье кому-то.

«Иди... иди... что стоите!» закричалъ строго около-точный толпѣ.

Мы пошли къ Андрееву.

XIV.

Какъ всегда, первое ощущеніе, когда я вошелъ въ Андреевскую кофейню, было что-то яркое, свѣтлое до боли и сильно пахнущее запахомъ пирожковъ, кофе и кушаній. Я зажмурился и, подавляя въ себѣ чувство легкаго отвращенія ко всему, что здѣсь было, къ самой комнатѣ, къ сидѣвшимъ здѣсь женщинамъ и мужчинамъ, шелъ впередъ мимо небольшихъ мраморныхъ столиковъ, за которыми, разговаривая, сидѣли пары. «Какъ это ни противно и ни непріятно находиться въ этой противной комнатѣ, пропитанной этимъ тяжелымъ запахомъ, все же надо теперь идти дальше и сидѣть и смотрѣть на этихъ женщинъ, какъ и всѣ» — не то чтобы думалъ, а скорѣе чувствовалъ я, проходя быстрымъ шагомъ впередъ.

Мы сѣли за одинъ изъ столиковъ и, потребовавъ себѣ кофе, стали разсматривать тѣхъ, кто былъ здѣсь. Въ длинной и узкой комнатѣ, въ видѣ коридора съ плитчатымъ поломъ, украшенной по бокамъ зеркалами, сидѣли за столиками мужчины и женщины, и одни вы-

сматривали, другія предлагали себя. Электрическія матовыя лампочки бросали на все непріятный, рѣжущій глаза свѣтъ. Воздухъ, пропитанный кухонными парами, былъ тяжелъ и прилипалъ къ рукамъ. Туда и сюда на звонки бѣгали развращенные и почтительные до потери человѣческаго достоинства лакеи, въ бѣлыхъ курточкахъ и передникахъ, приносили требуемое и низко кланялись за «чай».

Народу было довольно много, и почти всѣ столики были заняты. Но, несмотря на многочисленность, говорили мало и было сравнительно тихо. Царило какое-то вялое, апатичное настроеніе. Мужчины, медленно прихлебывая чай, посматривали на женщинъ, съ сознаніемъ своей мужской возможности когда угодно подойти къ нимъ и увести ихъ съ собою. Они разглядывали не стѣсняясь, какъ будто теперь въ этой яркой атмосферѣ можно было сбросить навремя все наносное человѣческое и остаться одними животными... На всѣхъ лицахъ былъ какой-то пошлый отпечатокъ... Я взглянулъ въ зеркало и увидалъ, что у меня и у Рыси, и у Антона были такія же пошлыя лица, какъ у всѣхъ.

Товару было довольно много. Большинство дѣвицъ сидѣли по-двѣ и по-три и чаще съ кавалерами. Тѣ, кто остались безъ мужчинъ, напускали на себя видъ равнодушія и неприступности, сквозь которыя проглядывалъ страхъ не найти на сегодня мужчины и какая-то даже обида. У большинства лица были некрасивы, потасканы и обрюзгли съ выраженіемъ усталости и скуки. Всѣ до одной были сильно набѣлены и нарумянены съ подведенными рѣсницами и бровями.

Нѣкоторыя видимо были когда-то очень недурны, даже красивы. Но теперь остались только правильныя черты, общее же выраженіе свѣжести и женской прелести отпало и теперь было грустно смотрѣть на эти лица... На всѣхъ были яркія кофточки, цвѣтныя платья и перья и фальшивые блестящіе камни.

«Да», сказалъ меланхолично Орловъ, прихлебывая чай и закуривая папирску. «Давненько я не былъ здѣсь... недѣли съ двѣ ужъ...»

Онъ положилъ руки на столъ и сталъ смотрѣть вдаль куда-то.

Рысь чему-то улыбнулся и, толкнувъ Гусева, указалъ ему глазами на сосѣдній столикъ.

«А что такое?» спросилъ я.

«Вонъ та дѣвица», сказалъ онъ съ улыбкой, показывая взглядомъ на одинъ изъ столиковъ, «была годъ тому назадъ горничной въ «Mon Repos»... Помнишь, я тебѣ рассказывалъ, какъ мы ее съ Шурой совратили...»

Я посмотрѣлъ... Недалеко отъ насъ, разговаривая съ двумя какими-то студентами, сидѣла высокая, недурная брюнетка и курила папирску, небрежно выпускающая дымъ. Лицо ея было еще мало намалевано, большіе, черные миндалевидные глаза были какъ-то устали и грустны, даже тогда, когда она улыбалась. На нее смотрѣли со вниманіемъ нѣсколько человѣкъ, но ей видимо было безразлично. «Мнѣ такъ это все надоѣло. Но если хотите и если это доставляетъ намъ удовольствіе, то можете смотрѣть сколько угодно», какъ будто говорило это лицо. На ней была раскидная черная шляпка съ красной отдѣлкой и темно-желтый сакъ.

Въ ушахъ были серьги изъ бѣлыхъ и зеленыхъ камней.

«Ишь ты, не хочетъ узнать, Любка», сказалъ Рысь, наклоняясь къ Антону, и сталъ ему улыбаясь рассказывать что-то...

Антонъ курилъ и кивалъ одобрительно головою.

«Безобразіе, ни одной хорошенькой нѣтъ!» сказалъ Орловъ, ударяя рукою о столикъ.

Вошелъ какой-то почтенный господинъ съ лысиной во всю голову и, сѣвши за столикъ, сталъ болтать съ дѣвицей, смѣясь и показывая желтые изъѣденные зубы.

«Поѣдемъ въ «Испанію»...» сказалъ я.

«Обожди... тутъ должна быть одна дѣвица», сказалъ Антонъ, оглядываясь во всѣ стороны. «Такая хорошенькая... Грудь какъ резина, а бедра какъ у Венеры... во...» сказалъ онъ, показывая руками.

Рысь засмѣялся.

«Нѣтъ твоей Венеры...» сказалъ онъ вставая. «Поѣдемъ въ самомъ дѣлѣ... скучно здѣсь...»

Вошли нѣсколько студентовъ съ дѣвицами и стали искать свободнаго мѣста... Мы поднялись и вышли.

«Посмотри... что это такое?» сказалъ я Антону, когда мы подѣхали на уголъ Малаго проспекта.

«Вѣроятно, не пускаютъ», сказалъ онъ, сходя съ извозчика.

У «Испаніи» собралась толпа человѣкъ въ десять. Большинство были студенты и двое какихъ-то статскихъ. Одинъ представительный молодой человѣкъ въ котелкѣ и короткомъ пальто, другой небольшого роста въ цилиндрѣ. Они о чемъ-то оживленно разговаривали.

Представительный господинъ, размахивая руками, доказывалъ что-то одному изъ студентовъ.

«Въ чемъ дѣло?» сказалъ я подходя.

«Да вотъ заперли дверь... сволочь», сказалъ гражданскій студентъ съ бѣлокурыми усами.

«Много публики набралось. Дѣвицы боятся невинность потерять», сказалъ, засмѣявшись, небольшого роста университетантъ, топчась ногами отъ холоду.

«Что-жъ теперь дѣлать?» сказалъ кто-то. «Стоять-то не больно тепло, ребята».

«Господа», обратился представительный статскій, возвышая голосъ. По-моему это безобразіе... Это произволь. Мы выломаемъ дверь, если насъ добровольно не пустятъ.

«Вѣрно... Выломаемъ... Чортъ ихъ бери, если не выпускаютъ!.. Ломай!..» закричали нѣсколько чловѣкъ.

Представительный статскій первый подскочилъ къ двери и, схватившись обѣими руками за ручку, сталъ ее сильно дергать. Ему помогали нѣсколько чловѣкъ. Другіе стояли толпою и безпорядочно толкались смѣясь. Дверь дрожала, но не подавалась.

«Ишь ты, какъ старается мой Поль», сказалъ, подходя ко мнѣ и улыбаясь, какой-то небольшой студентъ.

«Какой Поль?» спросилъ я.

«Давотъ... статскій... высокій... Это мужъ моей сестры... Каналья пріѣхалъ изъ Тамбова освѣжиться», сказалъ студентъ, смѣясь и обдавая меня виннымъ запахомъ. Онъ былъ немножко навеселѣ.

«Господа!» закричалъ кто-то, «здѣсь ничего не вый-

детъ. Не выломать; идемъ чернымъ ходомъ... Тамъ двери слабѣе».

Всѣ, толкаясь и наступая другъ на друга, побѣжали въ ворота. Тамъ повторилось то же. Опять дверь оказалась запертою, опять представительный молодой человѣкъ сталъ впереди всѣхъ ломиться въ нее, но на этотъ разъ онъ не рвалъ къ себѣ, а упирался изо всѣхъ силъ въ нее. Ему помогали всей толпою, толкая сзади. Потомъ стали бить въ дверь кулаками, дровами и чѣмъ попало. Кто-то извнутри сбѣжалъ по лѣстницѣ и вступилъ въ переговоры со статскимъ.

«Три рубля получишь, каналья. Мало тебѣ что ли?» спрашивалъ грозно Поль, стуча кулакомъ въ дверь. «Что?—о? мало?.. со всѣхъ»...

«Пойдемъ въ «Италію», сказалъ подходя ко мнѣ Гусевъ, «тамъ насъ пустятъ втроемъ... Меня швейцаръ знаетъ».

Мы вышли. Дѣйствительно, швейцаръ, заглянувъ въ дверцы на стукъ, увидалъ Гусева и отворилъ дверь.

«Ну что, дѣвицы встали?» сказалъ торжественно Гусевъ, складывая на руки швейцара пальто.

«Пожалуйте-съ...» сказалъ онъ кланаясь и снимая обшитую галуномъ фуражку.

Мы пошли вверхъ по покрытой ковромъ лѣстницѣ.

XV.

Было, очевидно, еще рано, потому что въ залѣ было пустынно и сидѣли только двѣ дѣвицы и одинъ рыжій

немолодой офицеръ съ голубыми глазами. Дѣвицы обѣ читали книги и, когда мы вошли, подняли на мгновеніе на насъ безучастный и равнодушный взглядъ своихъ подведенныхъ глазъ и потомъ снова погрузились въ чтеніе. «Чтожъ, это вполне въ порядкѣ вещей, что вы сюда пришли... Только это намъ не интересно», сказалъ этотъ мгновенный усталый взоръ. Офицеръ же посмотрѣлъ на насъ съ удовольствіемъ, такъ какъ ему одному видимо было скучно. Мнѣ показалось, что онъ подмигнулъ намъ, какъ бы приглашая насъ раздѣлить съ нимъ общую скуку.

Комната была большая и очень свѣтло освѣщена нѣсколькими люстрами, сіявшими стеклянными украшениями. На паркетномъ гладкомъ полу стояло нѣсколько мраморныхъ столиковъ и были разбросаны золоченые вѣнскіе стулья. Окна были задернуты плотными кисейными занавѣсами и украшены плюшевыми портъерами гранатоваго цвѣта. Въ пространствахъ между окнами помѣщались въ золоченыхъ рамахъ зеркала. На стѣнѣ висѣло нѣсколько картинокъ съ видами Италіи. Въ общемъ много было мишуры, сусального золота, яркихъ цвѣтовъ и свѣта и все это, сливаясь, производило какое-то яркое, вульгарное впечатлѣніе.

Одна дѣвица была одѣта въ розовое, отдѣланное черными кружевами шерстяное платье съ чернымъ бархатнымъ лифомъ. На ногахъ у нея были розовыя туфли, а на полной шеѣ бѣлыя стеклярусныя бусы. Ея полное, подмалеванное лицо съ большими, сѣрыми, усталыми глазами обрамляли причесанные низкою при-

ческой волосы русаго цвѣта. Другая, сильная брюнетка съ большими, увеличенными еще тушью, черными, лихорадочно блестящими глазами, сіяла блестящей отъ поддѣльныхъ брилліантовъ ниткою, раздѣлявшею проборомъ черные гладкіе волосы. На ней было зеленое платье и въ ушахъ болтавшіяся при каждомъ движеніи крупныя блестящія серьги. Дѣвицы сидѣли вяло, такъ, будто если ихъ не сдвинуть съ мѣста, то онѣ въ состояніи просидѣть здѣсь не двигаясь цѣлую вѣчность... Въ ихъ позахъ, лѣнивыхъ движеніяхъ, откормленномъ, раздобрѣвшемъ отъ жирной пищи тѣлѣ было что-то лѣнивое и усталое... Прошло нѣсколько минутъ. Онѣ молчали. Было скучно. Вошелъ гражданскій студентъ въ пенснэ и вслѣдъ за нимъ господинъ въ пиджакѣ и серебряной длинной цѣпочкѣ, должно быть какой-нибудь мелкій купчикъ или приказчикъ. Онъ остановился въ дверяхъ и, потирая руки, оглядывался вокругъ себя взоромъ непривычнаго челоуѣка.

«Что-жъ это васъ такъ мало?» спросилъ Рысь, подсаживаясь къ дѣвицѣ съ русыми волосами.

Она подняла на него глаза, но не удостоила отвѣтомъ.

«Какъ васъ зовутъ?» спросилъ я.

«Звали, да я не пошла», сказала блондинка.

«Ее Петрунелой зовутъ, а меня Дордой», сказала брюнетка.

«Вретъ она!» перебила блондинка, «ее зовутъ мышка-каратышка. А меня бери да погоняй».

Дѣвицы засмѣялись своему остроумію... Вошли еще двѣ. Одна въ лиловаго цвѣта съ такими же лентами

костюмѣ Елены Прекрасной. Сквозь разрѣзы были видны ея бедра и толстая нога въ лиловомъ ажурномъ чулкѣ. Другая, шатенка, съ вздернутымъ носомъ и выдвинутой челюстью, въ короткомъ, какъ у дѣвочки, платьѣ плиссѣ, съ лентами, вилетенными въ косу. Онѣ были сильно нарумянены и декольтированы такъ низко, что открывали на половину жирную грудь. Онѣ сѣли за столъ и стали играть въ карты.

«Ну, хвались!» сказала одна, разворачивая карты вѣеромъ.

«Пики... въ рожу тыки», сказала шатенка, очевидно думая, что это очень остроумно.

«Открывай шересь».

«По полтинѣ съ рыла».

«Послушайте, студентъ», сказала мнѣ та, которая была въ костюмѣ Елены, «угостите коньякомъ... Меня одинъ студентъ всегда угощаетъ, какъ приходитъ...»

«А какъ ихъ фамилія?» спросилъ купчикъ.

«Завтра».

Купчикъ обидчиво отвернулся... Одна изъ дѣвицъ встала и заплѣла, прищелкивая пальцами.

«Я за любовь твою-твою

Отдамъ всю жизнь мою-мою...»

«Я обожаю», подтянули ей всѣ дѣвицы...

Вошла въ комнату въ открытомъ сѣромъ платьѣ толстая мадамъ и съ видомъ заботливой хозяйки оглянула всѣхъ... Настроеніе не оживлялось... Было попрежнему скучно. Офицеръ ушелъ въ отдѣльный каби-

нетъ съ брюнеткой и дѣвицей въ костюмѣ Елены и оттуда доносился ихъ хохотъ... Приѣхалъ еще какой-то морякъ и занялъ другой номеръ... Я пошелъ отъ нечего-дѣлать по коридорчику и вошелъ въ комнату дѣвицы... Комната была маленькая. На комодѣ стояло зеркало, сушеные цвѣты, флаконы и нѣсколько фотографическихъ карточекъ. На креслахъ были разбросаны юбки и корсетъ. Пахло духами пачули и пудрой... Главное мѣсто комнаты занимала большая двухспальная кровать, покрытая синимъ одѣяломъ... На кровати лежала только что проснувшаяся, еще заспанная толстая блондинка. Я сѣлъ на кресло и сталъ заговаривать съ ней. Она отвѣчала лѣниво и точно черезъ силу.

«И вамъ не надоѣла эта жизнь?» спросилъ я.

«Что же она мнѣ будетъ надоѣдать?» сказала удивленно дѣвица... Какая моя жизнь плохая... Бмъ хорошо... сплю сколько влѣзетъ... У насъ мадамъ хорошая».

«Бѣдная вы», сказалъ я невольно, смотря на ея усталое, обрюзгшее лицо.

Она съ удивленіемъ, какъ будто не понимая моихъ словъ, взглянула на меня.

«Только чортъ бѣдный», сказала она обидчиво. «Въ ямѣ живетъ и души не имѣетъ».

Она стала одѣваться, а я пошелъ наверхъ.

Въ залѣ теперь было довольно много народа. Приѣхали два студента и какой-то пожилой статскій, съ большой шишкой на головѣ. Всѣ сидѣли и болтали съ дѣвицами. Морской офицеръ, пьяный, съ наливши-

мися глазами и рыжими заливчатскими усами, приставалъ къ мадамъ, прося ее заплетающимся голосомъ согласиться.

«Ей-Богу, мадамъ», говорилъ онъ, дотрагиваясь до ея груди пальцами. «Вы мнѣ нравитесь больше всѣхъ. Пойдемте со мной только на часикъ...»

«Выбирайте какую хотите. Вонъ сколько здѣсь барышень», говорила уклончиво мадамъ, соблюдая женскую скромность.

«Ей, студентъ! Идите сюда!» крикнула мнѣ одна дѣвочка. Вы мнѣ нравитесь. У васъ волоса бобринкомъ».

«Вамъ сколько лѣтъ?» спрашивалъ студентъ, упираясь колѣнями въ колѣни дѣвицы.

«Мнѣ пятьдесятъ пять съ кисточкой», сказала одна.

«А мнѣ шестьдесятъ съ точками».

«А вы откуда?» не унимался студентъ.

Дѣвицы встали и, обнявшись, пошли по залу.

«Она съ Бердичева», сказала, захохотавъ своему остроумію, дѣвица въ розовомъ платьѣ.

«А я съ рыжей бороды», сказала другая.

«А я съ черной деревни».

Всѣ захохотали. Смѣялись студенты, поглядывая одинъ на другого. Трясся отъ смѣха офицеръ. Улыбнулась мадамъ. У купца текли изъ глазъ слезы.

«Вотъ тебѣ и рыбка!» сказалъ кто-то.

«Пойдемъ отсюда», сказалъ я, подходя къ Антону.

«Пойдемъ... но куда? Въ «Серебрянные Тигры» развѣ?»

Въ «Серебрянныхъ Тиграхъ» было роскошнѣе и

болѣе блестяще, чѣмъ въ «Италіи». Больше было комнать и на дѣвицахъ были роскошнѣе и ярче платья. Но дѣвицы были все тѣ же, такія же жирныя отъ сладкой пищи и бездѣлья, намалеванныя, съ открытыми грудями, едва похожія на женщинъ.

«У васъ здѣсь какія дѣвочки?» спросилъ у хозяйки Рысь.

«Какія хотите. И польки, и нѣмки и венгерки... есть по всякому вкусу», сказала она.

Мы остались.

XVI.

Вьются легкія снѣжныя пушинки, то останавливаясь въ воздухѣ, то быстро падая съ сѣраго ноябрьскаго неба. Когда посмотришь наверхъ, то кажется, будто оттуда сыплются живые, трепещущіе бѣлые червяки и засыпаютъ своими тѣльцами черную холодную землю. Ихъ однообразное паденіе навѣваетъ такія же грустныя, монотонныя мысли и вызываетъ ощущеніе безпредметной мучительной скуки.

Чтобы спастись отъ этого состоянія, я убѣгаю почти каждый вечеръ къ Долгову, въ коллегію, въ Народный домъ или куда-нибудь еще, гдѣ можно какъ-нибудь убить эти долгіе тоскливые часы у себя дома. До обѣда по утрамъ, такимъ же сумеречнымъ и полутемнымъ, какъ и вечера, я лежу цѣлые часы на кровати и читаю до одури книги или смотрю въ окно на паденіе снѣга, ни о чемъ не думая, съ какимъ-то кислымъ ощущеніемъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ мнѣ приносятъ записку отъ профессора Никитина съ просьбой придти къ нимъ вечеромъ провести время. Я рѣшаю сначала не идти, но когда приходитъ вечеръ и дѣлается тяжело, я одѣваю сюртукъ и отправляюсь на Петербургскую сторону.

Никитинъ—это студентъ-юристъ послѣдняго курса. Я жилъ съ нимъ рядомъ у одной хозяйки, и когда онъ женился на курсисткѣ фельдшерницѣ и нанялъ квартиру отдѣльно, я иногда, разъ въ полгода, захожу къ нему. Это студентъ изъ категоріи занимающихся. Онъ готовится въ профессора и много думаетъ о своемъ будущемъ великомъ назначеніи. Поэтому мы, его знакомые, и зовемъ его профессоромъ. Когда я его зналъ раньше, онъ былъ очень либераленъ, причислялъ себя къ народникамъ и читалъ книжки Николая Ону. Въ послѣднее время, когда онъ женился, онъ сталъ консервативнѣе, хотя и скрываетъ это, говоря, что онъ многимъ пожертвовалъ и теперь пора ему отдохнуть. Кто-то даже пустилъ слухъ, что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ профессоръ держалъ экзамены. Гнусный слухъ—мы его сейчасъ опровергли!

Мнѣ открылъ двери самъ профессоръ своей собственной персоной и, увидавъ меня, долго трясъ мнѣ руку и нѣсколько разъ повторялъ мнѣ:

«Очень радъ, что пришли, collega!»

И, обернувшись въ сторону, крикнулъ:

«Лапа, Владиміръ Ѳедоровичъ!»

«Сейчасъ!» послышался откуда-то женскій голосъ.

Профессоръ—мужчина лѣтъ 26, средняго роста съ

вялыми чертами лица и водянистыми сѣрыми глазами. Когда я познакомился съ нимъ, онъ не носилъ бороды. Теперь же, женившись и сдѣлавшись консервативнѣй, онъ почему-то отпустилъ длинную черную бороду, можетъ быть потому, чтобы имѣть видъ ученаго мужа.

«Вы что подѣлываете?» сказалъ я ему, входя съ нимъ вмѣстѣ въ плохо убранное маленькое залo и садясь на кресло.

«Да вотъ занимаюсь все сочиненіемъ. Интересная вещь», сказалъ профессоръ, раскрывая ротъ, чтобы закурить папиросу и произнести потомъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе назидательныхъ и ученыхъ истинъ.

Тутълишьтолько я сообразилъ, какую сдѣлалъ оплошность, задавая ему этотъ вопросъ. Профессоръ писалъ ученое сочиненіе на медаль и, какъ всѣ великіе въ будущемъ люди, думалъ, что оно будетъ имѣть болѣе значеніе въ наукѣ и что говорить о немъ каждому интересно. Профессоръ былъ милый человекъ и я его очень любилъ, но онъ имѣлъ непріятный даръ тягучимъ языкомъ въ продолженіе двухъ часовъ говорить о самыхъ простыхъ вещахъ въ такой формѣ, что ничего нельзя было понять. И въ эти минуты онъ дѣлался невозможно скученъ.

«Да.. сочиненіе... отлично. Но мы коснемся этого въ другой разъ. Теперь намъ помѣшаютъ ваши гости», сказалъ я, пытаюсь увильнуть отъ того умственного наслажденія, которое мнѣ предлагалъ профессоръ.

«Нѣтъ.. отчего же.. Они пріѣдутъ еще не скоро. А вопросъ принципиальный и крайнѣ интересный»,

сказалъ профессоръ, закуривая папиросу и очевидно рѣшивъ, что если я по скромности хочу отказаться отъ наслажденія говорить о его сочиненіи, то онъ великодушно дастъ мнѣ отвѣдать сладкаго пирога его творческой мысли. Я вздохнулъ и, избравъ своимъ объектомъ ножку дивана, сталъ смотрѣть на нее, терпѣливо ожидая, когда кто-нибудь прійдетъ и избавитъ меня отъ наслажденія профессорскаго разговора.

«Дѣло въ томъ», сказалъ профессоръ, откидывая папироску и придвигаясь ко мнѣ поближе. «Дѣло въ томъ, что я задался цѣлью обосновать естественное право на совершенно новомъ базисѣ мысли. Въ новѣйшее время Гобесъ, Руссо и въ особенности метафизики, Кантъ, напимѣръ, извратили это понятіе», сказалъ строго профессоръ, дѣлая умственный выговоръ Канту. «Отчасти воззрѣніе древнихъ мнѣ кажется правильнѣе, съ методологической и психологической точки зрѣнія, какъ своеобразное толкованіе идеологій».

«Но собственно почему же?» спросилъ я, чувствуя, что путаюсь въ вязкой почвѣ послѣднихъ мудреныхъ профессорскихъ фразъ.

«Очень просто», сказалъ спокойно профессоръ, очевидно удивляясь, какъ я могу не понимать того, что такъ легко понятно его умственному горизонту. «Сведеніе всего къ постулату практическаго разума не логично. Метафизическій методъ даетъ въ примѣненіи къ наукѣ права отрицательные результаты... Это выяснено... Джонъ Стюардъ Миль, напимѣръ...» сказалъ онъ.

«Да, конечно», перебилъ его я, чувствуя, что самооб-

ладаніе мнѣ измѣняетъ и мнѣ страшно хочется заснуть подъ монотонную профессорскую рѣчь. Я посмотрѣлъ по сторонамъ, не найдется ли гдѣ-нибудь спасенія. Но спасенія не было, и я вздохнулъ печально.

«Но есть ли гдѣ-либо другой выходъ?» сказала я, чтобы что-нибудь возразить профессору.

«Безусловно», отвѣтилъ профессоръ, съ укоризной взглянувъ на меня за то, что я могу еще въ этомъ именно сомнѣваться, и торжественно подымая палецъ. «Я даю новую основу. Я понимаю естественное право, какъ идеаль, какъ регулятивный принципъ правовыхъ нормъ... это еще никѣмъ не указано. И интересно, что...»

Я почувствовалъ, что вѣки мои смыкаются и меня страшно клонить ко сну. Нѣкоторое время я еще боролся, но чувствовалъ, что подъ звуки монотоннаго профессорскаго голоса, при этомъ мягкомъ свѣтѣ лампы, я все болѣе и болѣе куда-то погружаюсь. Вдругъ зашумѣло чье-то женское платье и женскій голосъ назвалъ мое имя. Я вздрогнулъ и, открывъ вѣки, увидалъ супругу профессора, Евлампію Алексѣевну, — Лапу, какъ онъ ее нѣжно звалъ. Лапа была маленькая, худенькая женщина, съ острымъ лицомъ и длиннымъ носомъ, похожая на чибиса. Она была въ черномъ платьѣ и кофточкѣ, по курсистскому обычаю, и, мило и привѣтливо улыбаясь, протягивала мнѣ руку.

«Какъ поживаете? Садитесь. Рассказывайте мнѣ о себѣ... Я вотъ все вожусь теперь со своей анатоміей», сказала она, не спуская съ лица своей одно-

образной хозяйской улыбки и указывая мнѣ рукой кресло, на которое сѣсть. Профессоръ поморщился и лицо его выразило неудовольствіе, что его прервали въ такомъ важномъ мѣстѣ.

«А вы какъ?» спросилъ я, садясь и радуясь избавленію.

«Да вотъ практическія занятія по анатоміи и гистологіи еще», сказала она и стала рассказывать, какъ ее замучила гистологія. Профессоръ нѣкоторое время молча ждалъ, но когда Евлампія Алексѣевна пустилась что-то очень многое говорить о гистологіи, профессоръ вздохнулъ и съ видомъ человѣка, рѣшившагося, изъ важности къ вопросу, на крайность, мягко, но настойчиво перебилъ ее.

«Позволь, Лапа...» сказалъ онъ, закрывая глаза и слегка улыбаясь, какъ бы великодушно прощая разговорную смѣлость своей супруги, «постой, мой другъ», сказалъ онъ еще мягче и нѣжнѣе. «Здѣсь вопросъ поважнѣй твоей гистологіи... Мы съ Владиміръ Оедоровичемъ остановились на одной принципиальной вещи. Такъ по-вашему идеалистическій принципъ для правовой психики невозможенъ...» сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. «Есть интересный взглядъ у Бергбома».

Профессоръ откинулся назадъ и, взявъ меня за пуговицу сюртука, сталъ вялымъ голосомъ излагать то, что есть у Бергбома. Я избралъ объектомъ зрѣнія его лѣвую ногу и приготовился страдать терпѣливо. Но въ это время раздался звонокъ и въ гостиную вошелъ студентъ и двѣ барышни-курсистки. Профессоръ всталъ имъ на встрѣчу, и я получилъ свободу.

XVII.

Вечеръ къ 9 часамъ разгорѣлся и, поставленный на огонь разговоромъ, кипѣлъ тамъ и сямъ пузырями умственной интересной мысли. Гостиная стала мало-по-малу наполняться. Приѣхали два черноволосыхъ болгарина, говорившихъ ломанымъ языкомъ и называвшихъ себя членами Македонскаго комитета. Приѣхалъ коллега Смирновъ, блондинистый, невысокій малый, съ мелкими чертами лица, готовившійся остаться на кафедрѣ русскаго права, и коллега Добжайтисъ, финляндецъ, не готовившійся ни къ чему, но принимавшій большое участіе въ Славянскомъ обществѣ и помѣщавшій въ одной изъ славянскихъ газетъ статьи о Велеградѣ... Приѣхали еще нѣсколько студентовъ и курсистокъ, большей частью некрасивыхъ. Вечеръ, какъ часы, былъ заведенъ и шелъ быстрымъ тикающимъ ходомъ.

Поговоривши нѣкоторое время вмѣстѣ объ общихъ вопросахъ, общество раздѣлилось на отдѣльныя группы. Въ одной, которую составляли курсистки, подруги Евлампіи Алексѣевны, и одинъ болгаринъ, съ бронзовымъ лицомъ и большими черными глазами, выдававший себя другомъ главарей Македонскаго комитета, шелъ разговоръ о занятіяхъ медициной. Одна блондинка, курсистка, жаловалась на то, какъ много приходится заниматься въ институтѣ. Другая, тоже блондинка, но съ черными глазами, въ сѣрой кофточкѣ, говорила, что если бы ей пришлось снова столько рабо-

тать — она уже кончала — то она не перенесла бы этого и бросила учение. Болгаринъ, сидя неловко на кончикѣ стулѣ, съ застѣнчивостью и робостью, которая такъ не шла къ такому страшному члену тайной организаціи, удивлялся, открывая широко огромные черные глаза, какъ это столько можно заниматься.

«Это чалавѣкъ не можетъ-то столько заниматься-то», говорилъ онъ, улыбаясь доброю, застѣнчивою улыбкой. «Животное-то можетъ... а не чалавѣкъ-то».

Курсистка засмѣялась и стала говорить еще про многія стороны своихъ занятій. Болгаринъ, оглядываясь на другихъ, молча и удивленно пожималъ плечами.

Въ другомъ концѣ студенты сосредоточились около высокаго, въ синей косовороткѣ университетанта съ энергичнымъ и упрямымъ выраженіемъ лица. Говорили о земской дѣятельности и школахъ. Высокій университетантъ — Полкановъ — говорилъ горячо о томъ, что всѣмъ честнымъ людямъ нужно идти только въ земство или въ учителя для народа.

«Буржуи ужасные», говорилъ кто-то вздыхая.

Самый многочисленный и самый утонченный въ смыслѣ умственной высоты и образованности кружокъ собралъ вокругъ себя самъ профессоръ. Здѣсь сидѣли будущіе приватъ-доценты и тѣ, кто рекомендовалъ себя чѣмъ-либо въ области науки и готовился въ ту священную касту, которую профессоръ хотѣлъ осчастливить своимъ въ нее вступленіемъ. Кромѣ Добжайтиса и Смирнова, здѣсь сидѣли коллега Эльмеръ и Пятницкій, оба полные бѣлоку-

рые молодые люди и оба подававшие большія ученыя надежды, и коллега Хвостовскій, черноволосый брюнетъ, посвятившій себя римскому праву и теперь занимавшійся подробнымъ изученіемъ «Институцій Гая» и оставленный по кафедрѣ ботаники естественникъ Пулковъ, толстый, рыжій съ сѣрыми узкими глазами мужчина. Разговоръ шелъ не умолкая. Коллега Смирновъ и Хвостовскій спорили объ прокудьянской и сабинской школѣ.

«Школа прокудьянцевъ», говорилъ горячо Хвостовскій съ такимъ жаромъ, какъ будто рѣчь шла о спасеніи отъ неминуемой опасности чьей-то жизни. «Школа прокудьянцевъ отъ сабинской отличается не мѣстомъ, какъ это вы склонны думать, коллега», сказалъ онъ иронически Смирнову, слегка упрекая его за эту наивность въ области строгой мысли. Важнѣйшіе источники доказали другое. Я согласенъ съ теоріей о различіяхъ въ принципѣ ученья. У Гая, примѣръ, есть одно характерное мѣсто», сказалъ онъ, цитируя легко и свободно, какъ по писанному длинную цитату изъ Гая.

«Это еще вопросъ... Я сошлюсь вамъ на общее соображеніе», сказалъ упрямо Смирновъ, не уступая ни одной пяди научной почвы.

«Нѣтъ... нѣтъ... эти соображенія не примѣнимы... Я знаю ихъ... Это у Ульпіана», сказалъ Хвостовскій, какъ бы заранѣе предвидя все то, что можетъ сказать ему собесѣдникъ. «Во всѣхъ фрагментахъ есть на мое мнѣніе указаніе...»

«Но это можно, господа, примирить», сказалъ про-

фессоръ, до сего времени молчавшій и мягкой улыбкой показывая, что, хотя это не по его спеціальности, но съ высоты его умственной мысли можно равно обнять всѣ горизонты. Я думаю вотъ что», сказалъ онъ и началъ излагать вялымъ голосомъ свое примирительное мнѣніе. Его почтительно слушали.

Я сидѣлъ въ сторонѣ отъ этихъ кружковъ и разсѣянно слушалъ то, что они говорили. Евлампія Алексѣевна, замѣтивъ, что я сижу одинъ, захватила съ собой одну курсистку и изъ профессорскаго кружка коллегу Эльмера и Пятницкаго, подошла ко мнѣ и, указавъ всѣмъ намъ мѣста, завязала разговоръ о театрѣ.

«Ну что, скажите, какъ ваши занятія?» сказала она обращаясь съ милою улыбкою къ Пятницкому и подавая ему ноту разговора.

Студентъ Пятницкій, оставшійся по кафедрѣ зоологій, былъ извѣстенъ и особенно уважаемъ профессоромъ за то, что составилъ большой съ картинками атласъ всѣхъ жуковъ, какія есть на свѣтѣ. Студентъ Эльмеръ, небольшой блондинчикъ, съ длиннымъ носомъ, былъ только на второмъ курсѣ, но подавалъ уже большія надежды тѣмъ, что написалъ большое сочиненіе о «примѣчаніяхъ къ матеріаламъ для біографіи Хераклея» и получилъ за это медаль. Теперь онъ, по словамъ поощрявшаго его профессора, готовилъ еще болѣе спеціальное сочиненіе о «цезурахъ въ гекзаметрахъ» «Виргилія», но пока скрывалъ это въ тайнѣ отъ другихъ.

«Вы давно были, господа, въ театрѣ?» спросила Евлампія Алексѣевна, когда исчерпался разговоръ о

научныхъ занятіяхъ. «Говорятъ, Московскій театръ прїѣзжаетъ и будутъ давать Гауптмана «Одинокіе»... Вы пойдете?» спросила она Пятницкаго.

«Гауптманъ... «Одинокіе»... сказалъ равнодушно Пятницкій такимъ тономъ, какъ говорятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ никогда не слышали. «Нѣтъ, не пойду... я не изъ тѣхъ, кто любитъ всякую декаденщину и туманность. Къ тому же, признаться, я это не читалъ», сказалъ онъ равнодушно.

«Но «Одинокіе» можно было бы и прочесть», сказалъ я, чувствуя, что меня раздражаетъ его покровительственно-равнодушный тонъ. «Эта та же почти тема, что и въ «Одинокѣ» Мопассана.

«Мопассанъ... порнографъ», сказалъ презрительно Пятницкій, пожимая плечами и складывая губы въ насмѣшливую улыбку. «Нѣтъ... я такой грязи не читаю... сказалъ онъ самоувѣренно-спокойно, впрочемъ прочелъ что-то, да не помню.

«Но Мопассанъ... отчего же... онъ такой художникъ», поспѣшила сказать Евлампія Алексѣевна, какъ бы прося коллегу Пятницкаго быть великодушнымъ и сжалиться надъ бѣднымъ Мопассаномъ. «Онъ большой и граціозный знатокъ любви», прибавила она заступчивымъ тономъ.

«Люби... Да... но какой любви», сказалъ, презрительно Эльмеръ, «физической любви... пошлости... грязи»...

«Онъ посвятилъ свой талантъ изображенію этой любви и...» сказала молчавшая до этого времени курсистка, очевидно не вполне согласная съ мнѣніемъ студентовъ.

«Еслибъ онъ посвятилъ свой талантъ», сказалъ не слушая и перебивая ее Пятницкій, какъ человѣкъ, привыкшій только придавать значеніе своимъ мыслямъ, «еслибъ онъ посвятилъ его на изображеніе общественныхъ явленій, на общественную работу, еслибъ онъ внесъ въ свои вещи гражданскую струю,— тогда бы я назвалъ его великимъ писателемъ...»

«Но развѣ вы не отдадите мѣста любви тѣлесной, мистикѣ, эстетикѣ, преклоненію предъ физической красотой женщинъ—всему тому, что есть у Мопассана», сказалъ я, чувствуя себя окончательно раздраженнымъ его послѣдними словами, и хотя сознавалъ, что говорить и спорить съ Пятницкимъ и Эльмеромъ бесполезно, но не въ силахъ былъ удержать это раздраженіе.

«Тѣлесной любви... эстетикѣ... мистикѣ», сказалъ презрительно Пятницкій, какъ бы рѣшившійся наконецъ показать мнѣ всю глупость моихъ мнѣній. «Да скажите еще: религіи, философіи Ницше, туманностей Бодлэра и всякихъ вещей по ту сторону добра. Да ужъ доканчивайте все къ одному» — сказалъ онъ быстро, не позволяя мнѣ возразить что-либо и какъ бы прося добить все общество своимъ необычайнымъ мнѣніемъ. «А по-моему — сказалъ онъ быстро. Въ любви нужно сдерживаться, коллега. Человѣкъ долженъ налагать на себя крѣпкую узду. Онъ прежде всего гражданинъ, членъ общества... и долженъ подчиняться требованіямъ общественной этики».

«Я понимаю, когда говорятъ о любви къ людямъ, къ дѣтямъ, женѣ... наконецъ къ дѣвушкѣ, которая

стапетъ невѣстой...» сказалъ Эльмеръ. «Я говорю о духовной любви.. но не о влеченіи... не о пошло-стяхъ»...

«Развѣ вы не любили... не были влюблены въ наружность никогда?» сказала Евлампія Алексѣевна полу-шутя, пытаясь свести на шутку начинавшій быть рѣзкимъ разговоръ.

«Влюбленъ», сказалъ насмѣшливо Пятницкій, какъ бы удивляясь, какъ могутъ говорить люди о такихъ пустякахъ. «Да, былъ и есть влюбленъ... въ науку», сказалъ онъ, улыбаясь. «А я этихъ всякихъ влюбленностей и пошлыхъ воздыханій съ луной совѣмъ и не признаю и не понимаю...» сказалъ онъ. «И слава Богу.

«Не знаю тогда, чѣмъ вы отличаетесь отъ живого пергамента?» сказалъ я.

«Чѣмъ?» сказалъ Пятницкій, вспыхнувъ. «Чѣмъ? тѣмъ, что... а вотъ вы, коллега...» сказалъ онъ, пугаясь и не находя словъ.

«Но, господа, бросимте это... Какъ ваши дѣла. Какъ ваше прелестное сочиненіе?» сказала Евлампія Алексѣевна, обращаясь къ Эльмеру, чтобы затушевать непріятный разговоръ. «Да ужъ пора чай... да, поидемте, господа. Да, успѣемъ наговориться тамъ», сказала она, вставая и прекращая этимъ дальнѣйшую бесѣду.

Всѣ встали и, толпясь, направились въ столовую. За чаемъ опять поднялся споръ. Опять профессоръ тягучимъ голосомъ, дѣлая непонятной самую простую мысль, говорилъ о томъ, что метафизики

ошиблись и нужно понимать естественное право какъ правило идеала. Опять съ его губъ стали слетать ученые имена, какъ воробьи съ хлѣба. Коллега Смирновъ снова возражалъ ему и обнаружилъ колоссальную начитанность въ древнѣйшихъ источникахъ по исторіи русскаго права. Профессоръ энергично бралъ какое-нибудь положеніе науки, но коллега Смирновъ, Добжайтись и другіе приватъ-доценты снова отбивали и сбрасывали профессора.

Въ противоположномъ концѣ стола велся философскій споръ. Коллега Ивановъ, черноволосый, смуглый медикъ, говорилъ о томъ, что мысль есть движеніе атомовъ и утверждалъ, что душа не бессмертна и въ доказательство привелъ примѣръ, что если у человѣка вырѣзать часть мозга, онъ утратитъ нѣкоторыя умственные способности. Коллега Пятницкій называлъ кого-то безплотными декадентами. Курсистки спорили объ анатомическихъ занятіяхъ. «Буржуи... Ретрограды», опять говорилъ кто-то, вздыхая.

У меня разболѣлась голова отъ всѣхъ этихъ разговоровъ; я почувствовалъ, что я здѣсь лишній, и, извинившись предъ хозяевами, поѣхалъ домой.

XVIII.

Когда я поднялся къ себѣ и, позвонивъ, ждалъ, пока мнѣ откроютъ, я неожиданно вспомнилъ, что хозяйка предупреждала сегодня меня, что до двѣнадцати часовъ дома не будетъ. Постоявъ немного пе-

редъ дверью въ нерѣшительности, что же мнѣ дѣлать, я вспомнилъ, что далъ слово своему товарищу Андрею Бецкому зайти къ нему на этихъ дняхъ. Я взглянулъ на часы. Хотя было уже поздно, но лучшаго я не могъ придумать, гдѣ бы провести мнѣ это время до возвращенія хозяйки, и спустился внизъ.

Если выйти изъ моего дома и пройти нѣсколько шаговъ по направленію къ Гороховой, то третьимъ будетъ домъ, гдѣ живетъ Бецкій. Это пятиэтажное, грязно-желтое зданіе, унылое и скучное, съ десятками маленькихъ тусклыхъ оконъ, смотрящихъ непривѣтливо на улицу. Поднявшись по узкой грязной лѣстницѣ со двора на пятый этажъ, остановившись передъ маленькой, обитой клеенкой дверью, на которой прибита карточка съ выпуклыми буквами: «Баркова, акушерка, sage-femme». Если вы позвоните, то вамъ откроитъ одна изъ дочерей, некрасивая, анемичная старая дѣва и на вашъ вопросъ, дома ли Бецкій, пробурчить что-то непонятное со злымъ и обиженнымъ лицомъ, какъ будто отъ васъ исходитъ эта обида, такъ что вамъ приходится самому пройти по темному, пахнущему кухнею коридорчику и искать дверь въ полутемнотѣ. На вашъ стукъ вамъ непременно отвѣтитъ голосъ: «войдите», потому что ея хозяинъ, студентъ-путеецъ Бецкій, почти всегда дома.

Это еще совсѣмъ молодой человѣкъ, безусый и безбородый, съ большими вдумчивыми глазами и застѣнчивыми тихими манерами. Я познакомился съ нимъ въ прошломъ году, когда жилъ съ нимъ по сосѣдству на одной квартирѣ, и меня всегда удивляло

трудолюбіе и настойчивость въ занятіяхъ этого человека и правилось въ немъ то, что онъ былъ такой скромный, умный и хорошій.

Онъ говорилъ, что въ этомъ году ему приходится заниматься еще больше, чѣмъ въ прошломъ, но и тогда онъ цѣлый день бывалъ занятъ. Онъ вставалъ рано утромъ, въ 7—8 часовъ, и, пробѣжавъ наскоро газету, сейчасъ же садился за чертежи и книги. Не вставая онъ сидѣлъ до двухъ, потомъ уходилъ часовъ до 6-ти въ институтъ и дома опять занимался до поздней ночи. Въ его занятіяхъ я не видалъ ни праздника, ни будень и даже на Пасху и весною, при нѣжащихъ ласковыхъ лучахъ солнца, когда кругомъ все возрождалось и зеленѣло и я, бывало, не въ силахъ заниматься, уѣзжалъ на нѣсколько часовъ на острова, онъ сидѣлъ еще больше и упрямѣе занимался, отгоняя всякое желаніе подышать весною; потому что это было самое горячее экзаменаціонное время.

Теперь, когда я вошелъ къ нему, онъ лежалъ на постели устремля взоръ на потолокъ и заложивъ за голову свои небольшія полныя руки. Онъ о чемъ-то видимо думалъ.

«Ну что, я вамъ номѣшалъ?» сказалъ я, садясь и оглядывая его быстрымъ взглядомъ; я не видалъ его съ мѣсяцъ, и мнѣ показалось, что онъ сильно изменился.

«О нѣтъ... я очень радъ... я отдыхалъ», сказалъ онъ, подавая мнѣ руку и спуская ноги съ кровати. «Думалъ о всякихъ всячинахъ отъ скуки».

«Я къ вамъ собственно случайно», сказалъ я, объясняя, какъ я къ нему попалъ, но онъ меня, видимо, не слушалъ. Устремивъ куда-то вдаль свои прекрасные каріе глаза, онъ думалъ о какомъ-то своемъ независимомъ отъ моихъ словъ внутреннемъ ходѣ мыслей. Онъ очнулся, когда я кончилъ говорить, и, кивнувъ головой, промолвилъ: «да... да», но онъ сказалъ это машинально и опять задумался. Наступило молчаніе; прошло нѣсколько минутъ.

«Вы знаете, о чемъ я думалъ?» сказалъ онъ вдругъ, словно окончивъ ходъ своихъ мыслей и придя къ какому-то ясному выводу. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально-вопросительно. «Вы знаете, я думалъ о томъ, какъ ненормально устроена наша жизнь. Да, ненормально», сказалъ онъ вставая и какъ бы приглашая меня не возражать. Одни ничего не дѣлаютъ, скучаютъ и ходятъ отъ бездѣлья на Невскій, пріискивая себѣ, чѣмъ убить время, другіе, какъ я, сидятъ десять часовъ и все еще не успѣваютъ сдѣлать... Эх-хе... еслибъ вы знали, какъ мнѣ надоѣла эта жизнь...» вздохнулъ онъ глубоко.

«Ну вамъ еще не такъ плохо живется. Вы любите свою науку, живете тихо, не нуждаетесь; чего еще вамъ?» сказалъ я.

«Живете тихо...» перебилъ онъ меня раздраженно. «Вотъ это-то и плохо. Живу прямо какъ въ тюрьмѣ. * Кругомъ меня бьется жизнь, люди борются, кипятъ, а мы всѣ, занимающіеся студенты, точно схимники, похоронены внѣ жизни... Подумайте, я учусь уже 12 лѣтъ и на 13-мъ году, имѣя 22 года, работаю

по 10 часовъ въ сутки... Да на что мнѣ потомъ жить, когда я сейчасъ молодъ и хочу жить какъ человѣкъ, а не какъ машина.

Онъ взволновался и сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Видимо его прорвало.

«Да, глупое наше положеніе...» вздохнулъ я.

«Нѣтъ, серьезно, вотъ вы шутите можетъ быть, а если подумать серьезно, что можетъ быть ужаснѣе тѣхъ условій, въ которыхъ мы живемъ. Лишены физическаго труда (онъ протянулъ руку и согнулъ одинъ палецъ, какъ бы отсчитывая по порядку условія). Ужъ это одно ужасно и должно бы, казалось, обратить на себя общее вниманіе. Лучшее время весны и начало лѣта зубримъ до одурѣнія. Живемъ на какіе-то гроши 30—40 рублей и лишены любви женщинъ».

«Ну, этого-то не лишены, положимъ», сказалъ я, засмѣявшись.

«Нѣтъ, лишены!» почти воскликнулъ онъ, остановившись передо мною. Губы его проницески сжались и глаза сіяли горячимъ блескомъ. «Вы не дѣлайте изъ этого пошлости, а взгляните прямо. Мы всѣ молоды, здоровы. Влеченіе къ женщинѣ, я думаю, вы согласитесь-законная вещь и имѣетъ право на осуществленіе. А у насъ альтернатива: или бѣгай на Невскій и дѣлай гадость, или воздерживайся, мучайся, убивай свое тѣло 10-ти-часовой работой... а мысли все равно будутъ грязныя... Или сойтись, какъ естественно въ наши годы, съ чистой дѣвушкой по любви и влеченію... А дѣти... что съ ними будешь дѣлать на

30 рублей? Значить, бросить дѣвушку и своихъ дѣтей на произволъ судьбы, какъ дѣлають герои въ романахъ... Куда ни кинь, вездѣ клинъ и либо подлость, либо гадость и неестественность. Все одинаково скверно».

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы приглашая меня отвѣтить на эти вопросы.

«Да, конечно, ничего нѣтъ кромѣ неестественности», сказалъ я. «Но чтожъ дѣлать?» не нами создано.

«Не нами, а мы за это платимъ», сказалъ онъ.

Онъ сѣлъ на стулъ и, заложивъ одну ногу на другую, тихо зашѣлъ, пристукивая ногою:

«Тара-ра-бумбія»...
Сижу на тумбѣ я
И горько плачу я».

Огонь оживленія въ его глазахъ погасъ и смѣнился равнодушіемъ.

«Да ужъ лучше такъ всетаки жить, какъ вы, чѣмъ какъ живутъ... вы ихъ знаете... мои пріатели Орловъ и Антонъ Гусевъ и другіе...

«Не знаю», сказалъ онъ задумчиво. «Но я не виню такихъ въ этой жизни, въ кутежахъ въ Альказарѣ и такъ далѣе. Мы развратничаемъ, пьянствуемъ, скандалимъ. Но это наказаніе обществу за то, что оно поставило насъ въ такія ужасныя условія, въ которыхъ живемъ мы, студенты. Мы кричимъ этими пороками, что мы не хотимъ такъ жить, что мы хотимъ по другой лучшей, человѣческой жизни. Но намъ отказываютъ въ любви, въ дѣятельности, въ

полевомъ трудѣ, чѣмъ обладаютъ и животныя. Ну, такъ тѣмъ хуже для общества. Мы, его сыны, его лучшія силы, мы мстимъ ему за этотъ отказъ... и будемъ мстить всегда, пока это ужасное состояніе не прекратится. Тѣмъ для него хуже», сказалъ онъ опять съ оживленіемъ и страстностью. Я молчалъ.

«Когда я смотрю на нашу общую жизнь, которую ведемъ Антонъ, я, Рысь и тысяча другихъ, мнѣ дѣлается противно», сказалъ я, — «когда же я думаю о той жизни, которой живутъ немногіе студенты, какъ вы, и на жизнь нашихъ молодыхъ безбрачныхъ несчастныхъ дѣвушекъ, мнѣ становится всегда и жалко, и обидно и страшно. Я готовъ тогда проклясть всю фарисейскую мораль нашего общества... Бѣдныя дѣвушки!.. сколько тайныхъ, стыдливо скрывааемыхъ отъ постороннихъ взглядовъ мученій приходится отъ этого неестественнаго мучительнаго аскетизма... на который онѣ нехотя обречены наши глупыми, пошлыми предразсудками.

«Какими?» спросилъ онъ меня, взглянувъ внимательно своими темными глазами.

«Очень многими, цѣлой сѣтью», сказалъ я. «И ото всѣхъ давно пора отрѣшиться. Прежде всего нужно перестать смотрѣть какъ на какой-то постыдный ужасъ на связь между дѣвушкой и мужчиной въ всякихъ человѣческихъ установленій, называемыхъ юридическими браками, церковными или гражданскими безразлично... Каждая дѣвушка, если чувствуетъ влеченіе, пусть свободно, не страшась, отдается тому, кого она полюбитъ... И для нея это не должно быть

какимъ-то паденьемъ (какое глупое слово!)... а для него чѣмъ-то въ родѣ обольщенія.

«А послѣдствія?» тихо шепнулъ Бецкій.

«Послѣдствія... чтожъ?.. вѣдь это радость... Только нужно, чтобы готовящаяся быть матерью дѣвушка не жила ни на счетъ его, ни на счетъ своихъ родителей, и не умирала бы съ голода, если она живетъ своимъ трудомъ... Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не долженъ жить на счетъ другого... это обидно для достоинства человѣка. Всякій, и эта будущая, неспособная къ труду мать, должны жить на счетъ людей всего міра».

«Ну, хорошо... а ребенокъ?... Что съ нимъ - то дѣлать?.. Вѣдь прокормить-то его нужно... А откуда же взять денегъ на это, когда и самой-то часто прожить трудно»... Глаза Бецкаго смотрѣли лихорадочно на меня, ожидая отвѣта. Видимо, разговоръ этотъ его очень волновалъ.

«Ребенокъ... что-жъ? Тоже самое... Онъ тоже, конечно, долженъ жить на общественный счетъ, какъ и всѣ люди... Тогда онъ не будетъ обузой матери и прекратятся тѣ драмы, когда дѣвушки убиваютъ только что рожденных дѣтей, какъ у простого народа».

«Все это чудесно и вѣрно, но это... иллюзіи», сказалъ тихо Бецкій.

«Быть можетъ», сказалъ я пожавъ плечами... «Но по моему необходимо поскорѣе стремиться къ такому строю, при которомъ все то, что я говорилъ, будетъ. А до тѣхъ поръ, хотя на видъ все у насъ, у молодежи, идетъ шаловливо, весело и прелестно и

глупые люди могут такъ думать, но мы-то, молодежь, отлично знаемъ, что это одинъ обманъ и фальшь... До тѣхъ поръ, пока этотъ строй не наступитъ, наша жизнь, молодежи, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ только сплетеніемъ мукъ аскетизма, разврата и грязныхъ болѣзней».

Онъ ничего не отвѣтилъ. Мы сидѣли и молчали и каждый думалъ о чемъ-то о своемъ... Потомъ онъ вдругъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

«Ахъ, тощица смертная! сказалъ онъ, потягиваясь руками, и прибавилъ.

«Ну, однако идите домой... Мнѣ еще нужно сегодня окончить чертежъ».

XIX.

На слѣдующій день я проснулся съ какимъ-то особымъ томительнымъ, неизъяснимымъ ощущеніемъ, которое я хорошо знаю въ себѣ. Оно бываетъ со мной довольно рѣдко, сразу является и такъ же сразу исчезаетъ, но всегда навѣваетъ на меня тяжелое настроеніе.

Случалось ли вамъ когда-нибудь цѣлый день испытывать не уходящее ощущеніе безпричинной грусти и неудовлетворенности, когда что-то неопредѣленно томить душу и всѣ вещи и все вокругъ тебя кажется чѣмъ-то «не тѣмъ», ненужнымъ, непріятнымъ, когда мысль обращается внутри себя и разсматриваетъ всю твою жизнь и въ будущемъ и въ далекомъ прошломъ и вездѣ находитъ ничтожество и

бѣдность и самъ себѣ становисься противень и видишь, что у тебя въ жизни нѣтъ никакой цѣли и значенія, и ни за что не хочется браться, не хочется работать, ни думать и на всѣ попытки что-нибудь дѣлать задаешь вопросы: зачѣмъ?.. къ чему все это?.. не стоитъ... Хочется найти и понять что-то главное, основное, дающее смыслъ остальному, а пока хочется только лежать на постели и ничего не дѣлать, а только неопредѣленно думать... Это дни самоугрызенія, исканія и душевной тоски.

Я почувствовалъ сегодня, еще лежа въ постели, что сегодня именно такой именно несчастный день. На дворѣ было сыро и туманно и шелъ мелкій пetersбургскій дождь, какъ разъ подѣ-стать моему настроенію. Я одѣлся и сталъ смотрѣть въ окно, какъ работали на дворѣ дворники, въ однѣхъ рубашкахъ и бѣлыхъ фартукахъ, бросая куда-то дрова, такіе веселые, оживленные, навѣрно счастливые, и мнѣ стало завидно имъ и ихъ радостному счастью и обидно почему-то за себя. Я взялъ «Финансовое право» и попробовалъ читать главу о подоходномъ налогѣ, и сейчасъ же отбросилъ книгу. «Къ чему?.. зачѣмъ учить это?.. зачѣмъ ты дѣлаешь все, что дѣлалъ до сихъ поръ!» сказалъ мнѣ какой-то внутренній, заглушавшій всѣ остальные мысли господствующій голосъ, «подожди... Выясни сперва единственно важный для тебя вопросъ, каковы смыслъ и цѣль твоей жизни и ученія. Нужны ли тебѣ это право и весь университетъ и все то, къ чему ты стремишься?..»

Я легъ на постель и, заложивъ руки за голову и

смотря на потолокъ, сталъ думать объ университетѣ и своей теперешней жизни и копался безпощадно въ своемъ внутреннемъ «я». Все мнѣ представлялось ничтожнымъ и ненужнымъ, и вся моя жизнь и дѣла и самъ я были мнѣ нестерпимо противны...

Я вышелъ изъ дому, чтобы отдѣлаться отъ этого настроенія, и пошелъ въ столовую обѣдать. Я сѣлъ за отдѣльнымъ столомъ и сталъ смотрѣть на толпу студентовъ, на прислуживавшихъ мальчиковъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и на то, какъ они сидѣли, ѣли и говорили. Она была все та же, эта толпа, такая же какъ всегда жизнерадостная, кричащая, самодовольная и радостная своей жизнью и такая же противная мнѣ, какъ всегда. Мнѣ былъ тяжелъ этотъ шумъ, который она подымала, эти извѣстныя до тошноты, опротивѣвшія большія, низкія комнаты, полныя кухонныхъ паровъ, липкаго воздуха, садившагося на руки, и жары. Тотъ же крикъ, такъ же ждали, бѣгали синія тужурки, сюртуки и рубашки, волнуясь, болтая, смѣясь и сливаясь въ одно ощущеніе кричащаго, пестраго цѣлаго, давившее меня.

Около меня сѣли два какихъ-то полныхъ студента, съ бритыми веселыми лицами и одинъ изъ нихъ рассказывалъ другому, какъ выгодно служить въ канцеляріи военнаго министерства и что онъ думаетъ непременно туда пристроиться. Потомъ они ушли и вмѣсто нихъ пришло двое другихъ, въ рубашкахъ изъ-подъ тужурокъ, съ длинными снурками, болтавшимися при ходьбѣ, съ неподвижными, какъ маски,

лицами и стали говорить объ лекціяхъ, о занятіяхъ въ лабораторіи.

«Я сегодня кончилъ бабочкины крылья», говорилъ одинъ, закуривая папиросу, завтра думаю заняться недѣли на три строеніемъ лягушки».

«Это, братъ, дѣло», говорилъ другой одобрительно.

Я всталъ и прошелъ мимо столовъ, гдѣ играли въ шахматы и пили пиво, и вездѣ я слышалъ тѣ же разговоры о лекціяхъ, разныхъ будничныхъ событіяхъ, пикантныхъ случаяхъ и видѣлъ тѣ самыя довольныя, увѣренныя въ себѣ лица, такъ противорѣчащія моему теперешнему томительному настроенію сомнѣнія.

Я пришелъ домой и, бросившись на постель, не то чтобъ заснулъ, а прямо забылся отъ неизъяснимой усталости. Мнѣ казалось, что я спалъ одно мгновеніе и что я лечу куда-то внизъ головой со страшною скоростью. Я ударился головой о что-то и проснулся отъ этого, какъ отъ электрическаго тока. Нѣсколько времени я лежалъ неподвижно, смотря на тѣмъ широко открытыми глазами и не слыша вокругъ себя ни одного звука. Я не могъ отдать себѣ отчета, гдѣ я и что со мной, продолженіе ли это сна или что?.. Я попробовалъ подняться и вдругъ на меня нашелъ таинственный, неизъяснимый ужасъ передъ чѣмъ-то безконечнымъ, огромнымъ, невѣдомымъ и чернымъ и мнѣ показалось ясно-ясно, что вотъ я сейчасъ, сію минуту умру и что, быть можетъ, я уже умираю и мнѣ почудилось, что я слабѣю и теряю сознаніе. Что-то слегка, еле-слышно, заше-

велилось въ комнатѣ около окна и повѣяло на меня чуть слышно крыльями... легкими, нѣжными какъ темный пухъ...

Что это?

Полный ужаса я вскочилъ съ постели и сталъ смотрѣть кругомъ, ища кое-что... У меня билось страшно сердце... Вдругъ рѣзкій, звучный, словно ворвавшаяся жизнь, звонокъ огласилъ тишину и заставилъ меня сразу очнуться... и спугнулъ, какъ дымъ, все настроеніе. Мнѣ стало стыдно своего страха. «Какъ глупо», подумалъ я, краснѣя за себя, и пошелъ отворять дверь.

«А, это вы?» сказалъ я весело, увидавъ, кто стоялъ у двери на лѣстницѣ.

«Мы.. мы, а что?» сказали, входя, Долговъ и Мигоринъ.

«Ничего; какъ я вамъ радъ», сказалъ я невольно, вводя ихъ въ комнату.

Съ Мигоринымъ познакомился я только въ университетѣ, но вопреки тому факту, что сходишься обыкновенно съ людьми только въ отроческое время, я какъ-то быстро привязался къ нему и сошелся съ нимъ—должно быть потому, что у насъ хотя разные взгляды на вещи, но одинаковыя души. Это средняго роста саввиничный красивый студентъ съ прекрасными курчавыми волосами. Несмотря, казалось бы, на всѣ данныя для счастья, обеспеченность, успѣхъ у женщинъ и здоровье, онъ по существу глубоко несчастный неуравновѣшенный человѣкъ. Онъ весь полонъ рефлексовъ, сомнѣній и душевнаго самоистяза-

нія. Мнѣ нравится въ немъ особенно та черта, что онъ стоитъ выше всякихъ условныхъ взглядовъ и не лжетъ въ томъ гадкомъ, что иногда совершаетъ.

«А мы, вотъ, болтались... И ничего умнѣе не придумали какъ зайти къ вамъ», сказалъ онъ мнѣ, ложась по своей привычкѣ на диванъ съ ногами и закуривая папирску, «хотите, поѣдемъ въ театръ».

«Нѣтъ, не хочу», сказалъ я «Да и вы лучше не поѣзжайте. Оставляйтесь у меня, попьемъ чаю и поболтаемъ... Вы такой у меня рѣдкій гость».

«Ну, ладно», сказалъ онъ, облачиваясь на руку. «Только зажгите печку. А то холодно».

Я позвалъ Машу и велѣлъ зажечь печку и не зажигать лампы. Было темно и поэтично. Мы лежали молча и смотрѣли, какъ красиво горѣли въ печкѣ дрова и какъ прыгали по полу и по стѣнѣ огненные отраженія.. Самоваръ шипѣлъ и трещалъ на столѣ. Мигоринъ курилъ папирски, и онѣ казались во тьмѣ огненными глазами. Было тихо, мирно и поэтично, и эта тишина, темнота и прихотливая игра огня навѣвали на душу особенное кроткое, спокойное настроеніе и полное нѣжныхъ и грустныхъ мечтаній о чемъ-то невозвратно ушедшемъ. Мысль улетала куда-то далеко, хотѣлось мечтать, грезить о чемъ-то безконечномъ и прекрасномъ и излить кому-нибудь свою душу, свои сомнѣнія и почему-то было кротко-грустно. Никому, видимо, не хотѣлось нарушать это настроеніе. Каждый думалъ о чемъ-то о своемъ. Мы молчали.

«Случалось ли вамъ», сказалъ вдругъ Мигоринъ, прерывая молчаніе и облачивая голову на руки, «слу-

чалось ли вамъ, господа, въ такія тихія минуты, какъ теперь, думать о прошломъ, о дѣтствѣ. Не знаю, какъ на васъ, но на меня эти вечера всегда навѣваютъ особое настроеніе; я вспоминаю о прошлой жизни, о гимназій, о дѣтствѣ, о томъ, что было самаго прекраснаго въ нихъ.. Я вспоминаю себя ребенкомъ, свои шалости, радости, лицъ, меня окружавшихъ, и даже тѣ мѣста, гдѣ я жилъ... Я сравниваю съ этимъ временемъ себя теперь и тогда мнѣ дѣлается грустно—грустно до слезъ... Богъ знаетъ, отчего это?»

Онъ затихъ и сталъ смотрѣть своими большими прекрасными глазами на горѣвшія дрова въ печкѣ. Они бросали отблески на его красивое лицо и оттого оно казалось нѣжнѣе и лучше. Онъ задумался.

«Я испытываю это часто» сказалъ Долговъ. «Это оттого, что лучшее время жизни у насъ прошло. Не знаю, какъ у васъ», сказалъ онъ, помолчавъ, «но у меня нѣтъ теперь иного отношенія къ жизни, кромѣ механическаго ощущенія, что вотъ движешься какъ-то по инерціи, что-то съ тобою дѣлается... А зачѣмъ... для чего, самъ не знаешь. Такъ, какъ будто урокъ какой-то отрабатываешь и главное скучный урокъ. «Я думалъ какъ-то недавно объ этомъ» сказалъ онъ вставая и закуривая папироску, «право, я не помню, когда за послѣдніе 3—4 года у меня были дѣйствительно счастливыя минуты... Я часто смѣюсь, хожу къ женщинамъ, кучу... но развѣ это счастье?» сказалъ онъ и голосъ его какъ-то странно задрожалъ въ этой темнотѣ, какъ будто онъ былъ взволнованъ.

Онъ сѣлъ на кресло и, вытянувъ свои ноги, сталъ

смотрѣть на игру отблесковъ на полу своими большими глазами. Какъ будто высказавъ то, что мучило его, онъ погрузился въ теченіе своихъ собственныхъ мыслей. Его лицо было грустно и задумчиво и даже подернуто какой-то неизъяснимой насмѣшкой, какъ будто онъ смѣялся надъ своимъ горемъ. Его настроеніе сообщилося и мнѣ.

«Знаете, кому я ужасно завидую!» сказалъ Мигоринъ, подпирая подъ себя подушку, «нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Какъ это у нихъ все было просто и ясно определено... Университетъ, служба, женитьба. А мы вотъ потеряли вѣру во все. Мнѣ 24 года, и я чрезъ полгода долженъ кончить университетъ. А что я... знаю я, куда я пойду... что мнѣ дѣлать... Знаешь только то, что за что ни возьмешься, все гадость... Пелены уже нѣтъ на глазахъ, какъ у юнкеровъ, и видишь, что такое окружающее... Служба судебная, административная... вѣдь не можешь не видѣть, что все это ужасъ. И...» сказалъ онъ горячо и оживленно, остановившись на мгновеніе, «и знаешь вмѣстѣ съ тѣмъ, что пойдешь куда-нибудь служить. Вотъ что ужасно!» воскликнулъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ.

«Голубчикъ, какъ вы хорошо выразились!» сказалъ я невольно, вскакивая съ постели и сядя у него въ ногахъ.—Онъ нѣжно и слегка насмѣшливо посмотрѣлъ на меня, какъ бы удивляясь моею горячностью.—«Да, вотъ именно ужасно... Это противорѣчіе между сознаніемъ и жизнью», продолжалъ я, хватая его за руку... «Боже мой, какіе мы несчастные люди, все воспитаніе, всѣ условія давили намъ нашу волю и

личность и развивали мозгъ... Мы анализирующіе трупы... Знаешь, что настоящая жизнь ужасна, а будущая еще хуже и нѣтъ изъ нея выхода... Долговъ, вы въ какое вѣдомство, судебное или финансовъ?» спросилъ я съ насмѣшкой въ голосѣ.

+ «Кого-то спросили, хочетъ онъ быть повѣшеннымъ или разстрѣленнымъ, а онъ отвѣтилъ: я хочу сладкихъ яблокъ... Такъ и я», сказалъ Долговъ. «Я хочу счастья и настоящей жизни... а вы спрашиваете, въ какую петлю полѣзть? Не все ли равно?

Онъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ нами.

«Думали ли вы, господа, когда-нибудь о своемъ будущемъ?» сказалъ онъ важно, почти торжественно. Я себя представляю до боли ясно картину своего будущего... Представимъ меня лѣтъ чрезъ 20... Ну, чѣмъ я могу быть въ то время. Возьмемъ самое лучшее... Директоромъ какого-нибудь департамента», сказалъ онъ съ кроткой насмѣшливостью въ голосѣ. «Ну-съ...» онъ остановился, разставивъ широко ноги. «У меня великолѣпная квартира, комнатъ эдакъ въ 15, отличная мебель... кабинетъ, одна фантазія по роскоши... Ну... жена... дѣти... лакей, чистое бѣлье... лошади за 175 руб. въ мѣсяцъ... Все *comme il faut*. Утромъ на службѣ... вечеромъ абонементъ въ оперѣ... знакомые все важные люди... Шикъ и блескъ!.. О мерзость!» воскликнулъ онъ вдругъ, перемѣняя тонъ. «Боже мой!.. неужели это то, къ чему направлялась вся моя жизнь со всеѣми ея заботами, исканіемъ, кипучими порывами? И въ одинъ какой-нибудь мигъ смерть

на этой великолѣпной постели, а потомъ въ газетѣ появится объявленіе большими буквами: жена и дѣти съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ... Неужели это будетъ, голубчикъ?» сказалъ онъ страстно, хватая меня за руки. «Скажите, это нѣтъ. Ну скажите!»

«А я», сказалъ Мигоринъ, «черезъ 20 лѣтъ знаменитый присяжный повѣренный. Приѣмъ отъ 10—11 два раза въ недѣлю только. Мы слышали», сказалъ Мигоринъ, вдругъ перемѣняя голосъ и начиная говорить быстро-быстро, «что извѣстное дѣло о банковской растратѣ взялся защищать извѣстный присяжный повѣренный Мигоринъ. Не хуже директора департамента перспектива».

«А я...» сказалъ я и не могъ кончить: что-то сдавило мое горло.

«А вѣдь черезъ 5—6 мѣсяцевъ мы съ вами, Мигоринъ, кончаемъ», сказалъ Долговъ, садясь около него. «Не мѣшало бы намъ подумать о будущемъ... Да, впрочемъ, что думать», сказалъ онъ съ горечью, «Только хуже... Знаете, кому я завидую?.. Никитину. Какъ это у него опредѣлено все... доцентура... профессорство и они счастливы... Дурачье!.. Не видятъ, что профессорство не лучше нашей службы... если не похуже... А впрочемъ, желалъ бы я отупѣть, какъ наши будущіе приватъ-доценты... былъ бы навѣрно счастливѣе, изучая какую-нибудь пятую ножку мокрицы или пиша толстые томы о томъ, что такое нормы права: велѣнія или представленія».—Онъ вздохнулъ.

Мы замолчали, словно уставъ думать и говорить о нашемъ будущемъ. Дрова въ печкѣ догорали и тлѣли

голубоватымъ пламенемъ, иногда на мигъ вспыхивая. Мигоринъ сталъ свистѣть арію изъ Риголето. «Но, повторяю, будь остороженъ», свистѣлъ онъ отчетливо и тонко.

«Сегодня, это—конецъ ноября. Весна ужъ недалеко», вздохнулъ Долговъ.

«Весна», сказалъ я. «Какъ мнѣ страшно хочется каждою весною уѣхать куда-нибудь на Югъ, лежать гдѣ-нибудь на берегу моря, слушая, какъ шумятъ волны... Или работать гдѣ-нибудь въ полѣ, тамъ, на Югѣ... жить къ природѣ ближе... дышать ею. Солнца, свѣта побольше хочется», сказалъ я горячо. «А то вѣдь я 11 лѣтъ не знаю, что такое весна, того, что знаютъ всѣ животныя... И можетъ быть въ жизни никогда ее не встрѣчу... Вотъ что ужасно!»

«И это у молодежи въ лучшіе годы отнимаютъ счастье весны и думаютъ, что гимназіи и университеты разумны», сказалъ Долговъ съ горечью.

«А не отречься ли намъ, господа», вдругъ, почти неожиданно для себя сказалъ я, «отъ этихъ условій жизни. И уйти».

«Куда?» спросилъ Мигоринъ.

«Куда?—не знаю. Но вѣдь поймите, что все лучше той картины, которую мы только что нарисовали... А вдругъ взять—я иногда думалъ—и въ одинъ прекрасный день уйти изъ университета и зажить другой... новою... жизнью...»

«Какою?» спросилъ Долговъ.

«Какою?—не знаю... Но какъ-нибудь ближе къ природѣ... чище... безъ публичныхъ женщинъ... безъ

Акваріумовъ... безъ безсмысленнаго зубренія и сидѣнія въ каморкѣ департамента».

«Силы нѣту и воли нѣтъ... приросли, не оторваться», сказалъ Долговъ и вздохнулъ.

Мы замолчали. Воцарилась задумчивость. Дрова попрежнему мирно трещали въ каминѣ и оббивались голубоватыми легкими огоньками. Было тихо и грустно.

«Ну, однако, пора», сказалъ Долговъ, вскакивая, «я долженъ идти домой... Прощайте... А вы, Мигоринъ?

«И я иду».

Они попрощались со мной и вышли.

XX.

Когда они ушли, я вышелъ на улицу, чтобы освѣжиться и, пойдя по проспекту, незамѣтно перешелъ на Конногвардейскій и дошелъ до Николаевского моста. Идя по широкому массивному мосту и смотря на огромную, черную, безпредѣльно уходящую въ обѣ стороны Неву, на огни на Выборгской сторонѣ, похожіе на одну сплошную гирлянду, на рядъ электрическихъ серебристыхъ фонарей у Зимняго дворца и Эрмитажа, на мрачныя, стройныя громады домовъ по Адмиралтейской и Англійской набережной, я невольно перебиралъ въ умѣ все то, о чемъ мы только что говорили, и ощущалъ въ душѣ какое-то тягостное сознаніе одиночества и недоумѣнія... Мнѣ хотѣлось не думать обо всемъ этомъ и куда-нибудь пойти въ большую шумящую залу, увидѣть около себя толпу и крики и живые голоса и спугнуть съ себя это настроеніе.

Выходя съ моста на набережную острова, я почти столкнулся съ какимъ-то бѣжавшимъ навстрѣчу студентомъ. Онъ остановился, посмотрѣлъ на меня и воскликнулъ.

«А, коллега!.. здравствуйте, куда вы?»

«Ахъ, это вы, Хохловцевъ», здравствуйте... сказалъ я узнавая его и подавая ему руку. «Я такъ-себѣ болтаюсь... Отъ скуки».

«Если такъ себѣ, такъ пойдемте со мной на вечеринку на С-ую», сказалъ онъ, таща меня полу-на-сильно за руку за собою. «Тамъ всѣ наши будутъ: Ольцовщина, Ратурова, Елецкій... Пойдемте... вечеринка недурная будетъ. Обѣщали литераторы пріѣхать... А у меня лишній билетъ есть, какъ разъ для васъ», сказалъ онъ, уже не спрашивая меня, а таща меня подъ руку за собою.

Я не хотѣлъ сначала ѣхать. Но два соображенія: одно, что я могу сейчасъ не возвращаться домой и встрѣчу тамъ ту толпу и оживленіе, которыхъ мнѣ сегодня такъ хотѣлось, и другое болѣе тайное и сильное о томъ, что я тамъ встрѣчу Нину Михайловну Ратурову, которую давно уже не видалъ и общество которой для меня всегда было и не тяжело и прелестно—два эти соображенія поколебали меня и я согласился. Во время дороги, пока мы шли на С-ую, Хохловцевъ все время не переставая рассказывалъ мнѣ о томъ, что было на другой вечеринкѣ, почему запретили медицинскую, какіе ораторы могутъ что говорить и какія интересныя свѣдѣнія получены изъ провинцій.

«Вы должны благодарить Бога, что меня встрѣтили», сказалъ онъ съ веселою улыбкой. «Сегодня по всѣмъ признакамъ настроеніе будетъ горячее, и услышите много интереснаго. Наберетесь должнаго подъему на мѣсяцъ».

Когда мы пришли на С—ую, въ помѣщеніи уже было много народу.

Раздѣвшись въ какой-то большой, сплошь заваленной студенческими и женскими пальтами комнатѣ, гдѣ какіе-то технологи и высокая некрасивая дѣвица съ отчаяніемъ разыскивали свои шубы — мы прошли черезъ рядъ другихъ длинныхъ комнатъ съ огромными столами, за которыми студенты и курсистки продавали чай и прохладительныя воды... Ходило немного народу... Передъ дверьми залы стояла толпа, прижимаясь другъ къ другу, и слышно было, какъ кто-то издалека говорилъ, но что — нельзя было разслышать... Потомъ послышались громкіе, какъ взрывъ, аплодисменты и часть публики стала выходить. Мы воспользовались этимъ моментомъ и протискались въ залу и кое-какъ съ тяжелыми усиліями пролѣзли черезъ толпу студентовъ и курсистокъ поближе къ эстратѣ.

Въ большой, длинной, но невысокой залѣ были разставлены ряды стульевъ, на которыхъ сидѣли студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, но преимущественно университетанты и столько же, если не больше, курсистокъ въ кофточкахъ. Было жарко, душно и полно человѣческихъ дыханій. Тяжелый воздухъ сгустился и прилипалъ къ стѣнамъ и текъ по нимъ мокрыми струями... Въ проходахъ, на подоконникахъ,

около эстрады, вездѣ толкая и налегая другъ на друга, стояла тѣсная, задыхавшаяся отъ жары и усталости, но или жадно слушавшая или дѣлавшая видъ, что слушаетъ ораторовъ, молодая учащаяся толпа. Какой-то студентъ всталъ со стула и сталъ выходить. Я воспользовался и сѣлъ на его мѣсто. Слѣва отъ меня сидѣла бѣлокурая барышня, съ голубыми глазами и наивнымъ внимательнымъ лицомъ, справа технологъ въ темныхъ очкахъ.

На эстраду только что вошелъ новый ораторъ. Это былъ высокій молодой человѣкъ, въ статскомъ платьѣ, съ высокими крахмальными элегантными воротничками и прямыми волосами щетиной. Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ залу и, какъ бы удовлетворившись этимъ созерцаніемъ, началъ громкимъ и звучнымъ голосомъ.

«Пг'едыдущій ог'атог'ъ», сказалъ молодой человѣкъ, картавя, на мигъ остановившись, какъ будто говоря, что если будетъ продолжаться шумъ, начавшійся въ заднихъ рядахъ, то онъ лишитъ общество наслажденія выслушать его слова. Молодой человѣкъ строго посмотрѣлъ на толпу. Всѣ ждали. «Пг'едыдущій ог'атог'ъ», опять сказалъ молодой человѣкъ, «говорилъ много и гог'ячо объ идеализмѣ и, кажется, къ сожалѣнію, какъ я замѣчаю — молодой человѣкъ остановился, но никто не отвѣтилъ — «пг'оизвелъ нѣкотог'ое впечатлѣніе на аудитор'ію, я же, напг'отивъ, буду говор'ить о томъ великомъ и мощномъ теченіи, которое 3—4 года тому назадъ такъ волновало г'усское общество и котог'ое тепер'ъ, къ стыду его, затихаетъ... Я

буду говорить о маг'кеизмѣ», закричалъ онъ вдругъ неестественно громко, какъ будто прося обратить вниманіе всѣхъ на это именно слово.

Молодой человѣкъ говорилъ очень громко и убѣжденно, но бралъ не столько логикой, а жаромъ темперамента и могучимъ баритональнымъ басомъ. Молодой человѣкъ громилъ предыдущаго оратора за его разнѣженный дряхлый идеализмъ, которой, по мнѣнію молодого человѣка, обществу ничего не давалъ, и звалъ слушателей вернуться къ прежнимъ идеаламъ и, отказавшись отъ Бернштейна, вернуться къ чистой трудовой теоріи цѣнности, хотя было неизвѣстно при чемъ тутъ теорія Маркса. Молодой человѣкъ восклицалъ что-то съ такимъ видомъ и такъ горячо, какъ будто бы, если бы слушатели не послушались его и не измѣнили немедленно свои убѣжденія, то все погибло.

«Я п'тизывалъ васъ, господа... Вер'нитесь еще, есть вг'емя... Г'азве'ните знамя идеаловъ добг'а и общественной заботы... Мы должны бор'отся съ мг'акомъ во имя любви къ человѣку и для этого избег'емте себѣ девизъ Маг'кса, кото'рый онъ начег'талъ въ своемъ Капиталѣ, а дг'яхлый идеализмъ пусть будетъ отверг'нуть навѣки!

Молодой человѣкъ побѣдоносно взглянулъ на аудиторію, какъ бы приглашая запомнить его слова, поклонился и сошелъ съ кафедры. Раздались дружные и громкіе аплодисменты.

«Молодецъ... здорово жарилъ», сказалъ кто-то около меня.

«Да... настроеніе поднятъ... а то было вяло», сказали другой голосъ.

На кафедрѣ стали всходить другіе ораторы. Одни опять пытались говорить что-то объ идеализмѣ, но имъ стали шикать, другіе развивали рѣчь молодого человѣка. Какой-то почтенный, толстый господинъ, съ круглымъ краснымъ лицомъ, въ пенснэ, говорилъ, размахивая руками въ манжетахъ, объ идеалахъ вообще а объ идеалахъ въ литературѣ въ частности и утомилъ всѣхъ безконечною, переливающейся какъ вода, пышной рѣчью. Одни говорили хорошо и имъ хлопали, другіе нескладно и имъ часть хлопала, а часть свистала. Но во всѣхъ рѣчахъ были пышныя, громкія, кричащія фразы объ идеалахъ, о борьбѣ, о добрѣ, фразы, замѣнявшія логику, которой вообще въ рѣчахъ было мало. Какой-то молодой, красивый человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, служившій, какъ я потомъ узналъ, помощникомъ у знаменитаго адвоката и очевидно желавшій пріобрѣсть, помимо карьеры, популярность у молодежи, бархатнымъ голосомъ говорилъ объ ожиданіи вообще и какомъ-то еще особомъ ожиданіи такъ красиво и неопредѣленно, что ничего нельзя было понять.

«Нѣтъ, это совсѣмъ не та вечеринка, какъ въ Лѣсномъ», сказала недовольно моя лѣвая сосѣдка.

«А что такое?» спросилъ я.

«Тамъ интереснѣе было... Чѣмъ толковать попустому, сразу тамъ перешли къ дѣлу и поставили на очередь вопросы», сказала она, поправляя кофточку.

Какъ бы въ отвѣтъ на это, снова на кафедрѣ во-

шелъ какой-то высокій, худой горнякъ, съ длинными волосами, и застучалъ руками по кафедрѣ, приглашая къ молчанію; заговорилъ очень громко, выкрикивая отдѣльныя фразы.

«Господа... Мы уже, кажется... достаточно говорили объ идеализмѣ и марксизмѣ и занимали насъ уже 4 часа такой болтовнею. Пора перейти къ дѣлу... Мы собираемся не часто и надо выработать общій планъ».

Ораторъ говорилъ рѣшительно и радикально. Ему много хлопали и собраніе оживилось. За нимъ говорили другіе все въ такомъ же духѣ или еще болѣе шли *in crescendo*. Можно было думать, что теперь послѣ этихъ словъ и этого настроенія, всѣ глубоко проникнуты тѣмъ, что говорилось, и унесутъ его съ собою навсегда и будутъ проводить это всегда въ жизни... Уже сговаривались о различныхъ деталяхъ, какъ будто въ общемъ уже не было сомнѣнія и можно начинать его хоть завтра.

Я слышалъ всѣхъ этихъ ораторовъ и пышныя крикливыя рѣчи, смотрѣлъ на ихъ лица и студентовъ вокругъ; я задыхался, какъ и всѣ отъ жары, духоты и крику и чувствовалъ, что я съ трудомъ отъ всего этого соображаю то, что говорятъ, и въ моей душѣ было одно желаніе,—какъ можно скорѣе выбраться отсюда туда, гдѣ можно свободнѣе дышать и хоть сколько-нибудь думать о томъ, что слышишь. Въ это время распорядитель, студентъ, позвонилъ и объявилъ, что открыть перерывъ въ 15 минутъ, а теперь онъ проситъ всѣхъ уйти, чтобы можно было отворить окна, такъ какъ съ двумя барышнями сдѣлался отъ духоты

обморокъ. Всѣ встали и, шумя стульями и толкаясь, повалили толпою къ выходу, болтая. Я вышелъ со всѣми.

Въ дверяхъ я столкнулся съ Хохловцевымъ. Онъ спросилъ меня, какъ поправилось и, не дожидаясь моего отвѣта, потащилъ меня къ одному изъ столиковъ, гдѣ, по его словамъ, собрались всѣ наши.

XXI.

Толпа ходила по комнатамъ, болтая другъ съ другомъ и толпилась около столиковъ, покупая бутерброды и чай... Было шумно, жарко, крикливо и пестро. За столиками сидѣли студенты и барышни и пили, разговаривая, чай. Всѣ эти слова, крики, лица и пестрые платья сливались въ одно яркое, шумливое ощущеніе. За однимъ изъ этихъ столиковъ: «нашими», сидѣло шесть человѣкъ, занятыхъ три студента и три курсистки; четырехъ изъ нихъ я зналъ хорошо; остальные же; мнѣ были совершенно неизвѣстны. Они о чемъ-то оживленно говорили. Я подсѣлъ къ нимъ и сталъ вслушиваться въ то, о чемъ они говорили.

Одна изъ нихъ, медичка Баринская, была очень хороша собой и въ высшей степени элегантно одѣта. Но въ самой красотѣ ея, въ большихъ матовыхъ черныхъ глазахъ, въ волосахъ, расчесанныхъ по модному *à la Cavalieri*, во всемъ спокойномъ и увѣренномъ выраженіи ея крупнаго лица—во всей этой красотѣ было мало чего-то чисто женственнаго... Кромѣ того,

красоту эту лишало всякой прелести и значенія отсутствіе въ лицѣ игры мѣняющихся выраженій и проявленій внутренняго существа. Казалось, это была прекрасная, уравновѣшенная, самодовольная кукла и ничего больше.

Я зналъ ее очень давно и она всегда мнѣ была очень несимпатична. Душевное существо ея было выражено въ ея тѣлѣ, такое же спокойное, тупое и неинтересное. Какъ всѣ очень самоувѣренные люди, она считала, что тѣхъ мнѣній, которыя она раздѣляла, должны были держаться всѣ люди, а если не раздѣляли, то потому, что были или гадки или глупы, и потому она была нетерпима къ другимъ убѣжденіямъ. Самыя убѣжденія ея были либеральны, но не оригинальнѣе тѣхъ, которыя проповѣдуются въ прогрессивныхъ газетахъ. Эти-то свои, либеральныя, убѣжденія она не то чтобы любила, а признавала достойными уваженія въ другихъ людяхъ; людей же самихъ по себѣ, безъ ихъ убѣжденій, она не любила и была къ нимъ безразлична.

Она считала себя марксисткой и у нея висѣлъ въ комнатѣ портретъ Маркса, хотя она никогда не читала ни одной строчки «Капитала», а знала о немъ отъ другихъ, что онъ что-то говоритъ о трудѣ, что онъ за рабочихъ и противъ буржуазіи. Общее міросозерцаніе ея было опредѣленно и то же совершенно что у людей, которыхъ она уважала. Смыслъ жизни казался для нея давно найденнымъ и рѣшеннымъ и она въ немъ никогда не сомнѣвалась. Смыслъ этотъ былъ въ томъ, чтобы, держась либерально-обществен-

ныхъ убѣжденій и читая запрещенныя книги, заниматься общественной дѣятельностью и устроиться куда-нибудь при земствѣ. Смыслъ этотъ былъ въ томъ, чтобы сдѣлать себя полезнымъ орудіемъ для общества и только.

Отпивая теперь медленными глотками изъ стакана чай и сложивъ на столѣ двѣ свои красивыя полныя руки, она разговаривала со студентомъ Елецкимъ, курчавоволосымъ широкоплечимъ брюнетомъ съ вздернутымъ носомъ, и слушала его мнѣніе о томъ, кто изъ ораторовъ говорилъ всего лучше.

«Да... да... это вѣрно, и мнѣ тоже показалось», говорила она иногда, спокойно смотря на Елецкаго своими матовыми спокойными глазами.

Студентъ Елецкій былъ естественникъ и представлялъ собою энергичный и рѣзко-выраженный типъ тѣхъ людей, которыхъ Баринская уважала. Въ 8 классѣ гимназіи онъ прочелъ Бюхнера и Молешота и сталъ матеріалистомъ, и съ тѣхъ поръ философское міросозерцаніе его не подвинулась ни на іоту. Онъ до сихъ поръ считалъ матеріализмъ единственно истиннымъ міросозерцаніемъ и къ философіи относился съ презрѣніемъ и считалъ ее чѣмъ-то въ родѣ дилетантской игры въ софизмы. Проблемы о Богѣ, безсмертіи души и смыслѣ жизни его совершенно не смущали и давно для него были рѣшены и оттого, не мучаясь этимъ, онъ былъ спокоенъ, жизнерадостенъ и энергиченъ. Онъ видѣлъ ясно зло окружавшей его жизни и считалъ необходимымъ борьбу съ нимъ. Но пониманіе этой борьбы у него было шаблонное. Такъ онъ счи-

таль дурнымъ быть земскимъ начальникомъ и служить въ полиціи, служить же въ судѣ, въ другихъ вѣдомствахъ, гдѣ-нибудь на частномъ заводѣ онъ считаль выполненъ допустимымъ.

Двѣ остальные курсистки и студенты были, какъ я сказалъ, мнѣ не знакомы и по лицамъ и по обращенію производили впечатлѣніе добрыхъ, заурядныхъ и хорошихъ людей. Около нихъ сидѣлъ Хохловцевъ и тоже о чемъ-то съ ними съ жаромъ говорилъ.

Хохловцевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые въ университетѣ могутъ изъ всякой глупости пожертвовать собою во многомъ и исповѣдуютъ самыя крайнія убѣжденія, но, кончивъ университетъ, спокойно поступаютъ себѣ на службу въ какое-нибудь министерство и, не то, чтобъ измѣняя, а не руководствуясь въ своей жизни своими взглядами, дѣлаются самыми обыкновенными казенными чиновниками. Онъ, какъ многіе люди, раздѣлялъ вѣру въ то, что университетъ есть самое возвышенное на свѣтѣ учрежденіе и студенческая жизнь есть лучшее, благороднѣйшее и полезнѣйшее время жизни. Онъ былъ бѣденъ, жилъ уроками и былъ добръ, веселъ и симпатиченъ.

Послѣднее лицо изъ всѣхъ сидѣвшихъ здѣсь — была бестужевка Ратурова, Нина Михайловна, для которой отчасти я и поѣхалъ на этотъ вечеръ и которая, хотя я въ нее не былъ влюбленъ, была мнѣ какъ-то особенно мила и привлекательна. По міросозерцанію и характеру она мало подходила ко всей этой компаніи и попала, вѣроятно, съ ними сюда только случайно.

На ней было темно-синее шерстяное платье съ свѣтло-кремовыми кружевами и вставкой и высокимъ воротникомъ. Облокотивши на правую руку свою некрасивую, кудрявую бѣлокурую головку, она смотрѣла разсѣяннымъ и скучающимъ взглядомъ на толпу. Когда она смотрѣла въ сторону или опускала глаза, лицо ея было некрасиво. Но лишь только она подымала свои большіе, хрустально-сѣрые прекрасные глаза, лицо ея мгновенно преображалось и дѣлалось не то, чтобы красивымъ, а необыкновенно одухотвореннымъ. Глаза эти были прелестны сочетаніемъ чудныхъ и прекрасныхъ выраженій и свѣтились нѣжнымъ душевнымъ блескомъ.

Она представляла полную противоположность всѣмъ этимъ сидѣвшимъ около нея людямъ потому, что, насколько у нихъ были на жизнь опредѣленные шаблонные взгляды, настолько у нея ничего не было опредѣленнаго и ея душа была лишь одно исканіе истины и смысла. Огонь, который игралъ въ ея глазахъ, былъ не случайнымъ сочетаніемъ хрусталика и роговой оболочки, это былъ тотъ внутренній огонь неудовлетворенности и жажды чего-то, которымъ горѣло ея духовное существо. Поступивъ на курсы два года тому назадъ и отсидѣвъ въ крѣпости по 3 мѣсяца, она стала разочаровываться теперь въ томъ, чего искала на курсахъ, и скучала и томилась чѣмъ-то. Она бросила заниматься, много танцевала на вечерахъ или сидѣла по цѣлымъ днямъ дома и увлекалась Метерлинкомъ и Фридрихомъ Ницше и, какъ она говорила мнѣ, ей все теперь было безраз-

лично и все одинаково противно, а сама себѣ противна больше всего.

Смотря своими мечтательными, глубокими какъ море и какъ море переменчивыми взорами и оперевши голову на руку, она, казалось, задумалась о чемъ-то и машинально бродила взглядомъ по толпѣ, не слушая, что вокругъ нея говорили. Словно почувствовавъ на себѣ мой взглядъ, она подняла на меня глаза и, замѣтивъ, что я на нее смотрю, покраснѣла и улыбнулась виноватою и слабою улыбкой. Лицо ея всегда было серьезно и ея улыбка была такъ неожиданна и дѣтски-прелестна, что мѣняла все его выраженіе. Серьезное выраженіе смѣнялось такимъ неизъяснимо милымъ, что каждый прощалъ невольно всѣ недостатки ея лица, красноту кожи, неправильный носъ и большія губы и все хотѣлось, чтобы эта чудная дѣтская улыбка не переставая морщила ея губы и садилась ямочками на щеки. Она перестала смотрѣть на меня и, потасивъ эту улыбку, пододвинула свой стулъ поближе и стала слушать внимательно то, о чемъ говорили.

Между Хохловцевымъ, Баринской и другими шель все это время непрекращающійся разговоръ.

XXII.

«Вотъ интересно узнать мнѣніе коллеги объ этомъ», сказалъ Елецкій въ серединѣ разговора, обращаясь ко мнѣ съ учтивой улыбкой. «Скажите: вы за кого, collega: за идеалистовъ или марксистовъ... Мы вотъ объ

этомъ споримъ все время и не можемъ сойтись. Къ чему вы примкнете?» сказалъ онъ, глядя на меня вопросительно своими сѣрыми глазами.

«Откровенно говоря, меня все мало интересуеъ и представляется одной пустой болтовней», сказалъ я, отрываясь смотрѣть на толпу и взглянувъ на Елецкаго.

Глаза всѣхъ при этихъ словахъ удивленно посмотрѣли на меня. «Это ли мы слышимъ или это такъ показалось. Исправьте, еще есть время», говорили они. Елецкій слегка смутился.

«То есть какъ это пустой болтовней... Вы хотите сказать...» сказалъ онъ, какъ бы давая мнѣ возможность исправить свою ошибку. «Вы хотите сказать: блѣдно... жару мало».

«Не жару мало», сказалъ я, чувствуя что меня подмываетъ какъ можно рѣзче выразить свое мнѣніе. «Жару, по-моему, слишкомъ много... а мало смыслу... Однѣ пышныя, крикливыя, рассчитанныя на эффектъ фразы».

«Ахъ, вотъ что!» сказалъ Хохловцевъ, пожимая плечами и обращаясь къ другимъ, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели того, что онъ не причеъ въ этомъ заявленіи. Красивые глаза Баринской смотрѣли на меня холодно и насмѣшливо. Ратурова напряженно нахмурилась и смотрѣла пристально на меня своими прекрасными глазами.

«Вы развѣ противъ вечеринокъ, collega?» сказалъ одинъ изъ студентовъ.

«Я не противъ чего. Мнѣ все равно; кому онѣ нравятся, пускай ходятъ. Но мнѣ кажется жалкимъ

и недостойнымъ вниманія серьезнаго человѣка то, что въ жарѣ и духотѣ передъ тысячами случайно сошедшихся чужихъ ему людей ораторъ кричитъ пышныя фразы о добрѣ или о необходимости общихъ дѣйствій, за которыя придется много пострадать... и которыя могутъ быть плодомъ только обдуманыхъ убѣжденій, а не крика... Эти господа думаютъ, что они дѣлаютъ что-то важное и нужное, а они просто паяцы... Глупо и пошло!» сказалъ я, чувствуя, что начинаю волноваться споромъ.

«Я вамъ могу на это сказать, коллега...» сказалъ Соцкій.

«Нѣтъ, позвольте, я ужъ окончу», сказалъ я, перебивая его. «Говорятъ, что эти рѣчи разоблачаютъ незнающимъ дѣйствительность... Но вѣдь каждый перешедшій въ 6 классъ мало-мальскій чуткій и развитой гимназистъ отлично знаетъ, что вокругъ насъ творится. Но къ чему кричать всеѣмъ извѣстныя вещи, а кто ихъ не знаетъ вовсе до университета, тому надо идти въ гусары, потому что онъ необычайно глухъ и ни къ чему высшему не способенъ и для такихъ людей нечего даромъ бросать бисеръ... Кричать же объ этомъ, да еще о добрѣ не для чего, потому что все великое и истинное не нуждается въ эффектѣ. Если я дѣйствительно что-либо глубоко люблю, такъ, что могу пожертвовать за это если не жизнью, то многимъ, то я буду таить это стыдливо въ глубинѣ души. Никто не кричитъ о любви къ матери. Можно жизнью пожертвовать за любимое существо, идею, но кричать, что я это люблю, и

приглашать другихъ дѣлать это, по-моему значить не искренно любить, а только играть въ любовь и любить аплодисменты».

«Но это имѣетъ воспитательное значеніе», сказала Баринская.

«Нужно говорить объ общемъ образѣ дѣйствій всѣмъ вмѣстѣ и потомъ поступать по плану», добавилъ Елецкій.

«Нѣтъ... нѣтъ... я не вѣрю», сказалъ я горячо, «чтобы эти кричащіе о правдѣ люди и толпа, рукоплещущая имъ, чтобы они дѣйствительно любили ее горячо и способны были проводить ее въ жертвахъ всю жизнь».

«Но отчего же?»—Всѣ вопросительно смотрѣли на меня. Я чувствовалъ, что начинаю волноваться. Мнѣ дѣйствительно было страшно жарко.

«Оттого, что половина этой толпы слушаетъ эти рѣчи совершенно равнодушно и пришла сюда, какъ на представленіе. Другіе забудутъ эту правду, лишь только выйдутъ на холодъ и дойдутъ до дому... Меньшая часть, хотя и увлекаясь можетъ пожертвовать теперь чѣмъ-либо, быть-можетъ и многимъ, но черезъ десять лѣтъ, выйдя изъ университетовъ и курсовъ, навѣрно забудетъ все это и будетъ жить помаленьку, отбросивъ юныя мечтанія... Такъ скажите, развѣ все это не игра въ правду... Развѣ можно къ этой толпѣ относиться съ уваженіемъ?..»

Я говорилъ и видѣлъ по выраженіямъ ихъ лицъ, что чѣмъ больше я говорю все это, тѣмъ сильнѣе мы расходимся во мнѣніяхъ и тѣмъ менѣе они пони-

мають меня. Они пожимали плечами и переглядывались другъ съ другомъ, смотря на меня съ удивленной насмѣшкой. Елецкій быстро перебилъ меня.

«Такъ чтожь, по-вашему не нужно собираться, чтобы бороться съ зломъ?» сказалъ онъ насмѣшливо. «Вы, значитъ, противъ борьбы со зломъ, коллега».

«Я только противъ того, чтобы эти люди обманывали себя этими вечеринками, криками и хлопаньями, думая, что они что-то дѣлають большое и хорошее, и потомъ, отбывъ эту повинность, замазываютъ этимъ въ себѣ голосъ исканія и борьбы... Я потому противъ этого глупаго ломанья, что хотѣлъ бы, чтобы они всю жизнь стремились къ правдѣ и боролись за то, что они добромъ считаютъ... Больше я ничего не хочу», сказалъ я, чувствуя и волненіе, и какую-то усталость и ненужность всей своей рѣчи.

«Нѣтъ, коллега, вы неправы... Это тоже имѣетъ свое значеніе...» сказалъ добродушно Хохловцевъ, хлопая меня рукою по колѣнкѣ. «Это надолго придаетъ жару», добавилъ онъ съ улыбкой.

Баринская стала говорить о томъ, что я стою на почвѣ индивидуальнаго самосовершенствованія и что съ индивидуализмомъ далеко не уѣдешь. Нужно брать массой. Я слухалъ ихъ и молчалъ. Я опять ощутилъ то же чувство, что и у профессора на вечерѣ—что мы другъ друга не понимаемъ и люди иного склада и все, что я говорилъ здѣсь такъ горячо, показалось мнѣ лишнимъ, сказаннымъ напрасно и неспріятнымъ. И потому мнѣ было грустно.

XXIII.

Нина Михайловна сидѣла все время молча, и хотя внимательно слухала все, что мы говорили и даже, какъ мнѣ показалось сочувствовала мнѣ, ни разу ничего не возразила. Она вдругъ теперь встала, заторопилась и, сказавъ, что ей нужно ѣхать на вечеръ въ кредитный залъ, стала съ нами прощаться. Мнѣ тоже не хотѣлось больше оставаться, и я спросилъ, могу ли я довести ее. Она утвердительно кивнула головкой. Пробравшись сквозь толпу и съ трудомъ разыскавъ свои пальто, мы вышли на крыльцо.

На дворѣ шелъ сильный снѣгъ и свистѣлъ вѣтеръ. Мы ѣхали молча. Мнѣ не хотѣлось ни о чемъ говорить. Я находился подъ впечатлѣніемъ недавняго разговора. Мнѣ казалось, что и Нина Михайловна думала о немъ же или о чемъ-то близкомъ къ нему. Обнимая ее за талію рукой и поддерживая ее при толчкахъ санокъ, я чувствовалъ невольно, что это болѣзненное, ищущее существо удивительно близко мнѣ и среди всѣхъ людей, видѣнныхъ сегодня, быть можетъ одна меня лучше всѣхъ понимаетъ. Я хотѣлъ спросить ее, согласна ли она со мною, какъ вдругъ она сама, слегка повернувъ ко мнѣ головку и смотря на меня прямо своими глазами, тихо, какъ будто недоумѣваяще сказала:

«Боже мой, какъ этого они не понимаютъ, когда это такъ просто».

«Такъ вы согласны со мною?» спросилъ я радостно.

«Я часто думаю», сказала она мнѣ, не отвѣчая на мой вопросъ и отдаваясь своимъ мыслямъ. «Я думаю, что мнѣ дальше дѣлать, когда я кончу курсы, а потомъ что?»

«Вамъ лучше знать, что потомъ», сказалъ я.

«Ничего я не знаю», сказала она грустно. «Я молодая... достигла того, о чемъ мечтала и чего достигаетъ одна на десять... Поступила на курсы. Но дали ли мнѣ они то, чего я искала. Нѣтъ... Я не виню ихъ... То, что они могли, они дали...» сказала она. «Но мнѣ этого мало... Удовлетворена ли я своею жизнью, какъ мои подруги? Нѣтъ, я чувствую, чего-то не хватаетъ. Я хочу чего-то большаго... чего-то необъятнаго... огромнаго-огромнаго, почти недостижимаго... Знаете эту фразу у Ницше, что нѣтъ дѣла болѣе прекраснаго, чѣмъ погибнуть на великомъ и невозможномъ...» сказала она почти восторженно. «Но гдѣ это великое?.. Кругомъ такъ мелко и сѣро... и скучно».

Я пожалъ плечами.

«Не знаю», сказалъ я.

Мы замолчали и ѣхали остальную дорогу молча. Когда мы приѣхали и вошли въ залъ, концертное отдѣленіе уже кончалось. Сильно декольтированная толстая пѣвица, въ голубомъ, сіявшемъ блесками платьѣ, пѣла, ненатурально раскрывая ротъ и держа въ рукахъ ноты, «Ночь» Рубинштейна. Она окончила и пошла, кланяясь на ходу хлопающимъ ей мужчинамъ. Публика стала вставать и выходить, раздвигая стулья, какъ вдругъ случилось нѣчто неожиданное.

Стоявшая около эстрады толпа студентовъ, ни съ того, повидимому, ни съ сего, полѣзла на эстраду, толкая другъ друга, словно они уговорились объ этомъ раньше... Всѣ смотрѣли съ недоумѣніемъ, ожидая, что будетъ дальше, и недоумѣвая, зачѣмъ это. Студенты подавали другъ другу руку и втаскивали товарищей на эстраду... Когда собралась довольно большая толпа, какой-то высокій университетантъ въ потрепанномъ сюртукѣ влѣзъ на возвышеніе и запѣлъ слабымъ сиплымъ баритономъ «Дубинушку». Всѣ столпились около него и, когда онъ окончилъ, грянули нестройнымъ, но сильнымъ припѣвомъ.

«Что это?.. да не можетъ быть... Да какъ же это?.. Что вы дѣлаете, господа?..» говорили удивленные лица мужчинъ и женщинъ, смотрѣвшія на эту пѣвшую толпу съ испуганнымъ и растеряннымъ видомъ, какъ смотреть на утопленника или на что-нибудь необыкновенное... Никто не уходилъ и всѣ ждали, когда кончится эта неумѣстная шутка. Но она не кончалась, а разливалась еще сильнѣе. Теперь пѣли что-то другое съ бойкимъ припѣвомъ.

Очевидно, это стало всѣмъ надоедать. Многіе выходили, пожимая плечами. Откуда-то появился оркестръ и сталъ играть, чтобы заглушить пѣніе. Лакеи стали выносить стулья.

«Боже мой, какъ это глупо, мальчишески-глупо», сказалъ мнѣ какой-то пожилой господинъ въ сюртукѣ. «Я понимаю все... самъ былъ молодъ... Но орать глупыя пѣсни про какую-то черную галку и, ворвавшись на эстраду, мѣшать людямъ танцевать. Это

не либеральность, а прямо бурбонство, недостойное умныхъ и образованныхъ людей».

И пожалъ плечами.

«Они думаютъ, что они этимъ служатъ просвѣщенію», сказалъ другой господинъ.

«Какому тамъ просвѣщенію», сказалъ первый. «Если мы съ вами ворвемся въ чужой залъ и будемъ орать, насъ сочтутъ сумасшедшими или невѣждами, а здѣсь это называется просвѣщеніемъ. По-моему это глупость и помутнѣніе».

«Коллега, пожалуйста, пойдите со мной... Надо будетъ унять эту публику», сказалъ мнѣ, проходя, какой-то студентъ со значкомъ, видимо распорядитель. Мы пошли вмѣстѣ.

Часть студентовъ въ это время кто-то упросилъ сойти съ эстрады, и они удалились въ одну изъ гостиныхъ и тамъ пѣли. Мы пробрались въ толпу студентовъ и курсистокъ, стоявшую плотно другъ около друга и пѣвшихъ такъ, какъ будто они священнодѣйствовали. Было душно и тѣсно. Какой-то лѣсникъ запѣвалъ:

«Становому на ужинъ
Провіантъ свѣжій нуженъ».

И толпа подхватывала:

«Ой горюшко-горе,
Провіантъ свѣжій нуженъ».

«Господа, перестаньте пѣть! просить устроитель», закричалъ мой распорядитель. Его не слушали. Онъ

сталъ протискиваться сквозь толпу. «Господа... это невѣжливо, бросьте», раздавалось въ другомъ концѣ.

Мы стояли въ толпѣ нѣсколько минутъ, уговаривая окружающихъ не пѣть. Но было напрасно. Намъ стали возражать.

«Уходите, коллега, если вамъ не нравится, а мы будемъ пѣть», сказалъ какой-то студентъ. «Оставьте насъ... Пойте!» кричали другіе. «Буржуи влѣзли», говорилъ кто-то, недовольно поглядывая на насъ. Высокій горнякъ спорилъ съ распорядителемъ, увѣряя, что онъ не имѣетъ права мѣшать пѣть и это имѣетъ воспитательное значеніе. Я чувствовалъ, что спорить и убѣждать этихъ людей бесполезно, и ушелъ. «Боже мой, неужели въ этомъ выражается стремленіе къ добру и борьба съ насиліемъ», думалъ я, сходя съ лѣстницы въ раздѣвальню и вспоминая сегодняшний разговоръ на вечеринкѣ, и невольно я сопоставилъ эту вечеринку и это пѣніе... Нѣтъ, потому эти люди кричатъ смѣло и поютъ здѣсь, что это легко,—потому что они ничтожны и мало думаютъ, что такое правда и не стремятся къ ней», думалъ я.

Я вышелъ на улицу. На дворѣ было темно, легко и удивительно тихо. Каждый звукъ былъ слышенъ издали и быстро пролеталъ, погасая въ ночной тишинѣ. Снѣгъ пересталъ падать. Вѣтеръ размелъ его по улицамъ въ сугробы и разогналъ тучи. Небо было темно, чисто и полно звѣздъ. Огромные дома стояли мрачные, величественные, точно глубоко спали. Улицы закутались въ безмолвіе и мракъ.

Меня вдругъ поразило это спокойствіе и гармонич-

ная тишина въ природѣ послѣ того шума и крика, среди которыхъ я сейчасъ былъ. Я вспомнилъ вечеринку, весь сегодняшний день, разговоры у меня въ комнатѣ, все мое настроеніе и всю мою теперешнюю жизнь и я невольно противопоставилъ все это и самого себя, ничтожную былинку, уже затронутую всѣми людскими сомнѣніями и страстями, этому величавому, чудному спокойствію природы. Странно мнѣ было теперь ощущать эту мелодичную тишину, видѣть это далекое, безконечное темное небо, такое мирное и спокойное въ своемъ вѣчномъ величіи, и эти серебристыя, затерянные въ безконечности звѣзды, то раскинувшіяся въ одиночку, то сплетшіяся въ чудные узоры, шептавшія мнѣ сверху о чемъ-то великомъ, непостижимомъ и вѣчномъ и пѣвшія небесную пѣснь о дивной гармоніи во вселенной.

XXIV.

Какъ томительно и медленно тянется зима!

Когда оглянешься на прожитые дни, то они, какъ спицы въ бѣгущемъ колесѣ, сливаются въ одинъ сплошной сѣрый кругъ. Одинъ день похожъ на другой, какъ двѣ истертые монеты. Мелкіе интересы, мелкія радости, мелкій развратъ. Все до утомительности однообразно и скучно.

Но вотъ наступаетъ Рождество, и начинается бѣгство студентовъ изъ университета.

Когда приходишь въ канцелярію, то видишь, что тамъ стоитъ толпа. Вездѣ тужурки, наклоненныя надъ

столами, пишутъ прошенія объ отпускѣ. Аудиторіи еще задолго до окончанія быстро пустѣютъ. Студенты убѣгаютъ отъ ученія.

Въ одинъ день и я пріѣзжаю на вокзалъ. До Пскова не было никого въ вагонѣ. Но потомъ сразу вошли молодая дама съ сѣрыми глазами и утомленнымъ лицомъ, одѣтая въ каракулевую кофточку, и студентъ, въ зимней шубѣ, съ горбатымъ носомъ и красными полными щеками. На одной изъ слѣдующихъ станцій влѣзъ толстый купецъ въ поддевку и сапогахъ и, сидя на скамейкѣ, тяжело со свистомъ дышалъ. Дама и студентъ разговорились. Дама рассказала, что она пріѣзжала въ Петербургъ, чтобы повидать своего брата студента и что въ Петербургѣ ей было очень весело и ей случилось побывать на студенческихъ вечерахъ и вечеринкахъ; студентъ рассказывалъ ей разные случаи изъ своей университетской жизни.

На станціи Б. въ вагонъ вошло новое лицо, мужчина въ синемъ пальто съ барашковымъ воротникомъ. Это былъ очень худой человѣкъ, высокаго роста, съ блѣднымъ молодымъ лицомъ и черной большой бородою. Лицо его постоянно было подвижно и смѣняло выраженіе одно за другимъ, какъ бываетъ у нервныхъ людей. Одни глаза его были неподвижны и свѣтились какимъ-то холоднымъ, насмѣшливымъ, неприятнымъ выраженіемъ. Онъ скорчился и сидѣлъ неподвижно, смотря въ окно, не обращая ни на кого никакого вниманія.

Студентъ вышелъ на минутку на станцію и, вер-

нувшись съ апельсинами, сталъ разсказывать, что онъ сейчасъ встрѣтилъ на платформѣ профессора Н. Заговорили опять объ университетѣ. Дама спросила, каковы отношенія профессоровъ и студентовъ и интересовалась узнать о новыхъ организаціяхъ въ университетѣ. Студентъ, кушая апельсинъ и отбрасывая корки въ пепельницу, разсказалъ то, что ее интересовало, и распространялся восторженно вообще объ университетѣ.

Господинъ въ синемъ пальто, который до этого времени сидѣлъ неподвижно и не обращалъ никакого вниманія на окружающихъ, теперь, когда заговорили объ университетѣ, встрепенулся и сталъ внимательно прислушиваться. Выраженіе глазъ его стало еще болѣе холодно и насмѣшливо, когда онъ услышалъ отзывъ студента. Онъ ворочался, кашлялъ, поглядывалъ на насъ и видимо искалъ случая, чтобы вмѣшаться въ разговоръ. Студентъ разсказалъ одинъ анекдотъ изъ профессорской жизни, и дама разсмѣялась и откинулась назадъ. Водворилось на минуту молчаніе. Было слышно только, какъ вздрагивали на ходу вагоны, перебѣгая по рельсамъ.

«А позвольте узнать», спросилъ вдругъ неожиданно господинъ сухимъ, жесткимъ голосомъ, обращаясь къ студенту и приподымая слегка шапку, «а позвольте узнать: вы давно уже въ университетѣ?»

«Да... давно... уже третій годъ... Я въ Московскомъ», сказалъ быстро студентъ, съ удовольствіемъ отмѣчая тотъ фактъ, что онъ въ Московскомъ, и видимо довольный, что есть еще господинъ, съ кото-

рымъ можно интересно поговорить объ университетской жизни.

Господинъ одобрительно кивнулъ головой, какъ будто удовлетворившись этимъ, и, закуривъ папиросу, сталъ впихивать ее въ пепельницу, какъ будто онъ очень доволенъ тѣмъ, что сказалъ ему студентъ, и обо всемъ этомъ онъ предугадывалъ раньше. Студентъ смотрѣлъ на него, ожидая, о чемъ его еще спросять.

«Да-съ... вотъ оно какъ», сказалъ вдругъ господинъ, дѣлая рѣзкое движеніе и оборачиваясь къ студенту. «Вы вотъ, кажется, все время изволили говорить объ университетѣ... Скажите, пожалуйста откровенно, ежели вамъ не покажется непріятнымъ мой вопросъ.. Но мнѣ это очень интересно.. Скажите, что-жъ вамъ еще не успѣлъ опротивѣть университетъ?»

Дама встрепенулась и съ недоумѣніемъ взглянула на меня и господина своими сѣрыми глазами. Студентъ удивленно посмотрѣлъ на господина, такъ, какъ будто бы онъ не могъ повѣрить, что были сказаны сейчасъ эти странныя слова. Онъ взглянулъ на даму, какъ бы приглашая ее удостовѣрить, не ослышался ли онъ. Господинъ сидѣлъ спокойно и молча курилъ папиросу, какъ ни въ чемъ ни бывало поглядывая на студента своимъ холоднымъ непріятнымъ взглядомъ.

«Простите. Я, кажется, слышалъ, что вы?..» сказалъ слащаво студентъ, притворно улыбаясь.

«Да... да... я сказалъ и повторяю вопросъ: не опротивѣла ли вамъ эта помойная яма, которая носитъ имя университета?» сказалъ спокойно и еще рѣзче

нашъ собесѣдникъ, глядя какимъ-то злымъ, вызывающимъ взглядомъ на всѣхъ насъ.

«Помойная яма... простите... но...» сказалъ студентъ густо вспыхнувъ.

«Мнѣ даже странно отъ васъ это слышать», сказала дама, глядя съ негодованіемъ на господина, какъ бы упрекая его за то, что онъ ввелъ ее въ это негодованіе. Тотъ горько, натянуто улыбнулся и пожалъ плечами.

«Простите, если мои слова доставили вамъ непріятность», сказалъ онъ спокойно и немного грустнымъ тономъ. «Я вполне понимаю ваше негодованіе. Такъ бы и другіе поступили на вашемъ мѣстѣ. Я говорю про тѣхъ, кто не былъ въ университетѣ и привыкъ къ нему относиться съ уваженіемъ. Да многіе.. не вы одна», сказалъ онъ немного помолчавъ и затыгиваясь папироской, «не одна вы, говорю я, имѣютъ о немъ такое превратное представленіе. Я и самъ тоже не сразу пришелъ къ своему заключенію».

«А какое-жъ ваше заключеніе о немъ, любопытно бы узнать, если позволите?» сказалъ студентъ недоверчивымъ насмѣшливымъ тономъ.

«Я считаю существованіе университета неестественнымъ», сказалъ спокойно господинъ, замолчавъ и какъ бы не сразу рѣшаясь сказать это.

«Неестественнымъ», сказалъ удивленно студентъ. «Но почему же?»

«Очень просто. И если вамъ интересно послушать, я могу изложить вамъ свое мнѣніе... Тѣмъ болѣе, что въ васъ я вижу невольно себя въ прошломъ, съ

тѣмъ же мыслями, съ тѣмъ же общимъ отношеніемъ къ университету, какое и у меня тогда было... Кое-что можетъ вамъ пригодиться изъ моихъ взглядовъ... Такъ хотите?

«Съ удовольствіемъ... очень интересно послушать», сказалъ студентъ.

«Хорошо... Только вотъ я выйду на минуту и принесу чаю».

Онъ вышелъ на минутку и, вернувшись съ чайникомъ и булками, заварилъ чай и выпилъ стаканъ сразу. Мы ждали. Онъ закурилъ и откашлялся.

XXV.

«Ну... слушайте... я вамъ буду говорить, такъ какъ это васъ такъ интересуетъ», сказалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово. «Все это очень просто...»

«Есть два рода наученія», сказалъ онъ кладя локти на колѣна, «одно пріобрѣтается отъ внѣшняго міра путемъ ощущеній и, начинаясь съ момента рожденія, продолжается всю жизнь. Другое есть наученіе отъ другихъ людей, путемъ рѣчи и чтенія. Начинается оно въ 7—8 лѣтъ и тоже должно кончиться со смертию... Согласны?»

«Ну-съ, чтожъ дальше?» сказалъ студентъ, не отрывая глазъ отъ собесѣдника. Дама молча, въ знакъ согласія, кивнула головой.

«Въ то же время человѣкъ долженъ расходовать свою физическую и духовную энергію также всю жизнь...

Такъ вѣдь?» сказалъ господинъ, пересаживаясь. Вообще, хотя онъ хотѣлъ казаться спокойнымъ, но видимо волновался. Его большія бѣлыя руки нервно мяти платокъ.—«Ну-съ, такъ вотъ. Ребенокъ расходуетъ энергію играя. Подростокъ посильно долженъ помогать въ общей работѣ взрослымъ. Такъ бываетъ у простого народа и мастеровыхъ... такъ вѣдь?» сказалъ онъ, обращаясь къ купцу.

«Такъ-съ...» сказалъ купецъ, крикнувъ.

«Ну... и у насъ должно быть то же... т. е. молодые люди, и женщины и мужчины, безразлично, должны принимать участіе въ трудѣ жизни... служить другимъ людямъ... расходовать энергію физическую и еще болѣе духовную... въ теченіе всей своей жизни. И не можетъ быть такого періода въ жизни, когда человѣкъ былъ бы лишенъ возможности дѣятельно, существомъ, работать для ближнихъ; это было бы гибелью для человѣка».

«Все это хорошо, но что изъ этого слѣдуетъ?» сказала быстро дама, взглянувъ на студента вопросительно.

«По моему мнѣнію, вы говорите труизмы», сказалъ студентъ спокойно закуривая папирску.

Въ это время дверь отворилась и вошелъ высокій красивый господинъ съ пухлымъ лицомъ, въ цилиндрѣ, и съ нимъ правовѣдъ. Они начали оживленно говорить по-французски и раскладывать вещи. Господинъ подождалъ, пока они сѣли, и заговорилъ только тогда медленнымъ, немного дрожащимъ голосомъ.

«Вы говорите: труизмы», сказалъ онъ съ иронии-

ческой улыбкой студенту. «Ну и отлично. Тѣмъ лучше. Значить, вы согласны, если сопоставить все, что я сказалъ, что наученіе и трата энергіи должны идти параллельно всю жизнь. Не можетъ быть такого времени—я говорю не о моментѣ, а о періодѣ жизни—когда человѣкъ только бы учился или только работалъ. Нельзя вѣдь, чтобы человѣкъ сначала только пять лѣтъ ѣлъ, а потомъ пять лѣтъ ходилъ... Это раздѣленіе есть быстрая или медленная смерть...

«De quoi parlent-ils?» спросилъ господинъ въ цилиндрѣ правовѣда.

«Quelle betise est-ce... c'est probablement de l'Université», сказалъ правовѣдъ, оглядывая насъ.

«Какой же изъ этого выводъ?» спросила дама, закутываясь въ шаль.

«Очень простой. Мы устроили жизнь совсѣмъ иначе. Мы раздѣлили искусственно то, что должно идти вмѣстѣ: ученіе и работу. Половину жизни мы учимся въ гимназіяхъ и университетахъ, а половину работаемъ; а въ дальнѣйшемъ развитіи знанія будемъ учиться не 12—15 лѣтъ, какъ теперь, а тридцать-сорокъ... работать 40, а жить 50—60 лѣтъ. Вѣдь наука черезъ тысячи, десятки тысячъ лѣтъ разовьется до безконечности и сорокъ лѣтъ можетъ быть будетъ мало для изученія одного отдѣла, на что теперь тратится лѣтъ 12. Девять-десять лѣтъ учиться, а одну работать... А можетъ въ послѣдствіи всю жизнь будемъ учиться... вѣдь это логическій выводъ изъ этого раздѣленія и все увеличивающагося до безконечности знанія. Чудная перспектива!»

Онъ засмѣялся зло и холодно. Ироническій огонекъ въ его глазахъ вспыхнулъ сильнѣе и горѣлъ.

«*Ça doit être intéressant*», сказалъ господинъ въ цилиндрѣ, пристально всматриваясь въ него.

«Теперь вамъ понятно», сказалъ намъ незнакомецъ, «почему всѣ эти гимназіи, университеты и институты нелѣпы. Какія бы имъ ни давали автономію, свободу, что бы тамъ ни придумывали, все равно это коренного зла не устранить. Студенты мучаются и тоскуютъ потому, что ихъ заставляютъ жить непорочной жизнью, безъ дѣятельности на пользу ближнимъ. Вотъ почему всѣ учебныя заведенія и университеты вредны и ложны, какъ основанные на ложномъ началѣ раздѣленія. И надо все это для счастья людей уничтожить.»

«Это парадоксы», сказала рѣзко дама.

«Ваше мнѣніе мнѣ очень странно», сказалъ студентъ. «Это прямо безуміе по-моему. Чтожъ вы предлагаете? Чтобы не было университета, ни всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній... да это... да это, вы знаете, что... это гибель прогреса!»

«Гибель прогреса?» перебилъ его господинъ. «А я, наоборотъ, думаю, что всѣ наши высшія учебныя заведенія... мѣшаютъ прогресу. Да... да вы не возражайте!» крикнулъ онъ злымъ, почти обиднымъ голосомъ. «Я много объ этомъ думалъ, это такъ...»

«Это не такъ, и это вздоръ!» сказала дама.

«У нихъ свои мнѣнья, сударыня», сказалъ купецъ, не склоняясь ни на чью сторону.

«Нѣтъ, не вздоръ! Это правда. Если даже оставить

это принципиальное зло университетовъ, о которомъ я говорилъ сейчасъ, и стать на вашу точку зрѣнія, то все равно это ничего не спасаетъ... Университеты въ теперешнемъ ихъ видѣ не полезны, а скорѣе въ общемъ вредны людямъ. Вы согласны вѣдь, что полезно то, что существуетъ на благо всѣмъ людямъ, а не на благо одной части на счетъ другихъ...»

«Ну, согласенъ», сказалъ студентъ.

× «Согласны... ну, а... чему же служатъ наши высшія учебныя заведенія, если говорить откровенно? Вы, конечно, отлично знаете, что мы раздѣлены исторіей на властвующихъ и подвластныхъ. Университеты, конечно, полезны только первымъ. Народу они совершенно теперь безразличны и даже вредны, потому что поддерживаютъ это раздѣленіе и питаютъ тысячи чиновниковъ, нашего брата, кому онъ принужденъ служить. Лорія Энгельса вы читали вѣрно... Ну вотъ, нашъ братъ и есть вѣдь эти надстройки», сказалъ онъ какъ-то тихо и печально.

«Но вы говорили о студентахъ», сказала дама.

«Студенты чтожъ?» сказалъ господинъ, дѣлая порывистый жестъ рукою какъ будто отгоняя отъ себя что-то. «Роль ихъ ясна. Если принять то, что я говорилъ, то студенты ни болѣе ни менѣ какъ матеріалъ для нашей касты... Студенты держатъ искусъ, какъ древніе друиды, чтобы потомъ при помощи знаній, входя въ нашу счастливую касту, сидѣть на шеѣ простаго народа... Простите за рѣзкость... Вамъ непріятно быть можетъ... Но .. таково мое мнѣніе», сказалъ онъ тихо.

«Вы проповѣдуете какія-то необыкновенныя идеи», сказалъ студентъ.

Дама начала спорить, говоря, что это ретроградство имѣть такія убѣжденія и что съ ними нужно поступать въ полицію. Господинъ молчалъ и ничего не возражалъ.

«Позвольте узнать, съ кѣмъ я буду имѣть честь говорить?» спросилъ вдругъ господинъ въ цилиндрѣ, сидѣвшій до этого времени молча и внимательно слушавшій разговоръ. «Вы не чиновникъ?»

«Нѣтъ», сказалъ спокойно нашъ собесѣдникъ какъ-то иронически, неприятно засмѣявшись. «Я бывшій студентъ. Вышелъ изъ университета по убѣжденію...»

«Простите», сказалъ господинъ въ цилиндрѣ, окидывая его быстрымъ взглядомъ. Ваши мнѣнія очень интересны, хотя представляются всѣмъ намъ дѣйствительно необычайными. Было бы интересно узнать, какъ вы дошли до этого отношенія къ университету... Вѣдь поступали вы при иномъ отношеніи.. Если это не покажется вамъ нескромнымъ любопытствомъ...»

«Нѣтъ.. отчего же.. Я радъ рассказать. Быть можетъ, оно кому-нибудь объяснить кое-что. Во всякомъ случаѣ оно взято прямо изъ жизни».

Прошелъ контролеръ съ кондукторомъ и пробили билеты. Нашъ незнакомецъ подождалъ, пока они выйдутъ, и началъ.

XXVI.

«Ну-съ, такъ вотъ, я буду рассказывать про всю ту грустную исторію, отчего я вышелъ изъ универ-

ситета. Да... много разъ мнѣ приходилось говорить объ нашей alma mater съ посторонними и всегда я находилъ у всѣхъ одно и то же представленіе объ университетѣ, какъ о чемъ-то свѣтломъ, прекрасномъ въ родѣ рая. Такое же точно представленіе было у меня, 18-лѣтняго юноши, когда я впервые отправился сюда въ Петербургъ. Повѣрите ли, я былъ влюбленъ въ каждаго студента и обожалъ заочно каждаго профессора. Въ профессорѣ я видѣлъ нѣчто необыкновенно умное, развитое и стремящееся къ благу существо. Помню, я нарочно пересѣлъ изъ 1-го класса въ 3-й, чтобы ѣхать съ партіей студентовъ, и былъ чуть не гордъ, когда они позволили угостить ихъ на станціи коньякомъ. Слово «коллега» звучало для меня небесной музыкой.. Все это было такъ прекрасно. Да, какъ теперь вспомнишь, какой это былъ свѣтлый чадъ, такъ теперь даже прямо не вѣрится.

«Первое время въ университетѣ я ходилъ прямо какъ шальной. Въ университетъ я входилъ съ благоговѣніемъ, какъ въ храмъ, именно какъ въ alma mater... Такъ я прожилъ съ мѣсяцъ, пока жаръ не остылъ и охлажденіе не улеглось. Мало-по-малу все мнѣ стало привычно. Жилъ я однообразно.. Немного занимался, ходилъ по музеямъ, слегка игралъ въ карты и все такое. Съ мѣсяцъ еще прожилъ я кое-какъ, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день поймалъ себя на томъ, что мнѣ скучно... Сначала я подумалъ, что это единичное настроеніе. Но потомъ оно стало являться чаще. Петербургскія удовольствія я всѣ попробовалъ. Лекціи и профессора мнѣ стали знакомы и привычны;

знакомые мои жили такъ же однообразно, какъ и я. Старые студенты жили картами, выпивкой. Скоро я почувствовалъ, что моя жизнь не совсѣмъ то, что я думалъ раньше, что будто въ ней чего-то не хватаетъ, словно меня слегка обманули. Но я все еще не вѣрилъ... все ждалъ, гдѣ это «оно» настоящее студенческое, которое захватитъ меня и о которомъ всѣ люди отзываются съ такимъ восторгомъ. Я искалъ тѣхъ кружковъ, о которыхъ я слышалъ. Но нигдѣ этихъ кружковъ не могъ найти. Такъ прожилъ я мѣсяцъ, два—три. Ко второму же полугодію мало-по-малу я понялъ, что университетская жизнь есть далеко не то, какъ ее себѣ представляютъ, и что, будучи лучше гимназіи по свободѣ и отсутствію произвола, она обыкновенная сѣренькая, скучноватая, развратная жизнь.. Въ это время случились беспорядки и окончательно объяснили мнѣ, что такое представляютъ мои собраты студенты и наши профессора.

«Помню, какъ сейчасъ, одинъ моментъ. Было это во время первыхъ большихъ беспорядковъ. Я сидѣлъ вмѣстѣ съ другими въ одной изъ полицейскихъ частей, ожидая высылки домой со дня на день. Въ части было грязно, тѣсно, кормили какой-то бурдой, но настроеніе было такое высокое, полное вѣры въ силу добра и свѣта. Ежеминутно приходили къ намъ извѣстія о томъ, что дѣлается въ университетѣ. Повѣрите ли, нисколько не было жалко, что меня выгонять и что, быть можетъ, я разбилъ свою карьеру навѣки. Я даже радовался, что жертвую собою за правое дѣло. Только была тревога за то, какъ отнесутся къ намъ профессора,

поддержать ли насъ тѣ, за кого мы страдали. И вотъ, въ одну изъ такихъ томительныхъ неизвѣстностью минутъ, прибѣжалъ къ намъ кто-то и крикнулъ: «Господа, всѣ профессора за насъ. Они подали въ отставку, не желая экзаменовать въ такое время, когда ихъ слушатели сидятъ въ тюрьмѣ». Боже мой! какой поднялся восторгъ. Мы поздравляли другъ друга, кричали ура профессорамъ, чуть не плакали отъ радости. Я всю ночь не спалъ отъ радости и гордости за нихъ. Такое было настроеніе у всѣхъ, что если бы намъ нужно было пойти въ огонь за нихъ, то мы бы кинулись не задумываясь...»

Голосъ его задрожалъ. Онъ вынулъ платокъ и сталъ сморкаться, точно желалъ отъ насъ скрыть свое волненіе. Студентъ сосредоточенно молчалъ. Купецъ спалъ, кивая головою.

«Да-съ», сказалъ онъ, помолчавъ, страннымъ дрожащимъ голосомъ, какъ будто онъ былъ готовъ заплакать. «Да... Позже, когда насъ выслали, я узналъ, что все это было ложно. Профессора спокойно себя экзаменовали. Они даже не вступились за своихъ товарищей-профессоровъ, которые были уволены по тѣмъ или инымъ причинамъ. Даже этого простого товарищескаго чувства, которое есть у 10-лѣтнихъ кадетовъ и гимназистокъ, и того у нихъ не оказалось. Студенты же, мои братья, когда около 600 такихъ дурней, какъ я, было уволено, продолжали себя спокойно экзаменоваться и перешли на слѣдующій курсъ, тогда какъ мы всѣ остались. И тогда во мнѣ впервые шевельнулось недоброжелательство къ сту-

дентамъ и университету, и я началъ критически приглядываться къ нему.

«Позже, черезъ годъ, когда я былъ принятъ въ университетъ и пробылъ тамъ еще два года, я присмотрѣлся до тонкости къ университету и возненавидѣлъ его. Я узналъ всю студенческую настоящую жизнь и перепознакомился съ сотнями студентовъ... Я прожилъ въ немъ еще два года и все это время тосковалъ и плакалъ отъ ужаса своей жизни не переставая. Противны мнѣ стали и студенты съ ихъ тупостью, неразвитостью и развратомъ, еще болѣе противны мнѣ стали долбящіе науку профессора. Противна мнѣ стала вся эта мертвая, никому ненужная наука и весь духъ и строй университета. Я понялъ, что весь онъ построенъ на злѣ и служить злу. Жить въ немъ этой ужасной тоскливою, развратною жизнью, какъ жили мои товарищи, мнѣ стало больше, на четвертый годъ, невыносимо, и я вышелъ изъ него... Съ тѣхъ поръ я и сталъ бывшимъ студентомъ, и вотъ вся моя грустная исторія».

Онъ смолкъ и просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ, какъ статуя. Лицо его было блѣдно и сурово. Глаза смотрѣли какъ-то сосредоточенно-сухо. Мы молчали. Было тягостно. Студентъ, нахмутивъ брови, смотрѣлъ въ окно и больше не возражалъ. Купецъ проснулся и недоумѣвающе смотрѣлъ вокругъ. Господинъ въ цилиндрѣ всталъ и куда-то вышелъ.

Поѣздъ сталъ подходить къ станціи. Мелькнули въ окна фонари, вокзалъ, носильщики. Стали выхо-

доть изъ вагона. Нашъ незнакомецъ всталъ и, взявъ въ руки чемоданъ, вышелъ.

«Странный господинъ», сказалъ студентъ.

«Неулачникъ», сказала дама. «А это какая станція?» спросила она, выглядывая въ окно.

Разговоръ перешелъ на пустяки. Я поднялъ спинку и легъ наверхъ. Долго я еще не спалъ. Въ головѣ моей проносились вихрями различныя мысли. Я думалъ объ этомъ господинѣ, объ его исторіи, о себѣ самомъ и вообще объ университетѣ. И вдругъ въ головѣ у меня пронеслась мысль, что вѣдь этотъ странный человѣкъ нашелъ выходъ и значитъ живетъ теперь лучшею, по его мнѣнію болѣе счастливою жизнью... И мнѣ захотѣлось узнать этотъ выходъ, спросить, что онъ дѣлаетъ теперь, какъ онъ живетъ? Я вскочилъ со спинки и прыгнулъ внизъ. Но господина уже не было. Я выбѣжалъ на станцію, куда подошелъ поѣздъ, сталъ искать его вездѣ, въ столовой, въ уборныхъ, на платформѣ, чувствуя, что мнѣ непремѣнно нужно его найти.

Но его не было нигдѣ.

XXVII.

Вотъ уже недѣля, какъ я дома.

На дворѣ суровая, пушистая, снѣжная зима. Куда ни взглянешь, на небо, крыши домовъ, на улицу, все бѣло до боли. Когда прояснится небо и выглянетъ солнце, все становится серебрянымъ и производитъ холодное, чудное впечатлѣніе.

По цѣлымъ днямъ я сижу дома и читаю книги. Изрѣдка только выйду пройтись по Замковой, гдѣ цѣлый день фланируютъ праздные офицеры и болтаютъ разгуливая подъ ручку городскія барышни. Я забираюсь куда-нибудь далеко, иду по уединеннымъ переулкамъ, и каждое мѣсто, каждый домикъ вызываютъ во мнѣ множество очаровательныхъ дѣтскихъ воспоминаній. Я прохожу мимо домовъ знакомыхъ, встрѣчаю ихъ самихъ, обмѣниваюсь разговорами о городскихъ новостяхъ и интересахъ, и снова меня охватываетъ городская атмосфера сѣренькой жизни, мелкихъ заботъ, узкихъ радостей и тихонькой жизни.

Я часто прихожу на Губернаторскій бульваръ и сажусь на скамейку. Отсюда открывается видъ на весь городъ, и онъ лежитъ внизу передо мной, такой маленькій, скучный и убогій. Я смотрю на него въ задумчивости и невольно поднимаются въ умѣ о немъ мысли.

Удивительный городъ!..

Я ненавижу его до глубины души... Это городъ сплетень, мелкаго эгоизма, узкихъ умовъ и душъ, лишенныхъ свѣта. Жизнь ихъ похожа на существованіе амевъ. Это городъ чиновниковъ, которыхъ черепа слишкомъ обширны для ихъ мыслей. Городъ праздныхъ барынь, скучающихъ дѣвицъ и глупыхъ офицеровъ. Чѣмъ живутъ эти тысячи людей, къ какому идеалу они стремятся? Жизнь, ихъ бѣжитъ, какъ тихая рѣчка, среди службы, обѣдовъ, нарядовъ и скуки... бѣжитъ до могилы.

Я сижу здѣсь подолгу на скамейкѣ по вечерамъ,

пока совсѣмъ не стемнѣтъ, днемъ же провожу дома въ обществѣ родныхъ. Ихъ у меня трое: отецъ и двѣ сестрицы.

Отецъ директоръ женской гимназіи. Это высокій, худой мужчина съ сѣрыми глазами подъ нависшими бровями и краснымъ носомъ. Въ дѣтствѣ я боялся его и его именемъ насъ, дѣтей, пугали. Теперь, когда я выросъ, отъ прежняго отношенія осталось какое-то чувство неловкости и отчужденія. Мы съ нимъ никогда не споримъ, но ни съ кѣмъ мнѣ такъ не трудно вести разговоръ, какъ съ нимъ. Гимназистки говорятъ, что онъ тяжелъ и придирчивъ. Съ учителями онъ держитъ себя очень властно. Каждый годъ онъ на актѣ произноситъ оканчивающимъ ученицамъ рѣчь о томъ, что учиться дальше для нихъ лишнее и назначеніе женщины быть матерью. Въ городѣ онъ слыветъ отличнѣйшимъ и достойнымъ человѣкомъ и отцомъ. По-моему же это прямо тупой, нудный и неинтересный человѣкъ.

Двѣ сестры мои, одна Антонина, а другая Ольга, ведутъ обыденную городскую жизнь сплетень и знакомства и скучаютъ. Старшей, Антонинѣ, теперь 28 лѣтъ. Она высока ростомъ, пухла и некрасива. Она никогда не пользовалась успѣхомъ среди мужчинъ, но до сихъ поръ, какъ кажется, въ душѣ не потеряла надежды выйти замужъ. По утрамъ она читаетъ фельетонные романы и завѣдуетъ хозяйствомъ. По вечерамъ она ждетъ знакомыхъ, которыхъ у нея масса, и приноситъ домой все то, что за день случилось. Она принимаетъ участіе во всѣхъ благотвори-

рительныхъ спектакляхъ, живыхъ картинахъ и любить хорошо одѣваться. Молодые люди зовутъ ее почему-то «тетей Тосей».

Ольга нѣсколько въ иномъ типѣ. Она моложе—ей 24 года—и недурна еще собою. Когда-то она была красива, но время подточило ея красоту. Ольга по природѣ имѣетъ нѣкоторые художественные задатки. Она играетъ на рояли, недурно рисуетъ акварелью головки и отлично вышиваетъ гладью. Она лѣнива, не любитъ никуда ходить и лежитъ по цѣлымъ часамъ на диванѣ съ книжкой въ рукѣ или такъ... О чемъ она думаетъ въ это время? Быть можетъ, о томъ, что она неглупа, молода и была красива и уходить такъ безъ цѣли и наслажденія ея молодая дѣвичья жизнь... Быть можетъ, отказавъ двумъ глупымъ офицерамъ, она мечтаетъ объ идеальномъ прекрасномъ мужчинѣ, которому-бъ она могла подарить свою молодость, или жалѣетъ, что она напрасно тѣмъ отказала. Въ послѣднее время она часто плачетъ и стала религіозна... Бѣдная Ольга!

Когда мнѣ надоѣдаетъ сидѣть дома, я отправляюсь въ клубъ поиграть на билліардѣ. Здѣсь мнѣ знакомо все до мелочей. Швейцаръ Василій, сѣдой, съ золотыми галунами и въ длинной ливреѣ, старикъ, кланяясь мнѣ какъ старинному знакомому, всегда сообщаетъ какую-нибудь новость.

«Сегодня господинъ Б. скончались. Вынось въ Петропавловскую церковь».

Или:

«Завтра у насъ маскарадъ будетъ».

Билліардъ, когда я прихожу туда, уже полонъ народу. Это нашъ студенческій клубъ. Здѣсь Гусевъ, Николай Долговъ и другіе. Меня встрѣчаютъ дружнымъ восклицаніемъ:

«А, первый билліардистъ!.. Пожалуйте. Что давно не были?»

Въ большой накуренной комнатѣ жарко и сухо. Игроки, въ чесунчовыхъ «билліардныхъ» пиджакахъ, растопыривъ ноги стоятъ у зеленыхъ билліардовъ и бьютъ кіями въ шары. Летаютъ обычные слова:

«Отъ двухъ налѣво въ лузу».

«Дуплетъ въ уголъ».

Прежде, когда я, гимназистомъ, бѣгалъ въ билліардныя со страхомъ, что меня поймаетъ шпіонъ, игра мнѣ доставляла трепетное наслажденіе. Теперь, когда страха нѣтъ, исчезла былая волнующая прелесть запрета. Осталась одна привычка къ этому катанію шаровъ, даже къ этой комнатѣ, къ зеленымъ билліардамъ, маркерамъ, къ пустымъ игральнымъ разговорамъ. За одной партіей слѣдуетъ другая и третья, и такъ убѣгаетъ время... Играю я со всѣми, но обыкновенная моя партія Антонъ или Володя Громовъ и Эдуардъ Лойко. Это завсегдатаи клуба и вѣчные представители неумирающей «золотой молодежи». Они здѣсь толкуются съ утра до поздняго вечера и болтаютъ.

Громовъ—нотаріусъ. Контору свою онъ сдалъ въ аренду, а самъ порхаетъ по городу вольной птишкой. Это непремѣнный членъ всѣхъ обѣдовъ по подпискѣ, вечеровъ, вообще того, гдѣ можно потанцовать и хорошо покушать. Отъ бессонныхъ ночей и служенья

Вакху и Венерѣ у него волочатся ноги и текутъ произвольно изъ глазъ слезы. Собачья старость одолеваетъ.

Помѣщикъ Лойко—мужчина 45 лѣтъ, сухой и худой, какъ жердь. Онъ носитъ висячіе бакенбарды и закрываетъ искусно причесанными жидкими волосами большую плѣшку. Одѣтъ онъ всегда по послѣдней модѣ, со вкусомъ. Въ послѣднее время онъ носитъ необыкновенно узкія сѣрыя брюки и красный галстукъ, и увѣряетъ, что въ Парижѣ ходятъ такъ всѣ французы. Лойко имѣетъ большой успѣхъ у дамъ и слыветъ если не львомъ, то по крайней мѣрѣ для женскихъ сердецъ «enfant gâté et terrible». Изыскная наружность и лавры Амура не мѣшаютъ однако ему быть хорошимъ дѣльцомъ и заниматься таинственными аферами, отъ которыхъ теперь онъ составилъ себѣ хорошенкій капиталецъ. Мужчины зовутъ его «прихвостнемъ бабъ», а дамы ласково Эдинькой... Но какъ бы то ни было, Эдинька человѣкъ пужный всѣмъ и незамѣнимъ въ обществѣ.

Когда онъ бываетъ въ хорошемъ настроеніи духа, послѣ игры онъ всегда рассказываетъ намъ анекдоты. Онъ рассказываетъ вообще хорошо, но главнымъ образомъ онъ спеціалистъ по неприличнымъ анекдотамъ. Въ послѣднее время онъ ѣздилъ на Кавказъ и привезъ цѣлую серію ихъ изъ армянской жизни...

«Эхъ, господа», говоритъ онъ вдругъ, закладывая за галстукъ салфетку. «Посмотрю я на васъ... Простите меня—какіе вы студенты».

«А что такое?.. Почему-жъ не студенты?» протестуемъ мы.

«Молокососы вы. Жить не умѣете. Смаку настоящаго не знаете. То ли дѣло мы, старые студенты. Мы все отъ нея брали... Самый цимусъ... Сливки съ нея слизывали. И жили какъ добрые гусары. Правду ли я говорю, Яковъ Семенычъ?»

«Совершенно вѣрно», басить съ другого стола Громовъ. «Мелкота нынче пошла. Шематоны какіе-то, лоботрясы... огурчики зеленые».

«Помню я», говоритъ Эдинька вздыхая и поднимая стаканъ съ виномъ на свѣтъ и сладко улыбаясь отъ плѣнительныхъ воспоминаній. «Помню я, какъ мы: графъ Сабуровъ, Ковандинъ—теперь вице-губернаторъ, Элегонскій—красивый какой былъ малый!.. гдѣ они теперь?—какъ всѣ мы бывало закутимъ напропалую... только держись. Скандалимъ, бушуемъ, приѣдемъ въ maison, всѣхъ дѣвочекъ кверху ногами поставимъ... Альказаръ разгромимъ... А Лохтинъ—потомъ въ актеры пошелъ—онъ бывало каждый понедѣльникъ билъ содержателя Чернаго Якоря—ресторанція такая на Васильевскомъ была... Теперь уже ее нѣтъ... Побьетъ бывало, а потомъ деньги даетъ... и никогда до полиціи не доходило... Да... пили, скандалили, заимовывали на славу...»

«Это и теперь есть», говорю я.

«Не то, ангелъ мой», говоритъ нѣжно Эдинька, хлопая меня по колѣну. «Развѣ теперь скандалы... скандальчики какіе-нибудь... мизеръ. Вы и разоитись не умѣете. 8-го февраля какъ теперь празднуете? Чу-

пистика... какія-то вечеринки марксистскія вздумали устраивать. Дѣвчоночку какую-нибудь ущипнете, да оглядываетесь, нѣтъ ли по близости начальства. Нѣтъ, милый, не то, не тѣ времена», говоритъ онъ грустно вздыхая и запивая вино.

«Я на первомъ курсѣ полбутылки очищенный въ день пилъ, а на третьемъ меня кондрашка чуть не хватилъ», хрипитъ издали Громовъ, заѣдая сочный бифштексъ.

«Не такъ живутъ студенты. Зубристикой занимаются, какъ гимназисты. Студенческая жизнь это выпивахомъ, картишки и побольше дѣвчонокъ. Vivant omnes virgines или какъ тамъ?..» говоритъ Эдинька вставая. «Идемте что ли, еще партіей перекинемся. Что, кстати», вспоминаетъ онъ, «будетъ нынче вечеръ нашъ (студенческій) что ли?»

«Какъ же», говоритъ кто-то. Николай обѣщалъ завтра поѣхать къ Пшебердицкому просить его быть устроителемъ. Не забылъ бы онъ?...»

«Не забуду», вскричалъ Николай. «Обязательно завтра поѣду».

«Смотрите, господа», говоритъ Эдинька. «Нынче чтобъ былъ настоящій вечеръ со скандальчикомъ и съ прочимъ маринадомъ... По-настоящему, по-веселому, по-студенчески. Ладно!.. Ну идемте играть».

«Эхъ скучно что-то!» говорю я, беря подъ руку Долгова. «Нечего дѣлать, прямо хоть ложись, да помирай».

«Да», соглашается онъ, «тощица ужасная. Къ дѣвицамъ развѣ поѣхать?»

«Ну васъ къ монаху! Надоѣло это. Сыграемъ еще партію отъ скуки. Ей, маркеръ!.. поставь-ка пирамиду».

XXVIII.

Николай сдержалъ обѣщаніе и на слѣдующій день привезъ отвѣтъ, что Пшебердицкій взялся быть устройтелемъ. Мы принялись за устройство. Теперь цѣлыми днями я занятъ, ѣзжу вмѣстѣ съ другими приглашать дамъ, развожу билеты, хлопочу о всякихъ мелочахъ, такъ что домой пріѣзжаю только ночью. На билліардѣ теперь еще больше народу; здѣсь центральный пунктъ, и рѣшаются всякіе вопросы.

Въ день вечера я пріѣхалъ на минуту домой, чтобы переодѣться и былъ уже въ сюртукѣ, совсѣмъ готовъ, чтобы ѣхать, когда мальчикъ изъ гостиницы принесъ мнѣ записку отъ Антона.

«Ждемъ тебя у Раголова (въ гостиницѣ). Приходи непременно. Объясненіе на мѣстѣ».

«Что это такое можетъ быть?» сказалъ я себѣ, перевертывая со всѣхъ сторонъ записку. «Да... навѣрное что-нибудь пикантное. Да, навѣрное женщины», подумалъ я, сходя внизъ и садясь на извозчика съ жизненнымъ чувствомъ избытка юношескихъ силъ. «Ну да все равно отъ скуки».

Знакомый гостиничный швейцаръ Осипъ, долговязый услужливый малый, снялъ съ меня ловкими руками пальто и, держа вдали отъ головы галунную фуражку, улыбаясь почтительно, передалъ мнѣ, что меня просятъ пройти въ 27-ой номеръ. Я поднялся по ковру во второй этажъ. Въ коридорѣ было тихо. Изъ сосѣднихъ номеровъ звенѣли посудой и раздавался чей-то

женскій голосъ, перебиваемый густымъ мужскимъ смѣхомъ. Я постучалъ въ № 27-ой. Мнѣ крикнулъ голосъ Антона:

«Войдите».

Я отворилъ дверь. Въ большомъ, освѣщенномъ лампой номерѣ, лежалъ на постели Орловъ, въ рубашкѣ и брюкахъ, и курилъ папиросу. Рысь и Антонъ въ сюртукахъ на распашку, приложивъ ухо къ стѣнѣ, о чемъ-то переговаривались съ обитателями сосѣдняго номера. Рысь, увидавъ меня, закивалъ дружески головой и замахалъ къ себѣ рукою.

«Это вовсе не я былъ», говорилъ, не отрывая ухо отъ стѣны и улыбаясь кому-то, Антонъ.

«Вы... вы, неправда... я отлично васъ помню», говорилъ изъ-за стѣны женскій, звонкій, немного картавий голосъ.

«Увѣрю васъ».

«Ахъ, оставьте пожалуйста ваши увѣренія!»

«Въ чемъ дѣло?» сказалъ я, подходя и пожимая имъ руку. «Съ кѣмъ это вы переговариваетесь?»

«Тс!» сказалъ мнѣ Рысь, прикладывая палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія, и понизилъ голосъ. «Какія-то дѣвицы здѣсь. Чортъ ихъ знаетъ кто.. неизвѣстнаго званія... Только не «дѣвочки», а выше», сказалъ онъ вполголоса, улыбаясь и вслушиваясь, что говорили, «мы за обѣдомъ съ ними познакомились. Одна евреечка, съ черными глазенками, сказалъ онъ, оживленно блестя глазами. «Смакъ что такое!»

«Вы съ кѣмъ это разговариваете?» спросилъ вдругъ изъ-за стѣны новый низкій голосъ.

«Съ однимъ студентомъ», сказалъ Рысь, наклоняясь и прикладывая ухо къ стѣнѣ. «Позвольте вамъ его представить. Страшно влюбленъ въ васъ и хочетъ познакомиться.

Голоса засмѣялись и начали о чемъ-то переговариваться. Низкій голосъ спросилъ:

«Какъ же они влюблены, когда они насъ не знаютъ?»

«Это ничего не значить. Онъ влюбленъ въ васъ не видя. Это новая мода. Такъ можно познакомить его?»

За стѣной послышались голоса. Кто-то отказывался, а другой голосъ настойчиво убѣждалъ.

«Какъ же это вы говорите, а можетъ они не хотять?» спросилъ картавый голосъ.

«Страшно хочу», закричалъ я, поддаваясь общему настроенію.

«Зачѣмъ?»

«Странное дѣло, да такъ себѣ. Зачѣмъ люди знакомятся. Будто не понимаетъ, зачѣмъ съ нею хотять познакомиться?» сказалъ Рысь съ улыбкой. «Не о философіи, конечно, говорить».

«Нѣтъ, нельзя», сказала контральто.

«Ну, позвольте», прохрипѣлъ Антонъ.

«Нельзя».

«Умоляемъ васъ».

«Нельзя... нельзя».

«Мы не можемъ сдержать нашихъ чувствъ!» сказалъ я.

«Мы умремъ, если васъ не увидимъ!» воскликнулъ Рысь.

«Бросьте... что на нихъ смотрѣть», сказалъ Антонъ.

Мы вышли въ коридоръ, толкая другъ друга. Никого не было. Лакей, несшій кому-то поднось съ чаемъ, остановился и съ сочувственной улыбкой господскому ухаживанью смотрѣлъ на насъ.

«Кто это такіе, не знаешь?» спросилъ я, подходя къ нему.

«Не могу знать. Съ недѣлю ужъ здѣсь живутъ. Должно дѣвицы какія... поютъ все. Развѣ ихъ разберешь», сказалъ онъ, изображая на лицѣ почтительную готовность намъ услужить.

«Хорошенькія?»

«Ничего. Одна барышня красивая, а другая маленько похуже будетъ. Тоже ничего, а только хуже противъ первой», сказалъ лакей, дѣлая поправку къ своимъ словамъ и колеблясь, какъ опредѣлить барышень.

«Жаримъ прямо въ номеръ», сказалъ Антонъ и, подойдя къ двери, отворилъ ее слегка и просунулъ голову. Въ номерѣ слышался легкій женскій крикъ. Кто-то, шурша платьемъ, подбѣжалъ къ двери и сталъ запираеть ее.

«Отчего нельзя?» убѣждалъ кого-то Антонъ настойчивымъ голосомъ, не отступая и не вынимая головы изъ номера.

«Серьезно прошу васъ уйти, а то я лакея позову», говорилъ женскій голосъ изнутри.

«Но странно... отчего же?»

Мы окружили Антона и стали, толкаясь, надавливать на дверь. Я видѣлъ чьи-то большіе черные глаза, красную кофточку еяріе и небольшую женскую руку,

тинувшую къ себѣ дверь. Толкаясь и болтая всякій вздоръ, мы понемногу влѣзали въ комнату. Теперь можно было разглядѣть небольшой, но уютный, уставленный пуфами номеръ и нашихъ собесѣдницъ. Одна блондинка, въ высокой прическѣ, съ сѣрыми выпуклыми глазами, въ черномъ платьѣ плиссэ, сидѣла на диванѣ и, держа въ рукахъ гитару, улыбаясь смотрѣла, какъ мы влѣзали, не двигаясь съ мѣста. Другая, высокая брюнетка, съ блѣднымъ лицомъ и тонкимъ носомъ, все еще не пускала насъ, держа одной рукою за дверь, а другою упершись въ стѣну.

«Что вамъ нужно, господа, не понимаю», говорила она картавя. «Уйдите... прошу васъ... это нахальство!»

Она говорила это, но ея большіе черные глаза сіяли смѣющейся веселостью и приглашали насъ къ пиному. Глаза эти сказали намъ, что нужно дѣлать.

«На одну минутку только», говорилъ бессмысленныя слова Рысь. «Позвольте познакомиться... Прошу васъ».

«Мы уйдемъ сейчасъ», сказалъ Орловъ.

Мало-по-малу она сдалась и отошла къ окну. Мы представились.

«Только смотрите... на одну минутку», сказала она строго.

«Ни секунды больше», говорили мы.

Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли съ дѣвушками и болтали. Роза—это было имя брюнетки—сначала неохотно, а потомъ оживившись, рассказала намъ, что она еврейка изъ Минска и что пріѣхала сюда для подруги по одному важному дѣлу. «Мы съ ней такъ дружны, что никогда не расстаемся», сказала Роза,

«хотя говорятъ, что евреи и христіане другъ друга не любятъ».

«Нѣтъ, почему?» сказалъ Рысь. «Я люблю хорошенькихъ евреекъ».

Черезъ полчаса мы и не думали уходить, а разговаривали во всю. Антонъ позвонилъ и велѣлъ подать вино. Мы пили за здоровье дѣвицъ и за успѣхъ ихъ дѣла. Роза и Поля—такъ звали ихъ—пили за студентовъ. Въ концѣ концовъ всѣ немного опьянѣли и стали говорить вольности. Рысь принесъ Розѣ гитару и просилъ ее пѣть. Она сначала немного поломалась, но потомъ взяла длинными, тонкими пальцами нѣсколько аккордовъ и запѣла:

«Подъ чарующей лаской твоею
Оживаю я сердцемъ опять».

Она растягивала слова и пѣла немного въ носъ. Голосъ у нея былъ небольшой, но пріятный. Когда она улыбалась, я замѣтилъ, что у нея мелкіе, бѣлые зубы и что глаза ея блестѣли оживленіемъ.

Мы стали просить ее спѣть что-нибудь веселенькое. Она подумала и тряхнула головой:

«Охъ, Гейша, пой, играй, пляши,
Смирй тоску своей души».

запѣла она въ носъ, стучая каблучкомъ по полу. Мы хоромъ подтягивали ей.

Черезъ часъ мы были сильно навеселѣ, хохотали безъ причины и стали рассказывать всякіе анекдоты. Орловъ уѣхалъ въ клубъ. Рысь и Антонъ ушли съ

Розой въ свой номеръ и оттуда слышались протяжные звуки струнъ и ея громкій смѣхъ.

Я подошелъ и потушилъ лампу.

«Что это вы дѣлаете?» сказала ословѣвшимъ голосомъ Поля, подымая на меня глаза. Я молча сѣлъ около нея и взялъ ее за руки.

Въ сосѣднемъ номерѣ упала со звономъ гитара и кто-то вскрикнулъ. Звуки дрожащихъ струнъ долго колебались въ воздухѣ и затихли въ темнотѣ.

XXIX.

Когда мы пріѣхали въ клубъ, было уже окончанье. Всѣ столпились въ залѣ и стояли около студентовъ. Пѣли «Gaudeamus», перевирая слова и растягивая окончанье. На всѣхъ лицахъ толпившихся кругомъ мужчинъ и дамъ было любопытство и то выраженіе, съ которымъ смотрять на заморскую необыкновенную рѣдкость или китайца, пріѣхавшаго въ Россію. Офицеры стояли подтянуто-коректно, какъ во фронтѣ, какъ бы желая оказать уваженіе хоть и чуждымъ, но понятнымъ имъ традиціямъ. Барышни переговаривались и дѣлали глазки интереснымъ кавалерамъ.

«Gaudeamus» пѣли три раза съ возроставшимъ оживленіемъ. Мировой судья Прокофьевъ, сильно опьянѣвшій отъ коньяка, который онъ покупалъ у хорошенекихъ продавщицъ, высокій, бородатый мужчина, стоя въ серединѣ, дирижировалъ размахивая руками. Когда кончали, онъ подхватывалъ снова съ середины какой-

нибудь куплетъ и оралъ такимъ басомъ, что заставлялъ начинать всѣхъ. Товарищъ прокурора Красногорскій, длинный, какъ жердь, мужчина съ лицомъ Мефистофеля, держа студентовъ за руки, умолялъ пѣть «Нагаечку», но его не послушали.

Послѣ пѣнія стали качать. Качали сначала устроителя вечера, присяжнаго повѣреннаго, поляка Пшебердицкаго, высокаго жирнаго мужчину съ длинными бѣлокурыми усами. Всѣ кидались къ нему толпой и, хватая его за фалды фрака и брюки, нѣсколько времени раскачивали, а потомъ подкидывали съ громкимъ крикомъ и брали за что попало, когда онъ падалъ. Фигура Пшебердицкаго, съ длинными, болтавшимися въ воздухѣ ногами и взбившимися брюками, такъ что видны были кальсоны, была смѣшна, но всѣ исполняли качаніе, точно священнодѣйствовали. Послѣ него качали Громова, Эдиньку и другихъ. Когда подкинули Прокофьева, то не могли его сдержать, и онъ со всей силы грохнулся на полъ и тѣмъ вызвалъ общій смѣхъ.

Въ залѣ стали тушить огни, и публика начала расходиться. Присяжный повѣренный Пшебердицкій предложилъ для единенія бывшихъ и настоящихъ студентовъ поужинать вмѣстѣ, и всѣ пошли въ столовую. За ужиномъ сидѣли локоть объ локоть, пили и произносили рѣчи. Присяжный повѣренный Пшебердицкій первый произнесъ пламеннымъ голосомъ рѣчь о великомъ значеніи университета, какъ разсадника свѣта и добра, и пригласилъ присутствующихъ почтить университетъ троекратнымъ «ура».

Ура кричали съ полнымъ единодушіемъ. Послѣ этого стали держать рѣчи другіе. Студентъ Болтинъ, худой, горбоносый малый съ итальянскимъ лицомъ, выразилъ отъ имени всѣхъ студентовъ благодарность Пшебердицкому за его труды и говорилъ объ огромномъ значеніи студенческихъ вечеровъ въ силѣ поддержания университетскихъ традицій. Эдинька, держа въ рукѣ стаканъ вина и вставъ на скатерть, заплетаящимся голосомъ говорилъ о томъ, что теперь уже студенты не то, что раньше, и въ заключеніе разсказалъ совершенно новый неприличный анекдотъ изъ армянской жизни. Громовъ хотѣлъ что-то сказать, но пошатнулся и выронилъ стаканъ изъ рукъ. Его посадили и онъ заплакалъ собачьими слезами. Потомъ снова пѣли «Gaudeamus», потомъ исполнили «Марсельезу» и наконецъ къ великой радости товарища-прокурора Красногорскаго «Нагаечку».

Стало свѣтать и окна блѣднѣли. Пришелъ дежурный старшина, старичокъ, и умолялъ разойтись, а потомъ сталъ грозить штрафомъ. Но его не слушали, и присяжный повѣренный Пшебердицкій грозилъ выставить старшину за дверь, если онъ не уберется, и предложеніе его было поддержано. Кто-то вдругъ крикнулъ: «Пойдемъ въ гостиницу!» и всѣ сразу, толкая другъ друга, повалили въ переднюю, оставивъ трупамъ нѣсколько человѣкъ. На извозникахъ ѣхали на колѣняхъ другъ у друга и пѣли на всю улицу къ ужасу обывателей «Gaudeamus».

Въ гостиницѣ опять ужинали, пѣли и предлагали тосты на тѣ же темы. Опять присяжный повѣренный

Пшебердицкій говорилъ о великомъ значеніи университетовъ, а Эдинъка бранилъ нынѣшнихъ студентовъ. Громовъ уже ничего не пытался говорить, а только невнятно мычалъ. Кто-то предложилъ послать телеграмму въ Нью-Йоркъ американскимъ коллегамъ, и предложеніе было съ рукоплесканіями принято. Откуда-то появилось нѣсколько подозрительныхъ статскихъ и два офицера отрекомендовали себя капитаномъ Ледницкимъ и поручикомъ Фехтомъ. Ихъ приняли въ компанію. Одинъ изъ студентовъ пилъ за доблестную русскую армію и за полкъ, гдѣ они служили. Капитанъ Ледницкій назвалъ себя студентомъ въ душѣ и сталъ говорить стихи изъ Вергилія. Поручикъ Фохтъ объявилъ, что онъ готовится въ «высшее учебное заведеніе», академію, и всѣ стали звать его коллегой. Потомъ стали цѣловаться другъ съ другомъ и устроили жжѣнку.

Стало уже сильно разсвѣтать. Свѣчи догорали и сливались съ дневнымъ свѣтомъ, когда начали понемногу расходиться... Большинство заняло сосѣдніе номера и отовсюду раздавался храпъ... Николай съ капитаномъ Ледницкимъ сталъ играть на билліардѣ, но ему сдѣлалось нехорошо и онъ, ставъ надъ лузой, рвалъ туда, а лакей подчищалъ за нимъ... Барановскому, студенту перваго курса, еще молоденькому мальчику, стало дурно и онъ прилежъ на диванъ. Я лежалъ въ сосѣднемъ номерѣ и слышалъ, какъ поручикъ Фохтъ умолялъ Барановскаго позволить ткнуть ему пальцемъ въ горло, увѣряя, что тогда его вырветъ и все какъ рукой сниметъ.

Солнце виходило и, озаря комнату, играло на стѣнѣ золотыми лучами.

XXX.

Сквозь утренній слабый сонъ я почувствовалъ, что-то тяжелое сѣло на меня и толкнуло меня сперва въ одну, потомъ въ другую сторону и гдѣ-то далеко кто-то засмѣялся и послышался сперва одинъ, потомъ другой знакомый голосъ. Сильный толчокъ въ спину согналъ сразу остатки моего сна. Я открылъ глаза и увидалъ, что на моей постели, на моихъ ногахъ, сидитъ Рысь и, смотря на меня, смѣется. «Гдѣ я? зачѣмъ Рысь?» подумалъ я, приготовляясь снова заснуть; какъ вдругъ Рысь вскочилъ и сдернулъ съ меня одѣяло. Я приподнялся, озираясь на какую-то незнакомую мнѣ комнату и соображая, гдѣ бы я могъ находиться, когда голосъ Николая—онъ сидѣлъ на подоконникѣ и курилъ папиросу—вернулъ меня къ сознанію дѣйствительности.

«Ну чего-тамъ... Вставай. Не вѣкъ же спать будешь!» закричалъ онъ, смѣясь весело глазами.

«Ахъ... да вѣдь я въ гостиницѣ... Да... вчера былъ вечеръ... Да... напился всѣ, а потомъ пѣли... Да... я легъ спать здѣсь... Да, припоминаю», сказалъ я, потягиваясь съ просонья и оглядываясь по сторонамъ.

«Что, еще рано?» спросилъ я.

«Помилуй... какое рано... половина второго. Я цѣлую ночь не спалъ», сказалъ Рысь, радостно улыбаясь, какъ будто это было очень весело и прекрасно. «Интересная исторія вчера случилась... Вотъ, братъ, потѣха, такъ потѣха!»

«А что такое?» спросил я, начиная одѣваться.

«Понимаешь, ты остался здѣсь... Мы тебя уложили, а самъ поѣхали. Я тоже былъ на седьмомъ взводѣ, да хватилъ нашатырю и, понимаешь, какъ рукой сняло... чудное средство!.. Ну поѣхали: я, Антонъ, Васька и другіе... какіе-то... теперь не помню... Васька—это—разгулялся во всю... ѣдемъ, говоритъ, въ Яхть-Клубъ громить... тамъ сегодня маскарадъ... Приѣхали... народу мало... однѣ горничныя и куфаріи ходятъ. Васька сейчасъ въ буфетъ... нализался тамъ и сейчасъ въ залъ... Прихожу я... что такое? Скандаль! Васька бушуетъ, хватается всѣхъ масокъ за что попало... оретъ на всѣхъ... кадрили остановилъ... все разнесъ въ дребезги... И ничего съ нимъ сдѣлать не могутъ. Пришелъ дирижеръ... просить, уведите, говоритъ, вашего товарища, а то полицію позовемъ... Ну... кое-какъ, понимаешь, уволокли его. Повезли домой... ну, а потомъ»...

Рысь засмѣялся и замахалъ руками, какъ бы показывая, что онъ не можетъ говорить отъ смѣху.

«Хороши ребята!» сказалъ я.

«Нѣтъ, представь, что было дальше. Васька на полу-пути не хочу, говоритъ, ѣхать домой... Ѣдемте въ Веселый переулокъ. Мы его уговаривать... Никакихъ резоновъ... заупрямился, какъ быкъ... ты его знаешь, какой онъ, когда выщеть... Если вы не поѣдете, я, говоритъ, одинъ поѣду. Ну, а какъ его отпустить. Ну поѣхали... приѣзжаемъ... не пускаютъ. Сейчасъ блокаду... устроили... Ворвались... и пошла кутерьма».

«Ну и чтожь вышло?» спросилъ я.

«Васька, понимаешь, разошелся во всю... «Не хочу, говорить, никого... Подавайте мнѣ хозяйку... никакихъ гвоздовъ». И не шутя, а въ серьезъ... Разошелся... прибѣжали какіе-то мужчины... городовые нашли... Драка поднялась... кто-то еще разлилъ лампу... мебель загорѣлась... Дѣвицы пищать... крикъ... гвалтъ... шумъ... Скандалъ ужасный вышелъ.

«Чѣмъ же кончилось?» спросилъ Николай.

«Сегодня къ полицмейстеру поѣхали и просили замять дѣло. Васька далъ хозяйкѣ 50 рублей... кажется, ничего... потушить... Но все же заварили кашу? Ну, а ты вставай», сказалъ онъ мнѣ, «приходи внизъ... Мы будемъ играть на билліардѣ, я тебѣ кое-что интересное сообщу... Да, вотъ тебѣ письмо какое-то швейцаръ далъ передать», сказалъ онъ, бросая мнѣ небольшой розовый конвертъ, «такъ приходи... ждать будемъ».

Они ушли; я вскочилъ и поднялъ съ полу письмо. Я не повѣрилъ сначала тому, что я прочелъ... «Неужели отъ нея... зачѣмъ?... для чего?»—спрашивалъ я себя, распечатывая лихорадочно письмо дрожащими руками и узнавая мягкій милый почеркъ. Сердце мое сильно билось.

«Приходите послѣзавтра... въ четвергъ... къ 5 на Губернаторскій бульваръ. Мнѣ нужно непременно поговорить съ вами.

«Ваша Люба».

Я смотрѣлъ на этотъ милый, слегка надушенный конвертъ и покрылъ его поцѣлуями какъ институтка...

Мнѣ стало и стыдно и больно за вчерашнее, такъ не вязавшееся съ нѣжнымъ чистымъ представленіемъ о ней. «О чемъ это ей нужно поговорить со мной?» думалъ я, строя тысячи предположеній и ни на одномъ не могъ остановиться. Цѣлый сегодняшний день и слѣдующій для меня тянулись нестерпимо-долго... Моя мысль обѣгала тысячи возможностей и никакого объясненія не могла придумать. Въ четвергъ съ утра я былъ въ какомъ-то напряженно-нервномъ состояніи и черезъ полчаса подходилъ смотрѣть на часы. Въ пять часовъ я одѣлъ пальто и вышелъ изъ дому.

XXXI.

На дворѣ вечерѣло. Въ воздухѣ тепло и таетъ. Подъ ногами стоятъ лужи и идти скользко и неудобно. Темно-сѣрыя тучи какъ-то непривѣтливо ползутъ по небу. Какъ-то тяжело и грустно-грустно.

Идя по бульвару, я жадно смотрю по сторонамъ. Внизу по той сторонѣ рѣки разстилались небольшіе еврейскіе домики... На рѣкѣ, покрытой льдомъ, по самой серединѣ стояла большая прорубь... Справа на дорогѣ высилось большое бѣлое зданіе семинаріи и соборъ. Деревья слабо покачивали голыми вѣтвями. Я шелъ скользя по мокрому снѣгу, о чемъ-то безпредметно задумавшись. Я забылъ про наше свиданіе, про нее и шелъ совершенно машинально, словно по инерціи. Я прислушивался къ стуку своихъ шаговъ, къ шелесту вѣтокъ и таянію воды.

Съ той стороны донесся протяжный гудокъ. Я очнулся и посмотрѣлъ налѣво. И тутъ же сейчасъ я вспомнилъ, зачѣмъ я иду, и въ тотъ же мигъ я почувствовалъ какимъ-то напряженнымъ ощущеніемъ счастья, что та, для кого я иду, тутъ гдѣ-то, совсѣмъ близко около меня... Я еще не видалъ ее, но зналъ несомнѣнно всѣмъ своимъ существомъ, что стоитъ мнѣ только обернуться, и я ее увижу... И я обернулся и увидалъ ее.

Она сидѣла на скамейкѣ, держа въ рукахъ книгу, и, вся задумчивая, смотрѣла куда-то вдаль, очевидно не видя меня. Казалось, она рѣшала какой-то мучившій ее вопросъ и, такъ и не разрѣшивъ, смотрѣла пристальнымъ, но безучастнымъ взглядомъ въ пространство. Ея милое неправильное лицо, всегда чаровавшее меня своей жизнерадостной привлекательностью, теперь было какъ-то особенно грустно. Выраженіе тихаго страдальческаго недоумѣнія легло на него. Я на минуту остановился, какъ бы не рѣшаясь подойти къ ней. Мнѣ даже на мгновеніе показалось, что и не стоитъ подходить, что изъ всего этого нашего свиданія кромѣ горя ничего не выйдетъ... У меня явилось дурное предчувствіе. Но было уже поздно.

Я хотѣлъ неслышно подойти къ ней, боясь испугать ее рѣзкимъ движеніемъ. Но она почувствовала постороннее присутствіе и быстро подняла свои большіе, прекрасные, отѣненные черными рѣсницами, каріе глаза. Изъ устъ ея вылетѣло слабое и восторженное восклицаніе и лицо ея освѣтилось радостной, нѣжной улыбкою.

«Ну, наконецъ-то!» сказала она, слегка привставая и подавая мнѣ маленькую въ черной лайковой перчаткѣ руку. А я васъ такъ ждала... Садитесь вотъ здѣсь... Тутъ сухо».

Я окинулъ ее быстрымъ взглядомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ около полгода тому назадъ, въ ней произошла сильная перемѣна. Лицо ея похудѣло и поблѣднѣло. Исчезло то веселое оживленіе безпричинной радости, которое я такъ любилъ... Не было радостнаго блеска, какъ прежде, сіявшаго въ чудныхъ глазахъ... Но милыя прелестныя черты лица были всѣ тѣ же. Та же ласковая дѣтская улыбка. Такіе же прекрасные, глубокіе, чистые глаза. Теперь она была даже еще лучше, глубже, серьезнѣе и пристальнѣе.

«Что съ вами?» сказалъ я, пожимая ея руку и садясь около нея на скамейку.

«А что?»

«Вы перемѣнились».

«Ахъ, вотъ какъ!» сказала она такимъ тономъ, точно нисколько не сожалѣла объ этомъ и даже недоумѣвала, какъ могутъ кого-нибудь интересовать такіе пустяки. Она незамѣтно выдернула свою руку изъ моей и слегка отодвинулась отъ меня... Глаза ея остановились на мнѣ долгимъ и пристальнымъ взоромъ.

«Ну, какъ вы поживаете?» спросила она тихо.

«Я? благодарю васъ, ничего... а вы?»

Она не отвѣтила, точно не слышала этого вопроса или не хотѣла почему-то отвѣтить... Она смотрѣла на меня попрежнему внимательно и даже, какъ мнѣ по-

казалось, немного грустно, слегка склонивъ на бокъ свою головку и какъ будто меня изучая и ища заглянуть въ мою душу. Глаза ея тихо сіяли.

«Да, давно мы съ вами не видались», сказала она, точно отвѣчая своему внутреннему процессу мыслей и что-то рѣшивъ въ душѣ. Глаза ея перенеслись вдаль. Она вздохнула.

«Такъ какъ же вы поживаете?.. Вы не отвѣтили мнѣ», спросилъ я настойчиво, опять беря ее за руку и пододвигаясь къ ней... Мнѣ было какъ-то легче и проще говорить, держа въ рукахъ ея слабую, нѣжную руку.

«Какъ поживаю?..» сказала она медленно, выговаривая каждую букву и все внимательно и серьезно смотря на меня, какъ будто спрашивая меня о чемъ-то. Какъ поживаю? да... вы вѣдь знаете какъ, Володя».

«Мнѣ говорили» сказалъ я, вспоминая то, что я о ней недавно слышалъ и останавливаясь на мигъ, не зная, сказать ли ей это. «Мнѣ говорили, что»... —Глаза ея сурово смотрѣли на меня—«что вы пользуетесь успѣхомъ», сказалъ я поспѣшно, чувствуя неприятность говорить это. «Что за вами сильно ухаживаютъ... Такъ ли это?»

Она неестественно и горько улыбнулась.

«Такъ?»

Она пожала плечами и ничего не сказала. Лицо ея вдругъ стало хмуро и непріятно. Какъ будто она ждала чего-то иного, иныхъ словъ и, услышавъ другое, она рѣшила сразу переѣниться и замолчать.

Мнѣ показалась, что она скрываетъ что-то, что было, и я подумалъ, что мои слова заключаютъ правду, въ которой ей непріятно признаться. Меня нѣсколько разсердило это и я почувствовалъ, что я ее къ чему-то ревную невольно. Мнѣ стало тяжело и обидно.

«Такъ это правда?» сказалъ я холодно-непріятно, съ нѣмымъ вопросомъ. Я чувствовалъ, что у меня сильно бьется сердце.

«Можетъ быть», сказала она тихо.

«А вотъ что!» сказалъ я натянуто, самъ не зная, что я говорю. «Ну... въ такомъ случаѣ желаю вамъ полного и большого успѣха...»

Она ничего не отвѣтила. Губы ея сомкнулись и лицо ея приняло сухое и гордое выраженіе. Мнѣ показалось, что въ лицѣ ея проскользнула какая-то насмѣшка моему вопросу. Меня раздражило это. Съ вѣтки клена упала на ея кофточку капля. Она вынула платокъ и стала чистить ее, какъ мнѣ показалось, спокойно, точно она это дѣлала въ пику моему волненію и какъ будто гораздо болѣе интересовалась своей кофточкой и ея цвѣтомъ, чѣмъ всѣмъ мною. Вычистивъ, она спокойно положила платокъ въ карманъ и, сложивъ руки, стала смотрѣть куда-то вдаль, не говоря ни слова.

Меня раздражило это спокойствіе и молчаніе и все ея обращеніе со мною, холодное и какъ будто пренебрежительное. Идя на свиданіе, мнѣ казалось, что оно будетъ совсѣмъ инымъ, что она страшно обрадуется мнѣ, чуть ли не бросится ко мнѣ въ объятія... Я представлялъ себѣ, что наши разговоры потекутъ

безъ удержу, какъ бывало это прежде. Но теперь, увидавъ ее какой-то иной, я почувствовалъ, что между нами сразу встала стѣна отчужденія... Это была не прежняя милая, довѣрчивая Люба, а какая-то иная, незнакомая, холодная дѣвушка, пренебрегавшая мною... Въ ея небрежномъ отвѣтѣ объ ея успѣхѣхъ у мужчинъ и въ ея усмѣшкѣ я сразу сгоряча предположилъ и теперь все болѣе убѣждался въ этомъ, что должно быть она ко мнѣ относится иначе, чѣмъ раньше, и что ей въ тягость наше свиданіе... Оскорбленное самолюбіе заговорило во мнѣ.

«Чтожъ вы, вѣрно, выйдете замужъ скоро, какъ Маня?» сказалъ я насмѣшливо, продолжая говорить въ этомъ же непріятномъ тонѣ. Я и хотѣлъ, но ужъ не могъ остановиться.—«Чтожъ, отлично... по крайней мѣрѣ поступите практично. Правда, когда я васъ раньше зналъ, вы иначе смотрѣли на свое будущее... болѣе возвышали его... Но... спохватились, кажется, во-время, вспомявъ совѣты моего папаши, что назначеніе женщины въ семьѣ... Такъ позовите меня на свадьбу... Не забудьте?..»

Она смотрѣла на меня не отрывая глазъ. Выраженіе удивленія смѣнилось въ нихъ тайнымъ укоромъ и какой-то горечью... Губы ея зашевелились, хотѣли что-то сказать и сомкнулись... Она подождала, пока я кончу, и грустно покачала головою...

«Скажите... вамъ очень пріятно меня мучить?» спросила она вдругъ тихо, глядя на меня съ той же укоризной.

Я смѣшался.

«Какъ мучить?.. Что?» пробормоталъ я, краснѣя и не понимая ея словъ. Я ожидалъ съ ея стороны возраженія, какой-нибудь рѣзкости, даже ссоры, но никакъ не этого тихаго укора. Я смѣшался.

«Да, вы мучаете меня», сказала она медленно и тихо, глядя на меня такимъ грустнымъ взглядомъ, что у меня сжалось сердце. Мнѣ показалось, что она готова заплакать. «Вы отлично знаете», сказала она помолчавъ, «знаете, что ваши слова несправедливы и жестоки... Не того я отъ васъ ждала, Володя».

Она отвернулася и нѣсколько времени сидѣла молча и не двигаясь, точно застыла. Лица ея мнѣ не было видно, а только прическа сзади. Я поднялся, чтобы посмотрѣть, что съ нею, но вдругъ она еще рѣзче повернулася и быстрымъ движеніемъ подняла къ лицу муфту, точно не желая, чтобы его видѣли. Плечи ея поднялись, потомъ опустились... Она задрожала, сжалась и уткнулася лицомъ въ муфту, прижавшись къ дереву. Изъ груди ея вырвалось слабое всхлипываніе... еще... и еще разъ. Она зарыдала.

«Боже мой... Боже мой!» говорила она, трясясь отъ всхлипываній.

«Люба... что съ вами?» воскликнулъ я, хватая ее за руки. «Полноте, какъ вамъ не стыдно... Ни съ того, ни съ сего... Господи... ну какъ это можно?.. Ну перестаньте!»

Я совсѣмъ растерялся и самъ не зналъ, что дѣлать. У бѣдной дѣвочки должно быть какое-то сильное горе, которое я растравилъ своими словами.

«Полноте!» говорю я, заглядывая ей въ глаза... «Ну

развѣ можно? Простите меня. Я говорилъ глупости. Я сознаюсь въ этомъ. Развѣ я желалъ васъ обидѣть, Люба. Простите».

Мнѣ жалъ ее до глубины души. Мои нервы напряжены до того, что я боюсь, что не выдержу и вотъ-вотъ разрыдаюсь, какъ она.

«Оставьте меня!» говорила она, судорожно рыдая.

Она приложила къ лицу платокъ и, держа его лѣвою рукою, плакала, какъ маленькій, обиженный ребенокъ, такъ горько и горячо, что, казалось, она никогда не перестанетъ плакать. Я смотрѣлъ на нее и въ душѣ моей было совсѣмъ иное чувство, чѣмъ раньше. Не было ни прежняго раздраженія, ни ревности къ тому, кого хотя и не было, но кого я въ раздраженіи хотѣлъ приписать ея мыслямъ. Было только одно безконечное состраданіе къ ея дѣвичьей слабости, была нѣжность къ ея безпомощности и горю и прежняя спокойная любовь къ ней. Была печаль о ея страданіи и желаніе, чтобы оно прекратилось.

«Милая... бѣдная», думалъ я, смотря на нее и вспоминая безчисленные нѣжные воспоминанія, которыми я былъ съ нею связанъ. Я взялъ ее за талію. Она не сопротивлялась. Ея душистые, вьющіеся на вискахъ волосы нѣжно касались моего лица. Я молчалъ, но оттого ли, что она почувствовала въ моемъ объятіи ласку и состраданіе, или отъ времени, но она мало-по-малу успокоилась, отерла платкомъ глаза и только захлебывалась послѣ плача. Лицо ея, однако, было сурово-обиженно и глаза избѣгали моего взгляда.

«Такъ вы мнѣ скажете, Люба, о своемъ горѣ?»

сказать я насколько могъ нѣжно и мягко, заглядывая ей въ глаза.—Она опять перенесла свой взоръ изъ-подъ моего взгляда.

«Такъ вы мнѣ скажете? Вы должны мнѣ сказать», сказалъ я съ одушевленіемъ, сжимая ея руку. «Вѣдь я вашъ другъ... неправда ли?»

Она подняла на меня медленно, какъ бы съ раздумьемъ, свои большіе, прекрасные, полные тихихъ и нѣжныхъ лучей, каріе глаза. Ея взглядъ свѣтился грустью и серьезностью. На длинныхъ, прямыхъ, какъ стрѣлки, темныхъ рѣсницахъ еще стояли невысохшія слезы. Она задала мнѣ какой-то нѣмой вопросъ и, какъ будто рѣшивъ его сама съ собой, облегченно вздохнула.

«Мнѣ тяжело, Володя», сказала она тихо, помолчавъ и крѣпко сжимая своей маленькой, слабой рукой мою руку, какъ будто выражая въ этомъ пожатіи довѣріе ко мнѣ. Ея глаза смотрѣли на меня съ тѣмъ же спокойнымъ и чистымъ довѣріемъ и тихо ласкали меня мягкимъ и нѣжнымъ выраженіемъ. Я взглянулъ на нее, но опять она опустила внизъ глаза, какъ будто стыдись меня.

«Что такое?» спросилъ я тревожно.

Она глубоко вздохнула и подняла на меня быстро глаза, какъ бы обдумывая, сказать или нѣтъ то, что она хотѣла сказать. Вѣки ея прищурились и раскрылись, какъ темныя чашечки распускающагося колокольчика... Взоры ея неслись ко мнѣ, какъ тихая бархатная музыка.

«Мнѣ нужно о многомъ съ вами поговорить», сказала она тихо.

«Но о чемъ же?»

«О себѣ, Володя», она помолчала немного, видно собираясь съ мыслями и, переверачивая книгу, въ задумчивости смотрѣла куда-то внизъ. Она долго смотрѣла такъ молча, какъ будто ища чего-то. «Вы помните, когда вы уѣзжали», сказала она такъ тихо, что я еле слышалъ звукъ ея голоса. «Вы помните, вы говорили мнѣ, что боитесь за условія, окружающія меня. Вы боялись тогда пошлости и сѣрой жизни нашего города. Я помню», она остановилась на мигъ, словно вспоминая яснѣе то, что она хотѣла сказать, «вы предсказывали мнѣ, что наша жизнь, какую мы всѣ ведемъ, опротивѣетъ мнѣ въ концѣ концовъ нестерпимо. Я тогда спорила съ этимъ. Но теперь... полгода прошло... Знаете, что я хочу сказать вамъ?» она подняла на меня глаза и остановила ихъ съ тайнымъ вопросомъ, спрашивая взоромъ, угадываю я или нѣтъ ея мысль. «Знаете, я нахожу теперь, что вы тогда были правы. Да, да, страшно правы», сказала она поспѣшно. «Мнѣ надоѣла теперь ужасно, нестерпимо наша жизнь. Она душитъ меня».

«Душить?» повторилъ я машинально.

«Да», она слегка наклонила внизъ голову, въ знакъ подтвержденія. «Если бы вы знали, какъ мнѣ опротивѣло все здѣсь—все, начиная съ этихъ знакомыхъ-перезнакомыхъ зданій и улицъ и кончая лицами прохожихъ... Я ихъ, кажется, всѣхъ здѣсь знаю назизусть. Вы не вѣрите?» сказала она недовольно, хотя я и не думалъ возражать ей. «Нѣтъ, но представьте,

въ самомъ дѣлѣ все одно и то же. Одни и тѣ же знакомые, мужчины, ухаживанье, сплетни... тоскливо до тошноты. Подумайте только, уже два года по выходѣ изъ гимназіи, какъ я ничего не дѣлаю и болтаюсь по улицамъ. Я чувствую, что я сама съ каждымъ годомъ становлюсь все пошлѣе... Эта тина засасываетъ меня. Вы подумайте», сказала она вставая и отрывая вѣтку сиреневаго куста. «Чай утромъ, чай вечеромъ, чай послѣ обѣда... хожденіе по магазинамъ, выѣзды на вечера, ухаживанье офицеровъ... Ахъ, какъ мнѣ все это надоѣло!» воскликнула она съ горечью, и глаза ея вспыхнули огнемъ раздраженія.

Она прошла нѣсколько разъ мимо меня, ударяя первою о платѣ вѣткой, и остановилась. Ея стройная, ловкая фигура показалась мнѣ теперь выше, сильнѣе и полнѣе, чѣмъ полгода тому назадъ. Она возмужала. Но она похорошѣла еще больше, чѣмъ выросла. Сквозь прозрачную и неясную полутьму вечера я видѣлъ со-всѣмъ близко отъ себя всю распускающуюся молодую красоту ея лица. Прелестны были неправильныя тонкія черты. Прекрасны полныя, горько улыбавшіяся какимъ-то своимъ внутреннимъ мыслямъ губы. Но лучше всего были два темныхъ, огромныхъ цвѣтка—чудесные, мелодичные глаза, полные сладкой музыки выраженія... Она спрятала тотъ огонь оживленія, который обыкновенно горѣлъ въ нихъ, и они теперь звучали холодными тонами огорченія.

«Вотъ еще вчера», сказала она съ горькой улыбкой, какъ бы смѣясь своему положенію и ударяя вѣточкой объ дерево. «Вчера господинъ поручикъ Ши-

баевъ изволилъ мнѣ объяснить въ любви. Онъ уже съ полгода, какъ говорится, ухаживаетъ за мной, т. е., попросту говоря, смотреть на меня все время своими глупыми глазами и все время молчить, а если скажетъ, то какую-нибудь глупость. «Любовь Андреевна въ Сиротинѣ (на станціи), я осиротѣлъ», — сказала Люба, вдругъ перемѣняя голосъ и закрывъ глаза, какъ мертвая, подражая Шибаеву такъ удачно, что я увидалъ его какъ живого. «Позавчера у Завякиныхъ онъ, наконецъ, объяснился. На насъ вообще какъ-то странно смотрѣли, перемигивались, говорили намеками и старались оставить однихъ. Вы знаете Завякину. У нея страсть выдавать замужъ... въ особенности за богатыхъ, какъ Шибаевъ. Она говоритъ, что она меня любитъ, какъ мать, и передъ этимъ все цѣловала, совѣтовала вообще выходить замужъ, развивала мысль о значеніи богатства для семейной жизни... знаете, всѣ эти подготовки».

Она сѣла, но сейчасъ же опять встала. Видимо, она была возбуждена.

«Ну, такъ вотъ вчера онъ, т. е. предполагаемый женихъ», сказала она, какъ-то особенно насмѣшливо произнося это слово, «наконецъ объяснился, сказалъ, что меня любитъ, что я его идеаль и безъ меня онъ не можетъ жить... и такъ далѣе, знаете, что полагается говорить въ такихъ случаяхъ и...» она остановилась на минуту, видимо ей непріятно было говорить объ этомъ, «и сдѣлалъ мнѣ предложеніе».

Она опять остановилась на минуту, какъ бы собираясь съ силой сказать все. Глаза ея вопросительно

смотрѣли на меня. — «Такъ вотъ что», подумалъ я, смотря на нее съ горячью и грустью, «бѣдная... милая... а я-то могъ подумать...» И мнѣ стало стыдно своихъ подозрѣній.

«Ну... такъ вотъ», сказала она, переходя къ продолженію. «Ну... я, конечно, засмѣялась... не могла сдержаться... и сказала ему, что я къ нему очень хорошо отношусь, но... и такъ далѣе... Подумайте, Шибаевъ мой мужъ!» сказала она такимъ голосомъ, какъ будто удивлялась его дерзости дѣлать предложеніе. «Видѣть это глупое лицо каждый день, слушать его глупыя рѣчи и... запереть себя въ супружество для кого же?.. Нѣтъ, мнѣ прямо смѣшно вспомнить объ этомъ, если бы это не было такъ тяжело».

Она сѣла снова на скамейку и устремила на меня свой взоръ. Теперь въ немъ не было прежняго выраженія усталости и недоумѣнія. Онъ сіялъ блестящими лучами оживленія. Волны энергіи поднялись со дна ея души и колыхались на ея лицѣ игрою смѣняющихся быстрыхъ выраженій. Она готовилась, очевидно, къ какому-то суровому рѣшенію, къ борьбѣ, и все существо ея выражало радостно эту готовность. Она поправила перчатку лѣвой руки и сѣла ко мнѣ поближе

XXXII.

«Ну... а вчера пришлось разсчитываться за это, сказала она такимъ тономъ, какъ будто подсчитывала и соображала то, что съ нею вчера случилось. Онъ сказалъ

объ этомъ папѣ. Папа (вы его знаете)—позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и объявилъ, что лучшей партіи, чѣмъ съ Шибаевымъ, онъ для меня не желаетъ, что я глупо сдѣлала, что отказала... что мнѣ не на что больше рассчитывать, что онъ желаетъ, чтобы этотъ бракъ состоялся, и т. д. Я отвѣтила, что этого никогда не будетъ. Словомъ, вышла ужасная ссора», докончила она поспѣшно, какъ будто ей непріятно было вспоминать все это. Вообще она все время страшно волновалась и говорила быстро-быстро, какъ бы желая со всѣмъ скорѣе покончить. Глаза ея лихорадочно блестѣли.

«Папа раскричался, упрекалъ, что я сижу на его шеѣ, вмѣсто того, чтобы помогать ему... что у него и безъ меня четыре сына... что онъ въ долгахъ... что онъ меня приневоливать, конечно, не можетъ... но будетъ знать, какъ ко мнѣ относиться... Словомъ», она помолчала, «я расплакалась... и написала вамъ письмо... Теперь вы поняли меня?.. Я хочу, чтобы вы указали мнѣ выходъ изъ этого... Если вы мой другъ, такъ вы должны мнѣ найти его... Володя», сказала она твердо.

«Но какой же?» сказалъ я.

«Какой?.. вы не догадываетесь?» спросила она удивленно. Въ тонѣ ея было недоумѣніе и упрекъ моему вопросу. Чудесные темные глаза были полны того же упрека. Она посмотрѣла на меня нѣсколько секундъ молча. Я не отвѣтилъ. Она вздохнула.

«Я уже сама нашла его, сказала она спокойно, ища прочесть въ моемъ взорѣ мое мнѣніе... Это было мое завѣтное всегдашнее желаніе, сказала она помол-

чавъ... Вы должны только одобрить его и помочь въ его осуществленіи».

Она подѣла ко мнѣ поближе, не спуская съ меня своихъ глазъ. Чѣмъ больше она говорила, тѣмъ выраженіе ихъ дѣлалось ласковѣе и мягче. Верхняя, немного короткая ея губа сошлась съ нижнею въ милую улыбку и морщила ея губы. Я ждалъ. Рука ея, державшая вѣтку, стала дрожать все больше и больше.

«Я пойду на курсы», сказала она тихо.

Вѣтка въ рукѣ задрожала еще сильнѣе и упала на землю между ослабѣвшими пальцами. Она дышала часто и прерывисто... Большіе, мелодичные, сіявшіе нѣжными взорами, глаза ея смотрѣли на меня съ вопросомъ и просили чего-то... Было тихо.

«Да... а какъ вы это сдѣлаете?» спросилъ я, помолчавъ.

«Какъ? очень просто. Я обдумала уже все. Я буду давать уроки и накоплю за эти полгода рублей двѣсти. Мнѣ уже обѣщали ихъ достать. На первое время мнѣ это хватить, а потомъ я и въ Петербургѣ достану какую-нибудь работу... Мнѣ вѣдь много не нужно на жизнь... Я и поголодать немного согласна. Зато какая хорошая жизнь мнѣ предстоитъ потомъ, когда я окончу курсы...»

Она теперь совсѣмъ забыла свое недавнее горе и оживилась радостными воспоминаніями. Ея вѣки, какъ лепестки цвѣтка, раскрылись и расцвѣли въ темные бутоны... Улыбка радости и оживленія играла на ея полныхъ губахъ и порхала ямочками по милому лицу. Избытокъ счастья и волненія переполнялъ ея суще-

ство и выражался въ немъ увѣренными движеніями, радостнымъ тономъ голоса и сознанія своей молодой силы.

Я молчалъ, и мнѣ было ясно, сколько бѣдная дѣвочка должна была перемучиться и передумать, прежде чѣмъ придти къ этому неосуществимому рѣшенію. «Бѣдная... бѣдная», думалъ я, смотря на ея лицо и глаза, полные мучительнаго вопроса и нетерпѣливо ждавшіе моего одобренія. Я думалъ о ея словахъ, о всей ея жизни и условіяхъ, окружавшихъ ее, и мнѣ все болѣе становилось ясно, что изъ всего этого ничего не выйдетъ... Но мнѣ было жаль разрушить ея теперешнюю радость и огорчить ее, и я молчалъ упорно.

«Но что-жъ вы ничего не говорите?» сказала она мнѣ, смотря на меня искоса, съ нѣкоторой тревогою. Выраженіе счастья слетѣло съ ея лица и оно подернулось недоумѣніемъ. «Вы, можетъ быть, думаете, что это трудно для меня, но увѣряю васъ, что я это твердо рѣшила, повѣрьте».

«Я не могу, къ сожалѣнію, одобрить вашъ планъ», сказалъ я глухо, почти принуждая себя говорить ей это.

«Но почему же?»

Голосъ ея задрожалъ и осѣкся. Она слегка поблѣднѣла... Темные бутоны распустились въ бархатные цвѣты, полные удивленія... Огонь улыбки догорѣлъ на ея губахъ и потухъ; она тяжело дышала и ждала.

«Мнѣ тяжело разочаровывать васъ, Люба», сказалъ я, избѣгая смотрѣть на нее и странно протягивая слова, чтобы какъ-нибудь хоть на мигъ отдалить тяжелую минуту. «Но...» я помолчалъ немного и взялъ

ту вѣтку съ земли, которая упала изъ ея руки, «но все, что вы сказали по-моему безцѣльно...» Она страшно поблѣднѣла при этихъ словахъ. «Выслушайте меня нѣсколько минутъ спокойно, сказалъ я. Но только выслушайте до конца все, не перебивая. Хорошо?»

Она слегка наклонила головку.

«Прежде всего», сказалъ я медленно, стараясь не встрѣчаться съ ея вопросительнымъ, грустнымъ теперь взоромъ. «Прежде всего вы для этого никакъ не достанете деньги, ибо...»

«Нѣтъ, я достану ихъ навѣрно», перебила она меня, сверкнувъ глазами.

«Едва ли... Кто вамъ дастъ эти уроки... Но допустимъ, вы ихъ получите... Соберете денегъ рублей сто—двѣсти, но вѣдь этихъ денегъ вамъ хватитъ на немного... а потомъ что?.. Вы говорите, что будете давать тамъ уроки», сказалъ я быстро, замѣчая, что она хочетъ мнѣ возражать. «Но это однѣ иллюзіи, которыми можетъ себя тѣшить только тотъ, кто не имѣетъ о Петербургѣ понятіе; на это нечего разсчитывать... Гдѣ вамъ безъ знакомыхъ, дѣвушкѣ, достать въ Петербургѣ уроки, когда тамъ десятки тысячъ мужчинъ предлагаютъ чуть не даромъ свои услуги... Вы видите, что это оказывается совсѣмъ не такъ, какъ вы думали раньше. Но оставимъ и это... Положимъ, вы всякими путями достанете уроки, но вѣдь васъ не отпустить никогда отецъ. А у него безграничное право на это. Вы его убѣжденія насчетъ курсовъ знаете, я думаю, давно отлично... И васъ едва ли нужно убѣждать въ этомъ...»

«Нѣтъ, вы ошибаетесь... я добьюсь этого во что бы то ни стало, чего бы это мнѣ ни стоило», сказала она серьезно, почти торжественно. Въ тонѣ ея зазвучала даже угроза кому-то. Взглядъ сталъ серьезнымъ и холоднымъ, какъ сталь.

Я покачалъ головой.

«Кромѣ того, если бы васъ и отпустили, васъ все равно не примутъ на курсы. Прочтите отчеты въ газетахъ и вы увидите, что большей половинѣ отказываютъ... Безъ медали и безъ протекціи вамъ доступъ закрытъ...»

Она ничего теперь не возражала, но чѣмъ больше я говорилъ, тѣмъ больше опадало лепестковъ той розы счастья, что цвѣла раньше на ея лицѣ и оставались одни только колючіе шипы холоднаго выраженія въ темныхъ глазахъ. Руки ея нервно и судорожно мяли батистовый бѣлый платокъ.

«Я вамъ скажу еще одно, по-моему самое важное», сказалъ я. «Допустимъ, всѣ эти препятствія, о которыхъ я говорилъ, отпали. Вы достали деньги и разрѣшеніе, поступили на курсы и кончили. Но что-жъ дальше вы думаете дѣлать?»

«Какъ что?» сказала она удивленно. «Зарабатывать деньги. Получить мѣсто».

«Какое мѣсто?.. Учительницы гимназій или гдѣ-нибудь на заводѣ. Но, во-первыхъ, все это не такъ легко найти. Масса курсистокъ кончаютъ и не находятъ работы. Но даже если вамъ посчастливилось и вы нашли-бъ себѣ мѣсто, то сколько бы вы получали...рублей 70...100... обыкновенное жалованье средняго чиновника и только.

«Мнѣ многого и не нужно», сказала она.

«Неправда!..» воскликнулъ я горячо. «Дѣло, конечно, не въ деньгахъ... но въ осуществленіи всѣхъ возможностей жизни. Человѣкъ долженъ все видѣть, весь міръ съ одного конца до другого; онъ долженъ все испытать, все перечувствовать... Онъ долженъ не прозябать, а прожечь великую, блестящую, полную всего... жизнь. Онъ долженъ и страдать въ нуждѣ, и топить себя въ высшей нѣгѣ и роскоши. Нужно выпить жадными губами всю жизнь до капли... а чтобы влачить сѣрое, скучное, монотонное существованіе по-моему жить не стоитъ».

Она молчала, словно подавленная этими словами... Ея длинныя лучистыя рѣсницы тихо дрожали.

«Вы кончите», продолжалъ я горячо. «Но какая будетъ ваша жизнь?.. Самая обыденная, сѣрая, день изо-дня, какъ у всѣхъ. Что вы ожидаете и перечувствуете, сидя десятки лѣтъ гдѣ-нибудь въ губернскомъ городишкѣ, вродѣ нашего? Чѣмъ ваша жизнь будетъ отличаться отъ жизни обыкновеннаго чиновника, которыхъ вы такъ презираете? Только тѣмъ, что вы будете знать хорошо исторію Французской революціи или кислоты и щелочи. Вѣдь оттого, что вы кончите курсы, ничего яркаго, незауряднаго въ ней не прибавится. Будетъ такъ же мелко, какъ и раньше... А потомъ или вы сдѣлаетесь старой дѣвой, и будете киснуть, безъ счастья и свѣта, смотря, какъ убѣгаетъ отъ васъ жизнь, или выйдете замужъ за средняго, обыкновеннаго человѣка, будете родить, шить, варить супъ... вся эта мелкая проза... мелкіе интересы... и такъ годъ

за годъ и вся жизнь... Объ этомъ ли вы мечтаете, Люба?»

+ «Такъ по-вашему не стоитъ идти на курсы?» сказала она тихо, поднявъ на меня такіе грустные глаза, что у меня мучительно сжалось сердце.

× «Своей сестрѣ я самъ предложилъ бы это... Другимъ бы я тоже посоветовалъ курсы. Но вамъ, Люба, не могу. Знаете почему? Потому что вы не такая, какъ другія. Въ васъ слишкомъ идеала много. Вы слишкомъ ненавидите прозу и пошлость. Знаете Лермонтовское: «Но небу, полуночи». Вы такая же томящаяся по идеалу душа. А чтобы мѣнять одну пошлость на другую, не стоитъ по-моему идти на курсы?»

«Но что же мнѣ дѣлать?» спросила она помолчавъ, съ отчаяніемъ.

Она сидѣла вся сжавшись, точно боясь какого-то удара, и теперь казалась мнѣ такой маленькой, безпомощной... Въ послѣдній разъ ея чудесные бархатные глаза остановились на мнѣ съ страстнымъ вопросомъ. Въ нихъ было что-то молящее, нѣмое, хватающее за душу и страстно просящее отвѣта на этотъ мучительный вопросъ. Она затаила дыханіе.

Я смотрю на нее и мнѣ невыразимо жаль ее и страстно хочется найти дѣйствительно что-нибудь такое, что составило бы для нея выходъ... Но что... что я ей могу сказать?

«Не знаю», говорю я почти машинально.

Она поблѣднѣла. Выраженіе муки пробѣжало по ея лицу. Губы ея дрожали. Она тяжело вздохнула и задумалась.

«Не знаете», сказала она помолчавъ, черезъ нѣкоторое время, и въ ея голосъ была и горечь и какая-то насмѣшка и обида. «Не знаете... а для себя вы, вѣроятно, все знаете отлично. Вы вотъ мнѣ не совѣтуете идти на курсы, а сами небось спокойно учитесь въ университетѣ... Скажите-жъ, какая у васъ-то самого цѣль всего этого?..

«Какая у меня цѣль?» бормочу я, чувствуя, что ея слова задѣли меня за самое больное мѣсто и мнѣ хочется какъ-нибудь отвертѣться отъ этого тяжелого отвѣта. «Право, не знаю. Когда кончилъ гимназію, тогда была цѣль... А теперь... учусь потому, что такъ всѣ дѣлаютъ... да вотъ развѣ цѣль получить дипломъ», говорю я улыбаясь неестественно одними губами.

«Только?»

«Да, только...»

Она посмотрѣла на меня грустно-грустно и покачала головкой.

«Для чего это вамъ?» спросила она, глядя на меня недоумѣвающимъ и грустнымъ взоромъ, «вѣдь вы же осуждали только что жизнь чиновниковъ... эту сѣрость и мелкость... А теперь хотите жить такъ же. Какъ же согласить это?»

Я молча пожимаю плечами. Мнѣ хочется крикнуть ей изо всѣхъ силъ, что я и самъ объ этомъ безпрестанно думаю и не нахожу отвѣта. Ея слова разбередили во мнѣ то, что я изо всѣхъ силъ постоянно скрываю отъ самого себя, боясь къ этому прикоснуться.

«Если говорить откровенно, то прямо у меня нѣтъ

силѣ измѣнить свою жизнь», говорю я почти противъ воли. «Я слабъ и присосался къ ней... Оторвать больно... Да и идеала нѣтъ, для чего бы сдѣлать это... Гдѣ выходъ?»

Она посмотрѣла на меня долгимъ, внимательнымъ взглядомъ, слегка прищуривъ рѣсницы.

«Скажите-жѣ, какая у васъ цѣль въ жизни?» спросила она такъ тихо, что я едва слышалъ.

«Какая цѣль?» говорю я, избѣгая ея взгляда. «Теперь цѣль посидѣть съ вами... потомъ цѣль пойти домой... потомъ... что-нибудь еще», говорю я, чувствуя, что глупо и пошло отшучиваться въ такую минуту, но не могу поступить иначе.

«Да нѣтъ, я не про то говорю», сказала она поморщившись недовольно. «Какая у васъ общая цѣль... цѣль всей вашей жизни...»

Въ одно мгновеніе я окидываю взглядомъ всю свою жизнь, свои думы и надежды... Я испытываю то же чувство, какое испытываетъ утопающій. Необыкновенно ясное проникновеніе въ себя... Но ничего не нахожу тамъ въ душѣ, кромѣ пустоты и какой-то горечи отъ прошлаго. Въ самомъ дѣлѣ, какая у меня цѣль?

«Никакой», кажется. Въ дѣтскіе годы была цѣль попасть въ рай... А теперь... да, право... никакой... такъ живу, потому что родился... то весело... то скучно... да... такъ безъ цѣли... а что?

«Ахъ, вотъ какъ!» сказала она медленно сквозь зубы, точно ее поразилъ мой отвѣтъ. Лицо ея стало холоднымъ и безучастнымъ, какъ у статуи. Весь огонь

оживленія потухъ. Глаза полузакрылись и ея длинныя, ровныя брови слились съ рѣсницами въ одинъ черный кругъ. Она вся какъ-то сжалась и стала какъ будто меньше.

«Такъ вы ничего мнѣ не скажете?» спросила она тѣмъ отчаяннымъ голосомъ, съ которымъ погибающій вдругъ чувствуетъ, что онъ сейчасъ погибнетъ, и хватается за первую ничтожную опору. Глаза ея устремились на меня съ послѣднею просьбой. Я чувствую, что еще одинъ мигъ и все пропало. Словно окуная навсегда въ воду, я хочу крикнуть ей одно слово... одно, которое дало бы ей все... весь выходъ и счастье. Но откуда же я его возьму... это слово?

«Нѣтъ... ничего».

Нѣсколько минутъ проходитъ въ мучительномъ молчаніи. Такъ тихо, что слышно, какъ падаютъ капли съ вѣтокъ. Мнѣ кажется, я слышу, какъ быстро бьется ея сердце. Она повернулась и не движется, точно застыла въ тяжеломъ раздумьи.

Эти секунды тянутся какъ вѣчность. Боже мой, какъ тяжело!.. Въ головѣ моей проносится вихрь мыслей... безсвязныхъ... нелѣпыхъ... и нѣтъ ни одной, которая бы ей была нужна.

«Прощайте», говоритъ она, вдругъ вставая.

«Что вы? куда вы?... Пойдите. Какъ же это такъ... вы опять одна... опять прежнее. Да нѣтъ... да останьтесь... не уходите. Обождите хоть одну минутку», говорю я ей совсѣмъ безсвязныя слова.

Я пораженъ и обезсиленъ, и ничего не понимаю, или, вѣрнѣе, понимаю, что еще одинъ мигъ и дорогое

для меня существо навсегда для меня пропало, и я чувствую, что я виновникъ этого и чувствую, что я ничего не могу сдѣлать. Мнѣ въ послѣдній разъ хочется крикнуть ей одно... огромное по своему значенію слово... которое все объяснить... Но губы не раскрываются.

«Куда вы?» говорю я ей совсѣмъ безсмысленно.

«Куда... домой... въ гости... Вамъ не все равно, куда? Прощайте».

Она обернулась и пошла сначала медленно, потомъ быстро-быстро, словно убѣгала отъ кого-то.

«Люба... обождите на минуту?» крикнулъ я ей.

Она даже не обернулась. Она стала меньше, неяснѣе. Вотъ ея фигура мелькнула гдѣ-то между деревьями и исчезла. Люба, гдѣ ты?

Нѣкоторое время я гляжу упорно туда, гдѣ она скрылась. Я отлично знаю, что ея тамъ нѣтъ, и я никогда больше ея не увижу, но, какъ привороженный, я не могу оторваться отъ того мѣста взглядомъ.

«Нѣтъ нѣту... ушла невозвратно».

Мою мысль прорѣзываетъ сознаніе ужаса того, что свершилось и что будетъ съ нею. Я чуть не плачу отъ душевной боли.

«Такъ... вотъ что», говорю я себѣ и почти въ изнеможеніи падаю на скамейку. «Какая глубокая, странная тишина! Ни звука, ни движенія. А минуту тому назадъ здѣсь было молодое, полное жизни и вѣрившее въ счастье существо... Гдѣ она теперь?

Люба... бѣдная, что будетъ съ тобою?

Нѣкоторое время я сижу, смотря прямо въ неясную

темноту надвигающагося вечера. На западѣ слабо догораетъ внизу кофейная, а сверху брусничная заря. Издали ползетъ холодная, темная туча. На той сторонѣ Двины уже зажжены огни и свистить гудокъ такъ пронзительно, монотонно, что надрываетъ душу. Мнѣ не хочется вставать. Кажется, я способенъ просидѣть такъ до завтрашняго дня, смотря, какъ зажигаются еще огни въ еврейскихъ лачугахъ, и заря становится все мрачнѣе и блѣднѣе. Странно, но почему-то я начинаю лихорадочно думать словами о всякихъ глупостяхъ.

«Что тамъ?.. Да, тамъ собака бѣжить на томъ берегу... Куда? домой вѣрно... Да не все ли равно мнѣ куда... Люба тоже ушла домой... Ахъ, не надо... Да, о чемъ я? Да о собакѣ... она бѣжить... Ну, да Богъ съ ней... Что тамъ на той сторонѣ? огоньки какіе-то... какіе маленькіе... огни надежды. Она тоже надѣялась... Тоже свѣтился ей огонекъ, а потомъ потухъ... Я потушилъ его. Да и тамъ тухнуть одинъ, два, третій. Да, о чемъ я?.. Да, объ огняхъ... Ахъ, какъ громко кричить солдатъ на той сторонѣ... И чего онъ идетъ сюда? И голосъ какой противный... Ахъ, да не надо думать... забыть бы... пойти куда-нибудь... чтобы забыться... но куда? Любѣ тоже было противно. Нѣтъ, не надо объ этомъ... больно это... Вотъ только сыро какъ и холодно... Отчего бы это? Да, домой...

Я всталъ и иду куда-то по аллеѣ, потомъ вышелъ на Офицерскую и сталъ спускаться внизъ. Въ головѣ моей несясь кругъ странныхъ мыслей... Иногда я останавливался передъ магазинами и бессмысленно смот-

рѣлъ въ витрины, не чувствуя, какъ меня толкали прохожіе... Потомъ медленно шелъ дальше, точно у меня къ ногамъ были привѣшены гири, не узнавая знакомыхъ. Около аптеки меня окликнулъ какой-то знакомый, но я въ ужасѣ бросился отъ него. Какая-то дама толкнула меня и закричала: «нахаль!» Я шелъ быстро и натыкался на прохожихъ, не извиняясь и самъ не зная, зачѣмъ и куда иду. Мысли мои легли еще быстрѣе, какъ въ лихорадкѣ.

«Папа учить исторію въ женской гимназіи и заставляетъ гимназистокъ зубрить Иловайскаго и думаетъ, что онъ кому-то нуженъ», думалъ я. «А вотъ онѣ кончаютъ гимназію и смѣются надъ нимъ и надъ тѣмъ, что учили, и оказывается, что все, что онъ дѣлалъ, было никому ненужно. Въ университетѣ тоже учатъ какія-то никому ненужныя науки и тоже воображаютъ, что все это нужно людямъ... Глупцы! А вотъ кончаютъ университетъ студенты и живутъ не на пользу людямъ, а во вредъ... живутъ тупо и скучно и сознаютъ, что все, что они учили, не дало имъ ни капли счастья, а напротивъ, и безсмысленно умираютъ. И выходитъ самую жизнь, что весь университетъ и наука эта не приносятъ счастья никому, ни людямъ, ни студентамъ...

«Люба... она тоже всегда казалась мнѣ сотканною для какихъ-то особыхъ высшихъ цѣлей, существомъ, сплетеннымъ изъ чудныхъ безконечныхъ возможностей... Она, знаю, могла бы дать счастье людямъ и прожить ярко и пышно... Но вотъ приходитъ жизнь... Шibaевъ... не одинъ, такъ другой... все равно... И

чудное существо осуждено на погибель и нѣтъ силъ спасти ее.

«Я вотъ тоже въ гимназіи, въ отрочествѣ, о чемъ-то грезилъ прекрасномъ, и я, и Антонъ, и Мигоринъ... а пришла жизнь и университетъ и извратили все, что было раньше, и Антонъ цѣтъ и Орловъ тоже и всѣ скучаютъ и томятся... и всѣ ищутъ чего-то другого... Но чего?»

XXXIII.

Дома у насъ я засталъ гостей. Въ кабинетѣ играли въ винтъ. Въ залѣ тетя Тося и Ольга занимали молодежь. Играли въ индюшку. Всѣ сидѣли на стульяхъ, разставленныхъ въ кругъ, и пересаживались съ одного стула на другой. Одинъ стулъ былъ свободный и всѣ старались не позволить сѣсть тому, кто былъ въ срединѣ. Кандидатъ на судебныя должности Задворскій—онъ былъ посрединѣ—высокій молодой человѣкъ съ необыкновенно длинными ногами, въ сѣрыхъ элегантныхъ брюкахъ и смокингѣ темно-синяго цвѣта, кидался энергично на пустой стулъ и боролся съ офицерами изъ-за него. Дѣвицы взвизгивали притворно и защищались руками, стараясь при этомъ сохранить изящную грацію. Всѣ смѣялись и старались показать, что имъ ужасно весело. Господа офицеры, соблюдая достоинство, снисходительно улыбались и ждали танцевъ.

Въ гостиной, за круглымъ столомъ, тетя Тося занимала пожилыхъ дамъ разговоромъ о погодѣ. Пре-

подаватель исторіи Винодѣловъ, огромнаго роста мужчина въ золотыхъ очкахъ, ждалъ, когда его позовутъ ипрать въ винтъ—онъ былъ пятымъ—и въ ожиданіи разговаривалъ съ Марьей Николаевной Рейновой, женой управляющаго контрольной палатой, жирной маленькой дамой, съ краснымъ, осыпаннымъ пудрою, некрасивымъ лицомъ. Самъ управляющій, высокій, съ сѣдой бородой старикъ съ сухимъ, строгимъ лицомъ, большой богомоль и ханжа, запрещавшій своимъ дочерямъ ходить въ клубъ, потому что это грѣхъ, объяснялъ молоденькой и хорошенькой женѣ преподавателя математики Егорова, скучавшей съ такимъ нуднымъ старикомъ, благолѣшіе кіевского собора св. Владимира и восхищался басомъ тамошняго протодіакона.

«Чудная октава... хоть въ столицу... Какъ взялъ этакъ: «яко Богъ Велій», такъ куды нашему», говорилъ онъ густымъ басомъ, пуская дымъ черезъ носъ и пожелтѣвшіе отъ табаку сѣдые усы.

«Да... интересно», вздыхала Егорова, посматривая на офицеровъ и кандидата Задворскаго.

«Подите сюда!» сказала мнѣ Марья Николаевна, дружески кивая головою. «Мы о васъ только что говорили. Какая у васъ теперь чудесная жизнь... Сколько радостей!.. Мой Коля тоже кончаетъ въ этомъ году... Какъ я рада за него. Просто, даже не вѣрится, что онъ будетъ въ университетѣ...»

«Чудное время!.. Лучшее время моей жизни», сказалъ Винодѣловъ, заглядывая въ гостиную, не пора ли ему.

Лицо Марьи Николаевны, при мысли о своемъ

Колѣ и его радости, сдѣлалось умиленнымъ и восторженнымъ. Она вообще думала, что ея Коля, долговязый гимназистъ, переходившій только благодаря положенію отца, и некрасивая, съ крѣпкими, оттопыренными ушами, дочка Саша—самые лучшія, милыя, умныя дѣти, говорить о которыхъ каждому пріятно. Лицо Марьи Николаевны было полно этой радости... тщеславнаго удовлетворенія и приглашало всѣхъ раздѣлить ее.

«Да, все это отлично... Но одного боюсь... Въ университетѣ очень свободы много насчетъ религіи. Бога, боюсь, забудетъ... И причащаться и поститься перестанетъ», сказалъ управляющій, усиленно пуская дымъ съ мрачнымъ видомъ, показывая, что ничего хорошаго съ этой стороны не видитъ въ университетѣ.

«Зачѣмъ забывать?» сказалъ протоіерей, законоучитель гимназіи, толстый старикъ. «Тамъ Богословіе читается... въ научной формѣ... Церковное право тому же способствуетъ отчасти. Зачѣмъ забывать? Намъ пожаловать», сказалъ онъ Винодѣлову, приподымая его.

Въ индюшку кончили играть. Тетя Тося сѣла за рояль. Барышни подъ ручку другъ съ другомъ стали ходить и разговаривать съ офицерами. Кандидатъ Задворскій и товарищъ прокурора Красногорскій, тотъ самый, что просилъ на вечерѣ пѣть «Нагаечку», теперь коректный и элегантный, какъ французскій маркизъ, подошли къ хорошенькой Егоровой и приняли участіе въ общемъ разговорѣ. Марья Николаевна продолжала восхищаться университетомъ и студенческой

жизнью и умилялась, вспоминая своихъ дѣтей. Винодѣловъ рассказывалъ, какъ они справляли въ Москвѣ день Татьяны, и называлъ какихъ-то профессоровъ отцами науки.

«Мнѣ не нравится только одно», сказалъ кандидатъ Задворскій, закладывая элегантно ногу на ногу и обрывая на минуту ухаживаніе за Егоровой, чтобы отдать время серьезному разговору. «Мнѣ не нравится теперь то, что стремятся раздѣлить единый университетъ на различные институты... Къ чему это? У насъ много техниковъ. Но мало образованныхъ людей. Университетъ—это очагъ прогресса. Уничтожать его... будетъ что?» сказалъ онъ, строго взглянувъ на какого-то предполагаемаго противника и вызывая его на отвѣтъ. Но никто ему не отвѣтилъ...

«Берите все отъ жизни теперь», сказалъ мнѣ одобрительно товарищъ прокурора Красногорскій, дружески обнимая меня за талію. «Это лучшее время... Культуристая и рафинированная жизнь... Я живу только вынесенными оттуда идеалами».

«Alma mater, во истину», сказалъ протоіерей, щеголяя знаніемъ классицизма. •

XXXIV.

Я всталъ и вышелъ.

«Да, вотъ эти тоже увѣрены», сказалъ я себѣ, идя изъ залы и съ какой-то насмѣшливой злобой, «культурнѣйшая жизнь... свѣточъ прогресса.. Ложь-то

какая.. Какъ они не понимаютъ, что это тяжело... Дурачье!» подумаль я, входя въ свою комнату. Мнѣ было скучно, тяжело и хотѣлось отъ безпричинной тоски плакать. Я хотѣлъ броситься на постель, чтобы забыться, но на ней лежалъ заложивъ ногу за ногу мой кузень, Митя Черновскій. Я опустился на кресло и закрылъ лицо руками. Безсвязныя, судорожныя мысли проносились вихремъ въ моемъ мозгу, гоня одинъ другія. Я думаль то о Любѣ, о всемъ нашемъ разговорѣ, то о недавнемъ вечерѣ, гдѣ мы напились... то о сейчасъ слышанныхъ словахъ о студенческой жизни... то о различныхъ моментахъ этой самой жизни. Одинъ образъ, кружась, влекъ другой и всѣ они, танцуя въ умѣ, куда-то убѣгали, оставляя неудовлетворительность и тягость и отдаваясь головною болью.

«Да, вотъ Люба... милая!. какъ она заплакала, уходя отъ меня. Бѣдная, что съ ней будетъ? опоплѣветъ такъ же, какъ всѣ здѣсь... Да, вотъ забыть бы все... И Винодѣлова, и Марью Николаевну, и университетъ и себя бы... Да вотъ не чувствовать бы этой головной боли... и этой тягости.. Найти бы хоть... хоть на минуту какое-нибудь спокойствіе... лечь бы на волну и такъ плыть и плыть.. Что это?.. Кто-то говорить? Ахъ, да, Митя... Что ему нужно? Всталъ и говорить что-то, и понять нельзя и какъ громко... Что такое? Надо не думать и прислушаться, можетъ быть, пойму... Что?

Митя спустилъ ноги съ постели и смотритъ на меня съ веселой улыбкой, какъ бы приглашая меня принять участіе въ его весельи.

«Ахъ.. да вѣдь онъ кончаетъ гимназію!» мелькаетъ у меня въ головѣ и я почему-то морщусь.

«Что тебѣ надо?» говорю я ему тревожно, «говори громче».

«Ничего не нужно.. что ты?» говоритъ онъ съ веселою улыбкой. «Я говорю только, что еще какихъ-нибудь четыре мѣсяца и я свободенъ. Завидую я тебѣ... какой ты счастливецъ, ты въ университетѣ».

Онъ протягиваетъ руки, потягиваясь и блаженно зѣвая. Глаза его становятся маленькіе-маленькіе и о чемъ-то мечтаютъ. Вѣроятно, объ университетѣ.

«Завидую... Чудная жизнь!» повторяетъ онъ еще разъ.

Я морщусь. Каждое его слово падаетъ мнѣ на душу какъ растопленное олово. Во мнѣ начинается расти какое-то страстное желаніе смутить его, огоршить, разбить его радостное настроеніе. Но я сдерживаюсь.

«Нечему завидовать», говорю я сквозь зубы.

«Какъ нечему?» говоритъ онъ удивленно «Свобода... наука!»

И онъ начинаетъ рисовать передо мною перспективы своего студенческаго житія. Говоритъ онъ страстно и вполнѣ горячо вѣрить въ свои слова. Я чувствую, что желаніе разбить его счастье растеть во мнѣ все сильнѣе. Нервы мои напрягаются до крайности.

«Ладно», говорю я ему, «замолчи, надоѣло!»

«Тебѣ надоѣло, а мнѣ нѣтъ», говоритъ онъ упрямо. Все, братъ, и самое наилучшее на свѣтѣ надоѣдаетъ. А только, признайся, что все-таки это лучшая пора.

Нервы мои не выдерживаютъ.

«Вздоръ!» кричу я ему, чувствуя, что меня прорвало наконецъ. «Ничего хорошаго!.. Одинъ обманъ!.. Противная жизнь!..»

«Какъ?» говоритъ онъ удивленно, дѣлая большіе глаза. «Развѣ это по-твоему не самое лучшее время?»

«Гнусное время!» говорю я ему рѣзко. «Потомъ самъ увидишь!»

По лицу Мити видно, что онъ страшно удивленъ, даже пораженъ моими словами. Въ глазахъ его проскальзываетъ: «Ужъ не шутишь ли ты?» Нѣкоторое время онъ сидитъ молча, потомъ встаетъ.

«Прощай!» говоритъ онъ такимъ тономъ, точно онъ отъ меня убѣгаетъ. «Ты что-то сегодня разозленъ на всѣхъ и вся. Поговорю съ тобой, когда ты будешь спокоенъ. Adieu... до свиданья. Завтра дома будешь?»

Я молчу. Онъ уходитъ. Я хожу изъ стороны въ сторону. Почему-то машинально я начинаю свистѣть «Арію Торреадора»: «смѣлѣй, смѣлѣй.. ей-ей!» безконечное число разъ. Машинально, точно меня толкала какая-то сила, я подошелъ къ столу и сталъ рыться самъ не зная зачѣмъ. Старыя запыленные бумаги скользили у меня между руками. Между другими мнѣ попался мой дневникъ... Съ удивленіемъ посмотрѣлъ я на него, точно будто бы я неожиданно нашелъ себя самого въ прошломъ. Я перелисталъ нѣсколько страницъ и прочелъ нѣкоторыя краткія замѣтки о гимназической жизни. На меня пахнуло вѣяніемъ давнишняго прошлаго... запахомъ старинныхъ дѣтскихъ воспоминаній, дорогихъ когда-то лицъ, сплетшихся въ одно съ этимъ ароматомъ пожелтѣлой бумаги. Мнѣ

страстно захотѣлось пережить еще разъ хоть въ умѣ это невозвратное время.

Я сѣлъ читать.

Я перелисталъ бѣгло нѣсколько страницъ, нѣсколько лѣтъ моей жизни. Какъ давно... даже не вѣрится, какъ я могъ быть такимъ. Случайно мое вниманіе остановила одна нѣсколько залитая чернилами страница.

Я прочелъ.

«12 іюня 189... года.

«Сегодня я кончилъ гимназію и вступилъ въ новую, чудную студенческую жизнь...Какъ я безумно счастливъ!

«Написалъ письмо Александру».

Долго я смотрѣлъ на эти строки, написанныя еще полудѣтской рукою. Точно передо мною разорвали сразу завѣсу и обнажили мою прошлую жизнь. Я не только вспомнилъ, я почувствовалъ себя на мигъ такимъ, какимъ я былъ пять лѣтъ тому назадъ, когда я писалъ это, неопытнаго, довѣрчиваго, еще полу-юношу, съ тѣми порывами къ добру и обворожительными мечтами объ университетѣ. Всѣ эти четыре года студенческой жизни пронеслись передо мною мгновенно, во всѣхъ своихъ мелочахъ, и всѣ эти годы показались мнѣ черными, какъ яма.

«Такъ вотъ оно что!» сказалъ я себѣ, еще и еще разъ обѣгая эти годы моей жизни и сравнивая ихъ съ тѣми прелестными розовыми мечтами. И вдругъ мнѣ страстно захотѣлось, какъ четыре года тому назадъ, написать письмо Александру и вылить ему все то, что въ душѣ накопило за это время.

Я сѣлъ за столъ и сталъ писать.

Въ столовой пили чай и говорили о студенческой жизни. Винодѣловъ опять восторгался ею и рассказывалъ пикантные случаи изъ нея. Кандидатъ Задворскій говорилъ объ университетѣ, какъ факелъ прогреса, и грустилъ о дѣленіи на институты.

«Чудная... обворожительная жизнь!» вздыхалъ чей-то женскій голосъ.

Изъ зала доносились звуки рояля, и товарищъ прокурора Красногорскій пѣлъ сочнымъ баритономъ.

«Я васъ любилъ. Любовь моя, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ».

Я сидѣлъ и писалъ:

«Дорогой Александръ, давно я тебѣ не писалъ потому, что въ послѣднее время нахожусь въ такомъ настроеніи, когда не только писать, но говорить и думать не хочется. Какая-то апатія и вялость въ душѣ. На всякій порывъ что-нибудь сдѣлать, на всякое желаніе является вопросъ: «зачѣмъ?» «къ чему?» и такъ, и не окончивъ, все бросаешь. Но сегодня мнѣ страшно захотѣлось побесѣдовать съ тобою и высказать тебѣ кое-какія свои думы и чувства, къ которымъ меня привела моя студенческая жизнь. Я хочу задать тебѣ одинъ мучающій меня часто вопросъ и узнать, какъ ты на него чистосердечно отвѣтишь.

«Помнишь, четыре года тому назадъ, кончивъ гимназію, я написалъ тебѣ свѣтлое и восторженное письмо. Сегодня, просматривая дневникъ, я оплакивалъ, какъ мертвеца, это чудное давнишнее чувство. Теперь отъ

всѣхъ этихъ юныхъ надеждъ и ожиданій не осталось ничего, никакого отзвука. Выросло какое-то вмѣсто нихъ и обидное, и горькое чувство полного разочарованія въ томъ, что нѣкогда мнѣ казалось столь прекраснымъ.

«Мнѣ опротивѣлъ теперь университетъ и все, что связано съ нимъ хоть отчасти. Говоря искренно, что хорошаго я видѣлъ въ немъ за всѣ тѣ четыре года, что я провелъ здѣсь? Научили ли меня профессора какой-нибудь новой правдѣ, укрѣпили ли они въ моей душѣ то благое, съ чѣмъ я вступилъ сюда раньше. Я теряю здѣсь тѣ немногіе порывы къ добру, что были у меня въ гимназій. Съ каждымъ годомъ, я чувствую, я погружаюсь все болѣе и болѣе въ какую-то тину жизни и становлюсь мельче и пошлѣе.

«Я влачу безцѣльную, скучную, сѣрую жизнь. Я наполняю ее, какъ радостями, только билліардомъ и развращеніемъ женщинъ. Я учусь не съ радостнымъ чувствомъ познанія, а тяну грузъ разныхъ наукъ съ мыслями о будущемъ дипломѣ. Каждый день меня томить тоска и растетъ неудовлетворенность своею жизнью. Но зачѣмъ же тогда тянуть это существованіе, которое мнѣ порой невыносимо. Мои молодые, лучшіе годы единственно данной мнѣ въ вѣчности жизни проходятъ совершенно даромъ? Мое будущее, къ которому я неуклонно иду и которымъ, знаю, буду жить непремѣнно, давно уже осуждено моимъ сознаніемъ и таково, что, думая о немъ, я прихожу въ ужасъ. Я трупъ и медленно разлагаюсь. Но мнѣ больно это живое разложеніе. Я не хочу его. Я страстно же-

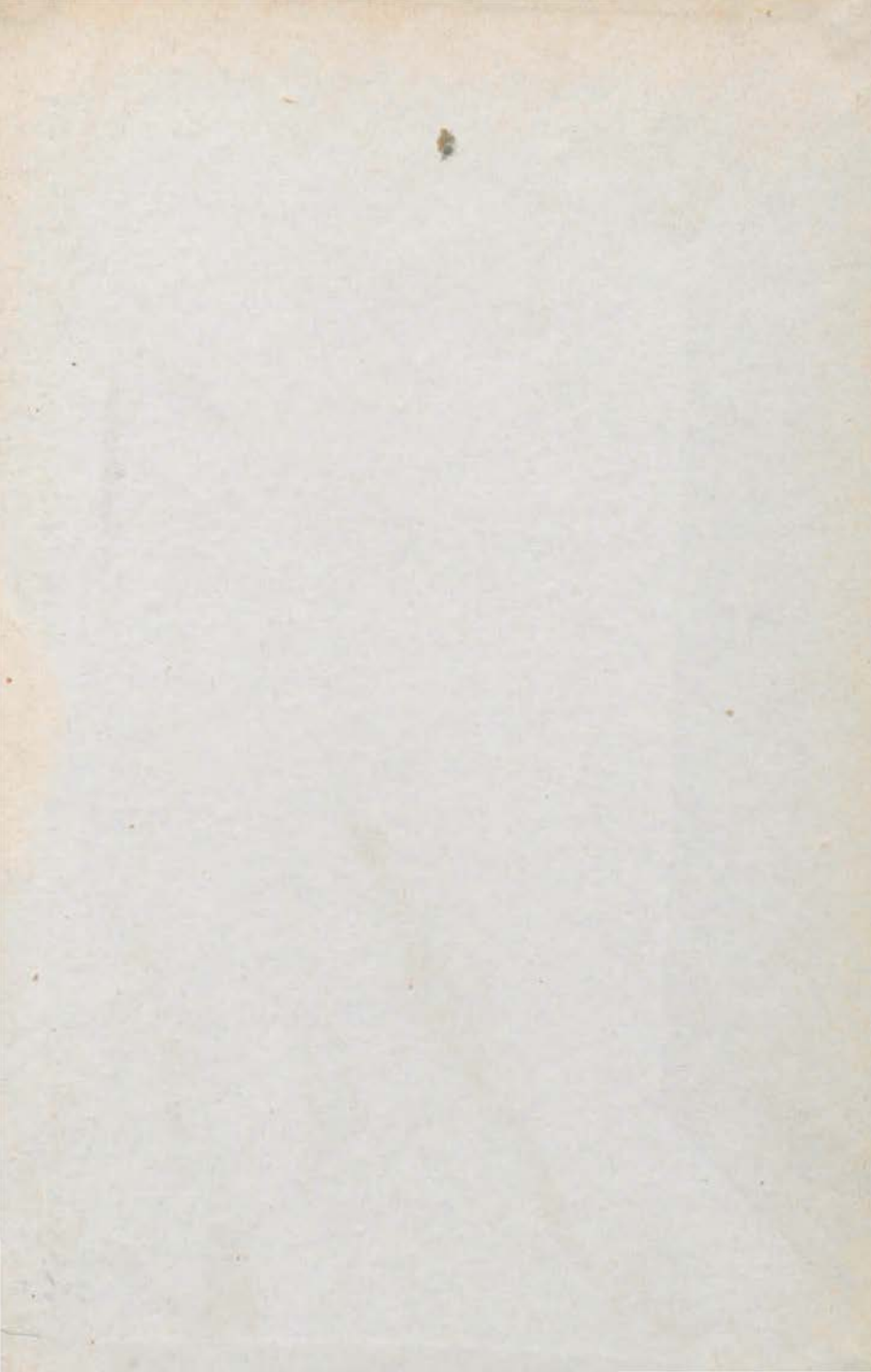
лалъ бы прожить жизнь хорошо, ярко и свѣтло. Но какъ это сдѣлать? Гдѣ выходъ изъ этого мучительнаго положенія? Гдѣ идеаль, въ который можно бы повѣрить и проводить его въ жизни.

«Я не вижу этого выхода. Мнѣ противно и надоѣло x все и моя студенческая жизнь, и люди, и самъ я всего болѣе себѣ противенъ. Кругомъ все сѣро, скучно и пошло, а на душѣ такъ безотрадно-темно и такъ мучительно-грустно».

КОНЕЦЪ.

III. 11444.

145
no

2010513987